MA 10
401

МД 10 401 XXII-2

ОБЩИННЫЙ БЫТЪ

и

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ НЕОБЕЗПЕЧЕННОСТЬ

КРЕСТЬЯНЪ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Государственные долги Россіи. Историко-статистическое изслѣдованіе, удостоенное Императорскимъ С.-Петербургскимъ университетомъ преміи Топчибашева. С.-Петербургъ, 1884.

Податная реформа. Французскія теоріи XVIII стол. С.-Петербургъ, 1888.

Круговая порука сельскихъ обществъ. Соображенія редакціонныхъ комиссій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 годъ. С.-Петербургъ, 1896.

Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Историко-критическій обзоръ дѣйствующаго законодательства, въ связи съ практикою крестьянскаго податнаго дѣла. С.-Петербургъ, 1897.

5-
МД10 401

ОБЩИННЫЙ БЫТЪ

и

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ НЕОБЕЗПЕЧЕННОСТЬ

КРЕСТЬЯНЪ.

Изслѣдованіе

Николая Бржескаго,

доктора финансоваго права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1899.

И

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Ноября 1898 года.

ГОСУДАРСТВ. ОБЪЕДИНЕНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

924534

Предисловіе.

Въ литературѣ, посвященной обслѣдованію разныхъ сторонъ общиннаго быта, приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, будто крестьянская земельная община въ томъ видѣ, какою мы ее теперь знаемъ, представляется явленіемъ изстариннымъ, имѣющимъ глубокіе корни въ далекомъ историческомъ прошломъ русскаго народа. Мнѣніе такое, хотя и общепринятое, врядъ-ли имѣетъ твердую почву подъ собою, Проявляющіяся въ общинной жизни бытовыя привычки народа, конечно, весьма устойчивы, но эта устойчивость не есть еще неподвижность, ибо жизнь есть вѣчное, безостановочное движеніе впередъ. Подъ старыми формами народной жизни нерѣдко кроется совершенно новое содержаніе. Община, въ ея настоящемъ видѣ, есть, несомнѣнно, результатъ новыхъ пореформенныхъ условій жизни русскаго народа; между этою общиною, выросшею и сложившеюся на почвѣ узаконеній 19 февраля 1861 года, и общиною крѣпостнаго времени нѣтъ ничего общаго. Остались только внѣшнія проявленія общиннаго землевладѣнія, которыми отнюдь не исчерпывается содержаніе общиннаго быта; государственное же и хозяйственное значеніе новой земельной общины стало совершенно инымъ.

При господствѣ крѣпостнаго права, государственное значеніе общины было ничтожно; кругъ дѣлъ, порученныхъ ея вѣдѣнію, не выходилъ за предѣлы сословно крестьянскихъ интересовъ; земельно-податная дѣятельность общинъ находилась подъ ближайшимъ надзоромъ помѣщика или окружнаго начальника, власть которыхъ ограждала каждаго отдѣльнаго домохозяина отъ злоупотребленія сельскихъ властей и отъ насилія сходовъ. Условія сельскохозяйственнаго труда складывались благопріятно, такъ какъ дореформенная община не могла производить общіе передѣлы

во всякое время по своему усмотрѣнію и лишена была права отбирать надѣлы за недоимку; отвѣчая по круговой порукѣ (которая, однако, не примѣнялась въ помѣщичьихъ имѣніяхъ), она не обязана была заводить у себя сложные по самому своему существу податные порядки, предполагающіе наличность въ народной массѣ не только элементарной грамотности, но и нѣкоторыхъ болѣе спеціальныхъ знаній. Наконецъ—что въ особенности важно—надѣленіе землею подростающихъ поколѣній не лежало на обязанности общины, такъ какъ отводъ надѣльныхъ участковъ новымъ тягламъ или прибылымъ ревизскимъ душамъ совершался изъ состава свободныхъ помѣщичьихъ или казенныхъ земель.

Не такова была община, призванная къ жизни положеніями 19 февраля 1861 года.

Съ отмѣною крѣпостнаго права, измѣнилось, прежде всего, государственное значеніе общины: она стала низшею административною единицею; по мѣрѣ расширенія и усложненія мѣстныхъ задачъ государственнаго управленія, расширялся и усложнялся кругъ дѣлъ, хотя порученныхъ вѣдѣнію сельскихъ обществъ, но имѣвшихъ общегосударственное значеніе. Должностныя лица крестьянскаго управленія сдѣлались, такимъ образомъ, органами правительственной власти, а не блюстителями исключительно сословно крестьянскихъ интересовъ, какими они были въ дореформенное время.

Еще существеннѣе измѣнилось хозяйственное значеніе земельной общины. Предоставленное ей право распоряжаться по своему усмотрѣнію надѣльною землей въ видѣ общихъ и частныхъ передѣловъ явилось непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію крестьянами сельскохозяйственныхъ успѣховъ, такъ какъ всякаго рода затраты на улучшеніе земельной обработки сопряжены были съ извѣстнымъ рискомъ. Съ другой стороны, отнесеніе податнаго дѣла, въ полномъ его объемѣ, къ вѣдѣнію общины, съ предоставленіемъ послѣдней права безконтрольно обезземеливать недоимщиковъ, усилило непосредственное воздѣйствіе міра на распредѣленіе имущественнаго достатка и земли среди однообщественниковъ. Надлежащее устройство земельно-податнаго дѣла есть необходимое предположеніе хозяйственнаго преуспѣянія народной массы: этимъ, именно, объясняется высокій уровень зажиточности, достигнутый государственными крестьянами въ эпоху, непосредственно предшествовавшую освобожденію

крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, въ новой земельной общинѣ устройство земельно-податнаго дѣла покоилось не на твердыхъ указаніяхъ писаннаго закона, а поставлено въ зависимость отъ благоусмотрѣнія, отъ самодѣятельности и административнаго творчества сельскихъ сходовъ, по своему составу и по развитію большинства своихъ членовъ не способныхъ, однако, справиться съ этою сложною задачею. При такихъ условіяхъ силою вещей должно было выдвинуться вліяніе должностныхъ лицъ сельскаго управленія, которыя, направляя разрѣшеніе земельно-податныхъ вопросовъ сообразно своимъ видамъ и цѣлямъ, могли, однако, прикрываться безотвѣтственностью сельскихъ сходовъ. Предоставленное общинѣ право отбирать надѣлы за недоимку, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія по землевладѣнію цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ его членовъ при общинномъ землевладѣніи, открывало широкій просторъ дѣйствіямъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія и сельскихъ сходовъ, направленныхъ въ подрывъ интересамъ отдѣльныхъ членовъ общества. Въ пореформенное время обязанность обезпеченія землею подростающихъ поколѣній легла уже всецѣло на общину, располагавшую для этой цѣли надѣломъ, замкнутымъ въ разъ на всегда установленные предѣлы. При совершающемся непрерывно приростѣ населенія и при соотвѣтственномъ увеличеніи спроса на землю, борьба изъ за послѣдней въ общинѣ должна была возгорѣться неизбѣжно. Въ этомъ отношеніи новая община существенно отличается отъ крѣпостной.

Земля и подать—эти два могущественные факторы хозяйственнаго преуспѣянія сельскаго населенія Россіи съ изданіемъ положеній 19 февраля 1861 года переданы были въ полное распоряженіе сельскихъ обществъ. Устроителемъ хозяйственнаго быта своихъ сочленовъ явилась община; разверстывая по своему усмотрѣнію и землю, и подать, община получила ту силу воздѣйствія на хозяйственный достатокъ каждаго изъ домохозяевъ, какой она никогда не имѣла и не могла имѣть при дореформенныхъ порядкахъ.

Каковы были послѣдствія примѣненія на практикѣ этой силы? На поставленный, такимъ образомъ, вопросъ нѣтъ двухъ отвѣтовъ. Всѣ, безъ исключенія, и правительственные, и земскіе матеріалы сходятся на томъ, что хозяйственная, въ широкомъ смыслѣ

этого слова, дѣятельность пореформенной общины дала отрицательные результаты. Это удостовѣрено коммиссіями статсъ-секретаря Валуева и податной, сенаторскими ревизіями, земскими подворными переписями, данными министерства внутреннихъ дѣлъ, собранными при составленіи правилъ о земельныхъ передѣлахъ и закона о неотчуждаемости крестьянскихъ земель; это подтверждено въ самое послѣднее время и губернскими совѣщаніями по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Что въ особенности характерно въ жизни нашей пореформенной общины — это внутреннее ея разслоеніе, все быстрѣе и все замѣтнѣе растущая неравномѣрность распредѣленія имущественнаго достатка между крестьянами-однообщественниками: богатѣютъ одни по мѣрѣ того, какъ бѣднѣютъ другіе. Иначе и быть не могло: крестьянская земельная община, созданная положеніями 19 февраля 1861 года, въ самой себѣ, во всемъ хозяйственномъ и административномъ складѣ, носила задатки будущаго разложенія. Съ одной стороны, при полной необезпеченности правъ каждаго отдѣльнаго домохозяина на надѣльную землю, открытъ былъ широкій просторъ въ общинѣ борьбѣ противоположныхъ интересовъ изъ-за обладанія землею, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность земли высока; исходъ этой борьбы, какъ и всякой другой, былъ, конечно, къ выгодѣ сильнѣйшихъ. Съ другой стороны, возложеніе на общину, въ лицѣ сельскаго схода, несвойственныхъ ей обязанностей по наблюденію за исправнымъ поступленіемъ податей, по взысканію недоимокъ и по устройству податнаго счетоводства и отчетности имѣло послѣдствіемъ повсемѣстное развитіе недоимочности; но мѣры, принимаемыя общиною, обрушивались всею своею тяжестью опять таки на слабосильныхъ домохозяевъ, которые могли быть даже обезземеливаемы. Слабая сторона пореформеннаго общиннаго быта заключалась не столько въ самыхъ условіяхъ общиннаго пользованія землею, сколько въ полной необезпеченности земельныхъ и податныхъ правъ каждаго отдѣльнаго члена общины передъ произволомъ сельскаго схода. Личность крестьянина, во всей совокупности ея хозяйственныхъ интересовъ и даже гражданскихъ правъ, принесена была въ жертву общинному началу, а сама община, интересовавшая правительство главнымъ образомъ въ качествѣ сборщика податей, неспособна была къ проявленію должной заботливости объ общемъ благѣ, о хозяйственномъ преуспѣяніи каждаго изъ своихъ сочленовъ.

Сельскохозяйственный промыселъ есть, безспорно, главнѣйшая у насъ основа народнаго богатства, а между тѣмъ трудное положеніе крестьянскаго общиннаго сельскаго хозяйства представляется фактомъ, не нуждающимся въ доказательствахъ. На огромномъ пространствѣ общиннаго землевладѣнія въ прежнее время, какъ и теперь, встрѣчаются, конечно, мѣстности, гдѣ прогрессивныя теченія, проложивъ себѣ дорогу въ крестьянскомъ хозяйствѣ, сдѣлались достояніемъ всѣхъ однообщественниковъ. Но такого рода мѣстности, составляя рѣдчайшее исключеніе, лишь подтверждаютъ силу общаго правила, что общинное владѣніе землею, какъ вообще, такъ въ особенности при слабомъ распространеніи грамотности въ народѣ и полномъ отсутствіи сельскохозяйственныхъ знаній, обрекаетъ крестьянское хозяйство на косность и неподвижность. Всюду и всегда отдѣльныя, болѣе даровитыя личности, своимъ починомъ и энергіею, прокладываютъ массѣ новые пути и увлекаютъ ее своимъ примѣромъ, а въ нашей крестьянской земельной общинѣ наоборотъ, именно масса, въ лицѣ сельскаго схода, должна была явиться двигателемъ сельскохозяйственнаго прогресса.

Развитіе и совершенствованіе земледѣльческаго труда встрѣчаетъ препятствіе и въ виду основной задачи, которая возложена законодателемъ на сельскую общину,—задачи, врядъ-ли осуществимой при современныхъ условіяхъ: надѣлять землею всѣхъ членовъ общины, когда количество надѣльной земли остается неизмѣннымъ, а прирость населенія совершается непрерывно. Въ общинѣ всѣ домохозяева являются лишь временными владѣльцами своихъ надѣловъ и всякія затраты на улучшеніе культуры участка, въ виду возможности передѣла, сопряжены съ извѣстнымъ рискомъ; земля, поэтому, все болѣе истощается, а трудъ земледѣльца становится все менѣе производительнымъ. Вредное вліяніе передѣловъ въ этомъ отношеніи ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣній, но предѣлы тѣмъ не менѣе допускаются законодателемъ въ качествѣ средства, которымъ община достигаетъ уравнительнаго землепользованія и надѣляетъ землею прибылыя души. Въ общинѣ не можетъ быть сохранено требуемое условіями сельскаго хозяйства соотношеніе между разными видами угодій, такъ какъ, подъ вліяніемъ усиливающагося спроса на пахотную землю, сокращается постепенно площадь надѣла, на которой происходитъ общій выгонъ и пастьба скота; сокращаются,

слѣдовательно, и размѣры крестьянскаго скотоводства, и производительность крестьянскихъ полей, остающихся безъ удобренія. Веденіе сколько нибудь правильнаго хозяйства предполагаетъ наличность земельнаго участка не менѣе извѣстнаго размѣра,— смотря по мѣстнымъ условіямъ и по характеру полеводства; но въ общинѣ земля дробится до безконечности, такъ какъ всѣ ея члены имѣютъ одинаковое право на надѣлъ, хотя бы послѣдній не обезпечивалъ никого изъ нихъ. Наконецъ, установленная дѣйствующимъ закономъ неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель оберегаетъ сословные, а не хозяйственные интересы крестьянъ; отнюдь не устраняя возможности скопленія надѣловъ въ однихъ рукахъ, она наноситъ ущербъ интересамъ радивыхъ домохозяевъ, ищущихъ выхода изъ круговой поруки, и обезцѣниваетъ надѣльную землю.

Изложенное приводитъ къ заключенію, что узаконенія, на почвѣ которыхъ выросли и сложились современные общинные порядки, не соотвѣтствуя потребностямъ новаго времени, препятствуютъ поступательному движенію народной массы въ области хозяйственной и правовой и, слѣдовательно, понижаютъ уровень народнаго достатка. Узаконенія эти отжили свое время и нуждаются въ пересмотрѣ по существу.

Таковы положенія, ближайшему обоснованію которыхъ посвящена настоящая работа.

Н. Б.

Общинный бытъ и хозяйственная необезпеченность крестьянъ.

(По поводу предстоящаго пересмотра крестьянскихъ законоположеній).

Земельная община, разсматриваемая отвлеченно, внѣ условій времени и мѣста, представляется лучшимъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса. Трудъ и капиталъ—эти силы, всюду борющіяся между собою, здѣсь, въ общинѣ, живутъ въ полномъ мирѣ и согласіи, взаимно другъ друга поддерживая и дополняя. Принадлежность къ общинѣ даетъ право на полученіе земельнаго надѣла; каждый членъ общины, способный къ труду, имѣетъ полную возможность приложить свои силы къ землѣ; вновь нарождающіяся и подростающія поколѣнія вступаютъ на жизненный путь подъ охраною общины; располагая крупнымъ капиталомъ — общественною землею, община дѣлитъ этотъ капиталъ между всѣми своими сочленами, обезпечивая каждому изъ нихъ спокойный бытъ и безбѣдное существованіе. Въ общинѣ нѣтъ частной собственности на землю; вся мірская земля, кромѣ усадебной, находится въ распоряженіи общины, которая и отвѣчаетъ передъ государствомъ за лежащія на землѣ повинности. „При общинномъ пользованіи, говорится въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи, физическое лицо не можетъ указать ни на одну количественную часть имущества, которую имѣло бы въ исключительной своей власти; самое число членовъ, участвующихъ во владѣніи, не есть нѣчто постоянное, неизмѣнное, но измѣняется безпрерывно извнутри и извнѣ, наростаетъ и уменьшается, и каждому члену общины принадлежитъ только право владѣнія, но и послѣднее принадлежитъ ему въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены общиною, міромъ“...

Такимъ образомъ, въ отвлеченномъ представленіи, земельная община является своеобразнымъ хозяйственнымъ организмомъ, гдѣ весь земельный распорядокъ и все податное дѣло предоставлены благоусмотрѣнію міра, призваннаго опекать малолѣтнихъ, призрѣвать сирыхъ, слабыхъ и престарѣлыхъ, поддерживать маломочныхъ; гдѣ нѣтъ

и не должно быть сколько-нибудь значительнаго имущественнаго неравенства, такъ какъ главная основа имущественнаго достатка—земля распредѣляется по однимъ общимъ для всѣхъ членовъ общины основаніямъ и, благодаря круговой порукѣ, достигается полное соотвѣтствіе между платежною способностью двора и его земельнымъ владѣніемъ; гдѣ забота объ обезпеченіи землею подростающихъ поколѣній лежитъ не на семьѣ, а на самой общинѣ, представляющей собою какъ бы одну большую семью.

Чѣмъ меньше изслѣдованы были и изучены разностороннія проявленія общинной жизни на почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ и статистическихъ данныхъ, тѣмъ явственнѣе выступала на первый планъ, указанная выше, показная сторона общиннаго строя, тѣмъ большими симпатіями должна была пользоваться община со стороны всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы низшихъ трудовыхъ слоевъ народа. Вотъ почему въ русской литературѣ, посвященной разработкѣ вопросовъ народнаго быта, съ давнихъ поръ сильно теченіе, идеализировавшее нашу сельскую земельную общину, хотя фактическихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ ходѣ общинной жизни до самаго послѣдняго времени было очень мало. Безпочвенное увлеченіе общиною шло такъ далеко, что многіе усматривали въ ней высшее, наиболѣе отрадное созданіе русскаго народнаго генія. Характерно, что родоначальникомъ идеалистическаго направленія въ нашей литературѣ объ общинѣ является иностранецъ—баронъ Гакстгаузенъ, наблюдавшій Россію въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ эпоху полнаго господства крѣпостнаго права. Все, что было сказано этимъ талантливымъ писателемъ о высокомъ значеніи русской земельной общины, которую онъ только наблюдалъ, а не изслѣдовалъ и не изучалъ, все это и теперь еще повторяется у насъ сторонниками общины; мѣняется изложеніе формулы, предложенной Гакстгаузеномъ; остается въ полной силѣ внутреннее ея содержаніе.

„Русское общинное устройство, говоритъ Гакстгаузенъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ государственныхъ учрежденій, существующихъ въ мірѣ. Оно представляетъ несомнѣнныя выгоды для внутренняго общественнаго состоянія. Въ русской сельской общинѣ есть органическая связь, въ ней лежитъ столь крѣпкая общественная сила и порядокъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ; община доставляетъ Россіи ту неизмѣримую выгоду, что въ этой странѣ до сихъ поръ нѣтъ пролетаріата и онъ не можетъ образоваться, пока существуетъ такое общественное учрежденіе. Человѣкъ можетъ обѣднѣть, промотать свое имущество, но это не повредитъ его дѣтямъ: они все-таки удерживаютъ или вновь получаютъ свой участокъ по общинному праву; дѣти не наслѣдуютъ въ русской общинѣ нищеты отца“...

Для надлежащей оцѣнки этихъ сужденій Гакстгаузена необходимо имѣть въ виду особыя условія внутренняго быта крестьянской земельной общины не только въ эпоху, къ которой непосредственно относятся наблюденія Гакстгаузена, но и значительно позднѣе, — въ моментъ, когда редакціонныя коммисіи уже трудились надъ составленіемъ крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 г.

Община дореформенная во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ отправленіяхъ была подчинена надзору—въ лицѣ окружныхъ начальниковъ (государственные крестьяне) или помѣщика (помѣщичьи крестьяне). У государственныхъ крестьянъ земля отводилась общинамъ по числу ревизскихъ душъ; надѣлъ этотъ оставался неизмѣннымъ отъ ревизіи до ревизіи; увеличеніе надѣла происходило въ томъ лишь случаѣ, если новая ревизія обнаруживала приростъ населенія. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ былъ принятъ тягольный порядокъ надѣла. Барщина отбывалась тяглами—единицами рабочей силы; даже въ оброчныхъ имѣніяхъ слѣдовавшіе помѣщикамъ оброки разверстывались и взимались преимущественно по тягламъ. Такъ какъ надѣлы государственныхъ крестьянъ были столь значительны, что обыкновенно превосходили дѣйствительную ихъ потребность въ землѣ, то общины нерѣдко пользовались этимъ для удержанія своего тягловаго порядка надѣленія землею.

Къ производству общихъ передѣловъ въ государственныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ повода не было. Если число тяголъ, т. е. брачныхъ паръ, постепенно увеличивалось, соотвѣтственно приросту населенія, то эти новыя пары безпрепятственно получали новые тягловые участки изъ общаго, обильнаго въ то время запаса пустопорожнихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель. Въ крайне рѣдкихъ случаяхъ малоземелья казенныхъ имѣній, часть крестьянъ этихъ имѣній была выселяема правительствомъ на свободныя казенныя земли другихъ мѣстностей и губерній.

Тягловой порядокъ крестьянскаго землевладѣнія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по самому существу своему исключалъ возможность общихъ передѣловъ, въ смыслѣ измѣненія величины и состава хозяйственныхъ земельныхъ участковъ. Здѣсь, какъ и у государственныхъ крестьянъ, была въ ходу скидка и накидка тяголъ (частный передѣлъ), т. е. надѣленіе возникающихъ тяголъ упразднившимися или вновь образуемыми тягловыми участками.

Скидка тягла производилась не только въ томъ случаѣ, когда брачная пара, составлявшая тягло, уничтожалась смертью одного изъ супруговъ, но и тогда, когда тягловый работникъ отъ дряхлости, немощи или хронической болѣзни утрачивалъ способность къ работѣ. Накидка тягла происходила всякій разъ, когда во дворѣ появлялась новая брачная пара. Такимъ образомъ, однотягольные дворы превра-

щались въ двухъ или болѣе тягольные, а въ многотягольныхъ дворахъ происходила отъ времени до времени то скидка, то накидка тяголъ, причемъ тягловые участки, въ полномъ и неизмѣнномъ ихъ составѣ, оставались во владѣніи тяголъ или брачныхъ паръ во все продолженіе ихъ рабочей жизни и только по упраздненіи тяголъ, владѣвшихъ этими участками, послѣдніе въ томъ же составѣ передавались вновь возникавшимъ тягламъ того же двора или другихъ дворовъ [1]).

За повинности помѣщичьихъ крестьянъ отвѣчалъ предъ казною самъ помѣщикъ и круговая порука въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общему правилу не примѣнялась. Всякій помѣщикъ, отвѣчая лично за исправный взносъ податей, могъ, конечно, принимать всѣ нужныя мѣры къ своевременному сбору платежей съ крестьянъ; равнымъ образомъ ему предоставлялось право установлять въ своемъ имѣніи такой размѣръ господскихъ работъ или оброка, который соотвѣтствовалъ бы силамъ и средствамъ крестьянъ; но при этомъ какъ въ издѣльныхъ, такъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ помѣщикъ обыкновенно имѣлъ дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ, отвѣтствовавшимъ предъ нимъ за исправное отбываніе повинностей каждымъ изъ тягловыхъ членовъ своего семейства.

Въ общинахъ государственныхъ крестьянъ исправное поступленіе податей и повинностей обезпечивалось круговою порукою общины, но круговая порука разсматривалась фискальнымъ правомъ правительства, которое приняло, съ своей стороны, всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить общинѣ тягость примѣненія круговой отвѣтственности и даже устранить самую возможность такого примѣненія посредствомъ правильной постановки всѣхъ сторонъ крестьянскаго податнаго дѣла на почвѣ законодательной регламентаціи, обезпечивавшей интересы какъ самой общины, такъ и отдѣльныхъ плательщиковъ.

Почва для круговой отвѣтственности имѣлась въ имущественномъ складѣ дореформенной общины. Въ эпоху крѣпостнаго права надъ хозяйственнымъ бытомъ всѣхъ крестьянъ тяготѣла опека власти въ лицѣ окружнаго начальства или помѣщиковъ; такая опека, лишая крестьянъ права свободно распоряжаться своею личностью и трудомъ, имѣла ближайшею своею цѣлью обезпечить имъ извѣстное довольство, какъ необходимое предположеніе рабочей и платежной способности, въ сохраненіи которой было заинтересовано и государство, и помѣстное сословіе. Въ этихъ видахъ крестьянамъ предоставлялось почти неограниченное пользованіе лѣсомъ и пастбищами; въ случаѣ надобности они снабжались сѣменами для посѣва, кормомъ, соломою, даже скотомъ и лошадьми. Движеніе крестьянъ изъ селеній въ отхо-

[1]) Семеновъ, Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Выводы и заключеніе. СПБ. 1894; стр. 16—19.

жіе промыслы точно также зависѣло отъ благоусмотрѣнія опекающей власти. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого руководительства хозяйственной жизнью крестьянъ, въ связи съ преобладаніемъ натуральнаго хозяйства надъ денежнымъ, былъ довольно однообразный въ общемъ имущественный уровень отдѣльныхъ членовъ крестьянства; въ дореформенной деревнѣ, по общему правилу, не было очень зажиточныхъ крестьянъ, но не было и совершенно бѣдствующихъ.

Такова была община, которую знали составители крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 года. Она въ извѣстной мѣрѣ могла соотвѣтствовать воззрѣніямъ всѣхъ тѣхъ, кто, становясь на узко-сословную точку зрѣнія, видѣлъ въ крестьянствѣ, какъ въ низшемъ сословіи, ничто иное, какъ рабочую массу, нуждающуюся исключительно въ удовлетвореніи насущныхъ физическихъ потребностей и то лишь постольку, поскольку это необходимо для обезпеченія исправнаго выполненія крестьянами лежащихъ на нихъ повинностей. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ основательно ставятъ въ заслугу общинѣ, что благодаря ей подростающія поколѣнія „не наслѣдуютъ нищеты отца“; нѣтъ надобности, чтобы они наслѣдовали отцовскія сбереженія, возможныя лишь тамъ, гдѣ есть свободный трудъ, гдѣ личность свободно распоряжается своими силами и способностями, а результаты накопленнаго труда передаетъ своему потомству.

Въ крѣпостную эпоху права признавались не за отдѣльными крестьянами, а только за общиною крестьянскою; объемъ этихъ правъ былъ мѣстами весьма значителенъ, напр., въ оброчныхъ имѣніяхъ, гдѣ община почти не чувствовала надъ собою гнета помѣщичьей власти. Каждый отдѣльный крестьянинъ пользовался извѣстными правами лишь на міру, въ качествѣ члена общины, и лишь въ отношеніи порученныхъ ей дѣлъ; внѣ общины гражданская личность за крестьяниномъ не признавалась; внѣ общины онъ являлся безъимянною „душою“, жившею не для себя, не для удовлетворенія своихъ духовныхъ и матеріальныхъ потребностей, а почти исключительно для отбыванія повинностей. Безграничная власть помѣщика всегда тяготѣла не надъ общиною, не надъ міромъ, а именно надъ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ; вся сущность крѣпостнаго строя—въ полномъ обезличеніи крестьянства.

Когда губернскіе комитеты и редакціонныя коммисіи призваны были къ составленію положеній 19 февраля 1861 года, то многимъ изъ благородныхъ дѣятелей той эпохи было вполнѣ ясно, что поставленная на очередь реформа должна имѣть ближайшею своею цѣлью признаніе за каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ общегражданскихъ правъ и, прежде всего, права свободно располагать своимъ трудомъ, имѣть частную собственность и лично отвѣчать по своимъ обязательствамъ. Эти сторонники индивидуализма не могли сочувствовать ни

общинному землевладѣнію, ни, въ особенности, круговой порукѣ. Предположеніе хозяйственнаго отдѣленія редакціонныхъ коммисій, что мірскія общества обязываются разлагать недоимки отдѣльныхъ крестьянъ уравнительно на всѣхъ остальныхъ членовъ общества и вносить всю слѣдуемую съ общества сумму къ положенному сроку, не дожидаясь взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ, вызвало рядъ возраженій. „Это положеніе, поставляя общую поголовную отвѣтственность впередъ личной, поглощаетъ совершенно личность въ пользу массы. Разумѣется, при такомъ порядкѣ вещей, надобно отдать человѣка въ произвольное распоряженіе массы, почти въ ту же крѣпостную зависимость и даже болѣе тяжкую, потому что произволъ многихъ гораздо хуже произвола одного лица. Это положеніе ведетъ само собою къ вредному постороннему вмѣшательству общества въ самую домашнюю жизнь человѣка и нисколько не обезпечиваетъ отдѣльнаго крестьянина отъ строгихъ имущественныхъ взысканій, связанныхъ съ началомъ личной отвѣтственности. Такимъ образомъ, общество должно имѣть право отбирать у недоимщика имущество и полученныя имъ земли, и даже отдавать его въ рекруты...“

Останавливаясь на вопросѣ, почему „состояніе нѣкоторыхъ казенныхъ селеній кажется многимъ хуже положенія крѣпостныхъ крестьянъ“, нѣкоторые изъ членовъ симбирскаго губернскаго комитета приходятъ къ заключенію, что причина указаннаго явленія „заключается именно въ общинномъ владѣніи землею, въ соединенномъ съ нимъ за повинности ручательствѣ міра и предоставленной этому послѣднему неизбѣжной власти надъ отдѣльными личностями. Правда, что доселѣ въ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне принимали иногда добровольно на себя круговое ручательство, но въ такомъ только случаѣ, когда предоставленныя имъ выгоды значительно превышали наложенный на нихъ оброкъ, или же для огражденія себя отъ полноправія помѣщика, но нерѣдко замѣняющее его полноправіе міра было тягостнѣе для слабыхъ и неимущихъ, которые обыкновенно поступали въ батраки къ сильнымъ, богатымъ или безъ очереди въ рекруты“.

Изъ числа редакціонныхъ коммисій, благотворное вліяніе личной самостоятельности въ дѣлѣ хозяйственнаго преуспѣянія освобождаемыхъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ особенно признавалось финансовою коммисіею, разрабатывавшею положеніе о выкупѣ. Главное условіе успѣшнаго въ будущемъ поступленія выкупныхъ платежей коммисія усматривала какъ въ ихъ умѣренности по сравненію съ повинностями, лежавшими на крестьянахъ въ крѣпостное время, такъ и въ томъ „весьма важномъ“ обстоятельствѣ, что „переходъ крестьянъ съ барщины на оброкъ, большее обезпеченіе ихъ въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи, наконецъ, самое развитіе въ нихъ,

вслѣдствіе выкупа, чувства личной самостоятельности и охоты къ собственности,—словомъ всѣ тѣ явленія, которыми сопровождаться будетъ постоянное дѣйствіе новаго положенія о крестьянахъ, не могутъ не оказать самаго благодѣтельнаго вліянія на возвышеніе уровня ихъ матеріальнаго благосостоянія, а послѣднее должно неизбѣжно въ скоромъ времени не только облегчить сборъ налоговъ прямыхъ, но еще послужить къ усиленію налоговъ косвенныхъ и преимущественно налоговъ съ потребленія"...

Особенно широко и ярко задачи крестьянской реформы указаны въ отзывѣ тридцати семи членовъ губернскихъ комитетовъ втораго призыва. „Для крестьянъ нужно полное освобожденіе; нужна полнота гражданскихъ правъ, отмѣна всякаго недобровольнаго прикрѣпленія и свобода перехода; необходима личная независимость, не связанная властью міра, условіями общиннаго владѣнія и круговой отвѣтственности; потребна совершенная свобода въ избраніи образа жизни и занятій"...

Отсюда видно, что въ средѣ губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммисій было немало лицъ, которыя, значительно опережая свое время, ставили крестьянской реформѣ широкую задачу — развязать крѣпостныя отношенія не только между крестьянствомъ и помѣстнымъ сословіемъ, но также между каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ и общиною. Лица эти отлично понимали, что особыя условія общиннаго землевладѣнія, въ связи съ круговою порукою, неизбѣжно отразятся на всемъ строѣ гражданскихъ правоотношеній крестьянъ и что прикрѣпленіемъ крестьянина къ землѣ, принесеніемъ его личности въ жертву общинному началу создается новое крѣпостное состояніе, создаются условія, задерживающія гражданское развитіе и матеріальное преуспѣяніе крестьянской массы.

Усилія сторонниковъ полноправной въ гражданскомъ отношеніи личности крестьянина не прошли безслѣдно: благодаря имъ въ общее положеніе о крестьянахъ и въ положеніе о выкупѣ вошло нѣсколько статей, открывшихъ каждому отдѣльному крестьянину возможность выйти изъ земельной общины и освободиться отъ тягостей круговой поруки [1]). Правда, практическое значеніе этихъ статей не могло быть велико, но самая ихъ наличность въ законодательномъ актѣ 19 февраля 1861 года представляется многознаменательнымъ явленіемъ. Вѣдь, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что съ крѣпостнымъ взглядомъ на крестьянина, какъ на силу, которая должна кормить своимъ трудомъ и государство, и помѣстное сословіе, выросло и сроднилось все то поколѣніе, при которомъ поставлена была на очередь крестьянская реформа, и что въ средѣ даже лучшихъ дѣятелей этой

[1]) Таковы, напр., ст. 36 общ. пол. и ст. 165 пол. о вык.

реформы чрезмѣрно сильна была заботливость объ огражденіи фискальныхъ интересовъ и казны, бравшей на себя посредничество по выкупу крестьянами отходившей къ нимъ отъ помѣщиковъ земли, и помѣстнаго сословія, лишавшагося, благодаря реформѣ, даровaго труда крестьянскаго. Вотъ почему весь строй крестьянскаго пореформеннаго землевладѣнія проникнутъ началомъ повинности, а круговая отвѣтственность общины за недоимки легла въ основу крестьянскаго податнаго строя и признана неотъемлемою принадлежностью общиннаго землевладѣнія [1]). На этой почвѣ разными путями сошлись дѣятели крестьянской реформы разныхъ направленій: и убѣжденные сторонники поземельной общины, видѣвшіе въ ней лучшее средство къ огражденію крестьянства отъ безземелья и къ созданію благопріятныхъ условій для хозяйственнаго преуспѣянія крестьянъ, и лица, для которыхъ всего дороже были матеріальные интересы помѣстнаго сословія и которыя въ круговой порукѣ общины усматривали болѣе надежное средство къ обезпеченію этихъ интересовъ, нежели въ личной отвѣтственности каждаго отдѣльнаго плательщика.

Съ изданіемъ положеній 19 февраля 1861 г. крестьянская земельная община очутилась въ совершенно новыхъ условіяхъ существованія.

Забота о надѣленіи вновь нарождающихся поколѣній лежала при господствѣ крѣпостнаго права не на общинѣ, а на помѣщикахъ и на управленіи казенными и удѣльными имѣніями. При повсемѣстномъ изобиліи земли, главную цѣнность представляла не она, а рабочая сила крестьянъ; всего полнѣе эта сила использована была въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ поэтому и примѣнялась разверстка земли по тягламъ; всякій недостатокъ въ землѣ у крестьянъ пополнялся за счетъ свободныхъ угодій помѣщика или казны.

Пореформенная община замкнута была въ неизмѣнныхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ; распредѣленіе земли между наличными членами общины и надѣленіе ею подростающихъ поколѣній составляло уже прямую обязанность самой общины, которая для этой цѣли имѣла въ полномъ своемъ распоряженіи земельный фондъ, предоставленный ей по уставной грамотѣ или по владѣнной записи. Ощущаемый общиною, съ приростомъ населенія, недостатокъ въ землѣ могъ быть восполненъ, на первыхъ порахъ, сокращеніемъ площади надѣла, на которой происходитъ общій выгонъ и пастьба скота, что, однако, сопряжено было съ значительнымъ стѣсненіемъ общиннаго хозяйства; засимъ, слѣдовало дробленіе участковъ, мельчавшихъ мѣ-

[1]) „Общиннымъ называется то обычное пользованіе, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распредѣляются между крестьянами по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя за землю, отбываются за круговою порукою“. Прим. къ ст. 113. мѣстн. пол. велик.

стами до полной невозможности вести сельское хозяйство; наконецъ, часть членовъ общины, въ виду малоземелья, могла переселиться въ другія мѣстности имперіи, гдѣ имѣлся свободный запасъ казенныхъ земель. При крайнемъ разнообразіи мѣстныхъ условій, при неодинаковости прироста населенія и развитія переселенческаго движенія, отдѣльныя общины, въ пореформенную эпоху, должны были существенно отличаться одна отъ другой по степени обезпеченія землею. Такимъ образомъ, первое существенное отличіе общины пореформенной отъ общины крѣпостнаго права состоитъ въ томъ, что, въ противоположность послѣдней, она сама обязана была заботиться объ обезпеченіи землею новыхъ поколѣній, но располагала для этой цѣли земельнымъ фондомъ въ разъ навсегда установленныхъ границахъ.

Въ дореформенной общинѣ общіе передѣлы земли у помѣщичьихъ крестьянъ были не въ обычаѣ; при господствѣ тягловой разверстки земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ для общихъ передѣловъ не было надлежащей почвы; въ нихъ не было потребности. У государственныхъ крестьянъ общіе передѣлы пріурочивались къ ревизіямъ, устанавливавшимъ новыя платежныя отношенія крестьянъ къ правительству; ревизіи, какъ извѣстно, происходили въ періоды, достаточно удаленные одинъ отъ другаго [1]). Несоотвѣтствіе между семейнымъ и рабочимъ составомъ отдѣльнаго двора и находившимся въ его распоряженіи земельнымъ надѣломъ, опредѣлявшимъ собою податной окладъ, устранялось, въ промежуткахъ между ревизіями, посредствомъ частныхъ передѣловъ—скидки и накидки тяголъ, свалки и навалки душъ. Заслуживаетъ вниманія, что освободившіеся, съ упраздненіемъ тягла, тягловые земельные участки въ томъ же составѣ передавались вновь возникающимъ тягламъ и что дробимость тягловыхъ участковъ до четверти тягла допускалась лишь въ немногихъ мѣстностяхъ и притомъ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Законодательство того времени къ земельнымъ передѣламъ относилось несочувственно. Въ наказѣ сельскому управленію, изданномъ въ 1838 году, предписано: „къ передѣлу земель не приступать безъ крайней необходимости, допуская оный только при новой народной переписи или въ случаѣ значительнаго измѣненія въ числѣ ревизскихъ душъ; въ вящшее же избѣжаніе поводовъ къ передѣламъ стараться оставлять запасные участки“...

Общіе передѣлы, и по воззрѣніямъ редакціонныхъ коммисій, не составляютъ необходимой принадлежности общиннаго землевладѣнія и являются весьма нежелательными съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства. Поэтому составители положеній 19 февраля были склонны воспретить сельскимъ обществамъ производство общихъ

[1]) Такъ, напр., восьмая ревизія была въ 1835 г., девятая—въ 1851 г., десятая—въ 1859 г.

передѣловъ, но затѣмъ, отказавшись отъ этого предположенія, обусловили передѣлъ мірской земли согласіемъ $^2/_3$ всѣхъ членовъ общины, такъ какъ требованіе столь значительнаго большинства казалось равносильнымъ фактической отмѣнѣ общихъ передѣловъ всюду, гдѣ они могли быть сопряжены съ дѣйствительнымъ ущербомъ для интересовъ общины.

Такимъ образомъ, права пореформенной общины по распоряженію надѣльною землею были несравненно обширнѣе правъ, которыми располагала община крѣпостной эпохи; различіе представляется существеннымъ. Необходимость согласія $^2/_3$ домохозяевъ являлась несомнѣннымъ препятствіемъ къ совершенію общихъ передѣловъ, но зато приговоръ общества, постановленный съ соблюденіемъ этого условія, не подлежалъ разсмотрѣнію по существу со стороны органовъ правительственной власти; община не была стѣснена въ выборѣ основаній для передѣла; мірскіе приговоры о передѣлѣ могли быть измѣнены во всякое время по усмотрѣнію сельскаго схода, наравнѣ со всѣми другими приговорами; права отдѣльныхъ членовъ общины на надѣльную землю не были ограждены отъ произвольныхъ дѣйствій большинства.

Условія землепользованія въ крѣпостной общинѣ для каждаго отдѣльнаго домохозяина приближались къ понятію личной частной собственности, такъ какъ, при отсутствіи общихъ передѣловъ въ промежуткѣ между двумя ревизіями, измѣненіе величины и состава хозяйственныхъ земельныхъ участковъ могло послѣдовать лишь въ случаѣ совершенной утраты домохозяиномъ способности къ труду или же перемѣны въ семейномъ составѣ двора, существенно вліявшей на податную исправность плательщика. Между тѣмъ, въ общинѣ пореформенной, облеченной правомъ производить во всякое время общіе передѣлы съ согласія $^2/_3$ членовъ схода, каждый домохозяинъ становился въ положеніе краткосрочнаго арендатора, со всѣми вытекающими отсюда невыгодными для сельскохозяйственной производительности послѣдствіями.

Далѣе, въ общинѣ крѣпостнаго права количество надѣльной земли измѣнялось соотвѣтственно приросту населенія, причемъ земельныя права каждаго отдѣльнаго домохозяина были ограждены отъ произвольныхъ дѣйствій сельскихъ сходовъ сильною и близкою къ народу властью въ лицѣ помѣщика или окружнаго начальника. Въ общинѣ же пореформенной земля оставалась величиною постоянною; распредѣленіе ея между однообщественниками по тѣмъ или другимъ основаніямъ зависѣло всецѣло отъ благоусмотрѣнія сельскихъ сходовъ, предъ дѣйствіями которыхъ каждый отдѣльный домохозяинъ оставался беззащитнымъ. Съ постепеннымъ послѣ реформы ухудшеніемъ крестьянскаго самоуправленія случаи порабощенія сельскаго

схода отдѣльными домохозяевами становились все чаще, и мірскіе приговоры переставали быть выраженіемъ справедливой оцѣнки поземельныхъ правъ всѣхъ членовъ общины, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ доходность земли значительно превышала лежавшіе на ней платежи. Не находя защиты правъ своихъ въ сельскомъ сходѣ, крестьяне обращались съ жалобами на неуравнительность разверстки надѣловъ въ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, въ министерства и въ правительствующій сенатъ. Но закономъ не было установлено опредѣленнаго порядка для удовлетворенія этихъ жалобъ, и онѣ, въ большинствѣ случаевъ, отклонялись на томъ основаніи, что дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірскою землею, предоставлены по закону полному вѣдѣнію и усмотрѣнію сельскаго общества.

Эти новыя условія общиннаго землевладѣнія не могли сказаться во всей своей силѣ на первыхъ порахъ послѣ освобожденія крестьянъ. Хотя повинности населенія, вышедшаго изъ крѣпостной зависимости, были уменьшены по сравненію съ крѣпостнымъ временемъ, но самый переводъ этихъ повинностей на деньги, при преобладавшемъ въ странѣ натуральномъ строѣ сельскаго хозяйства, составлялъ извѣстную тягость для сельскаго населенія,—тягость, тѣмъ болѣе чувствительную, что съ постепеннымъ возрастаніемъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей, надѣльная земля не могла окупать лежавшихъ на ней платежей. Дѣйствія общины по распоряженію надѣльною землею, при указанныхъ условіяхъ, могли опредѣляться исключительно податными соображеніями; почвы для совершенія общихъ передѣловъ въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ еще не было; стремленіе къ такому передѣлу могло возникнуть развѣ только въ общинѣ, гдѣ весьма значительное большинство домохозяевъ было заинтересовано въ томъ, чтобы сбросить съ себя часть надѣловъ, не окупавшихъ платежей. Усвоенная большинствомъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ первое же время послѣ освобожденія, разверстка надѣльной мірской земли по ревизскимъ душамъ, т. е. по наличнымъ душамъ мужскаго пола, бывшимъ въ моментъ послѣдней десятой народной переписи, держалась повсемѣстно. Чѣмъ большее число душевыхъ надѣловъ принадлежало двору, тѣмъ большую сумму податей онъ несъ на себѣ, и пока дворъ оказывался исправнымъ, пока община не привлекалась къ отвѣту за недоимку, до тѣхъ поръ она не была заинтересована ни въ переверсткѣ, ни въ отобраніи надѣла, хотя бы размѣръ послѣдняго не соотвѣтствовалъ численному и рабочему составу данной семьи. Свалка душъ, т. е. уменьшеніе надѣльнаго участка, а слѣдовательно и податнаго оклада, производилась лишь при податной неисправности двора, обусловленной тѣми или другими причинами, но

земля накидывалась не тѣмъ изъ домохозяевъ, кто въ ней наиболѣе нуждался по своему семейному составу: рѣшающее значеніе въ глазахъ общины имѣла въ данномъ случаѣ способность домохозяина осилить платежи, а не потребность его въ землѣ. Жизненный интересъ общины, устрашаемой грозою круговой поруки, сводился къ обезпеченію исправнаго поступленія повинностей посредствомъ распредѣленія убылыхъ по разнымъ случаямъ душъ между платежеспособными домохозяевами,—что, однако-же, вело къ неравномѣрному раздѣлу общинной земли между отдѣльными дворами [1]) и понижало уровень имущественнаго достатка въ народной массѣ, препятствуя накопленію сбереженій.

Съ теченіемъ времени положеніе дѣла существенно измѣнилось. Великія реформы Императора Александра II, призвавшія къ самодѣятельности дремавшія дотолѣ общественныя силы, послужили толчкомъ къ мощному, безостановочно идущему впередъ движенію Россіи во всѣхъ отрасляхъ народно-хозяйственной жизни. Постройка желѣзныхъ дорогъ привлекла къ намъ громадные капиталы и доставила обильные, небывалые въ прежнее время заработки сельскому населенію. Съ развитіемъ городской жизни, оживленіемъ юга, съ расширеніемъ торгово-промышленной дѣятельности въ странѣ, увеличеніемъ оборотовъ по внѣшней торговлѣ, съ возникновеніемъ и быстрымъ ростомъ фабрично-заводскаго производства—явился, почти повсемѣстно въ Россіи, значительный спросъ на рабочую силу. Не только безземельная часть крестьянства, но и семьянистые дворы, сидящіе на землѣ и ведущіе хозяйство, получили возможность, путемъ отхожихъ заработковъ, увеличить свои средства; заработки эти помогли крестьянству нести непосильную для него тяготу податную.

Съ другой стороны, все яснѣе становилась необходимость кореннаго преобразованія нашей податной системы, всею своею тяжестью падавшей на низшіе слои народа, которые, въ отличіе отъ привилегированныхъ классовъ, именовались податными. Сознаніе этой необходимости привело къ тому, что несмотря на всю затруднительность нашего финансоваго положенія, разстроеннаго турецкою войною, пра-

---

[1]) По свѣдѣніямъ министерства финансовъ, относящимся до начала 80-хъ годовъ, примѣры сосредоточенія въ рукахъ одного домохозяина значительнаго количества надѣльной земли (до 50 и болѣе душевыхъ надѣловъ) за счетъ слабосильныхъ дворовъ встрѣчаются зачастую. Такъ, въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губ., дворъ изъ двухъ ревизскихъ душъ, при одномъ работникѣ, владѣетъ 48 чужими полевыми надѣлами; въ пользованіи двора изъ шести ревизскихъ душъ и четырехъ работниковъ состоитъ свыше ста душевыхъ участковъ. (Отношеніе министра финансовъ къ министру внутреннихъ дѣлъ по проекту правилъ о воспрещеніи крестьянамъ отчуждать предоставленныя имъ въ надѣлъ земли отъ 3 декабря 1884 г., № 5342).

вительство не остановилось предъ отмѣною солянаго налога и подушной подати, а равно предъ пониженіемъ выкупныхъ платежей.

Указанныя мѣропріятія, благодаря которымъ средній годовой окладъ казенныхъ сборовъ съ крестьянъ понизился съ 136,1 милл. руб. въ пятилѣтіе 1881—1885 гг. до 103,8 милл. руб. въ пятилѣтіе 1886—1890 гг., привели къ повсемѣстному почти соразмѣренію выкупныхъ платежей съ доходностью пользованія надѣльной землею. Мѣстности, гдѣ послѣ отмѣны подушной подати и пониженія выкупныхъ платежей, надѣльная земля все еще не окупала лежавшихъ на ней повинностей, въ общемъ составляли исключеніе. Обладаніе надѣльною землею отнынѣ не было въ тягость; скорѣе, напротивъ, количествомъ владѣемыхъ душевыхъ надѣловъ сталъ измѣряться достатокъ домохозяина.

Обстоятельство это не могло не произвести полнаго переворота во внутренней жизни земельной общины. Установившееся въ эпоху высокихъ платежей распредѣленіе общинной земли перестало соотвѣтствовать интересамъ большинства домохозяевъ; стремленіе къ совершенію общаго передѣла „по новымъ душамъ“ явилось повсемѣстно, съ особенною же силою въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность земли была высока, главнѣйше въ черноземномъ раіонѣ; передѣла домогались всѣ домохозяева, почему-либо недовольные существующею въ общинѣ разверсткою земли и разсчитывавшіе на прибавку ея при новой переверсткѣ. Попытки къ совершенію общаго передѣла возобновлялись всякій разъ, когда составъ схода давалъ поводъ разсчитывать на возможность достиженія требуемаго закономъ большинства; благопріятнымъ условіемъ для такихъ попытокъ служила измѣнчивость и случайность состава сельскихъ сходовъ, причемъ законное рѣшеніе одного схода могло быть отмѣнено законнымъ же рѣшеніемъ послѣдующаго схода, что нерѣдко и случалось. Такимъ образомъ, право общины распоряжаться по своему усмотрѣнію надѣльною землею, съ согласія двухъ третей членовъ схода, вносило смуту въ умы сельскаго населенія, возбуждало безконечные раздоры и пререканія въ средѣ сельскихъ обществъ, обостряло борьбу изъ за обладанія землею и гибельно отражалось на положеніи общиннаго сельскаго хозяйства, такъ какъ наиболѣе рачительные домохозяева, въ виду постоянно возобновляемыхъ попытокъ къ передѣлу, должны были воздерживаться отъ сколько-нибудь существенныхъ затратъ на улучшеніе надѣльныхъ участковъ, которыхъ они могли лишиться въ каждую данную минуту.

Независимо общихъ передѣловъ, община могла достигнуть переверстки надѣловъ другимъ путемъ: ей предоставлено было по закону право скидки и накидки тяголъ, безъ обозначенія въ какіе сроки и при какихъ условіяхъ право это можетъ осуществиться. Поэтому частные передѣлы, въ видѣ скидки и накидки тяголъ, стали въ нѣ-

которыхъ случаяхъ производиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, иногда доходя до полной почти переверстки земельныхъ надѣловъ, иногда сводясь къ отобранію части надѣла у одного только домохозяина, съ передачею ея другому. Подъ прикрытіемъ скидки и накидки тяголъ нерѣдко отбирались у домохозяевъ надѣлы въ полномъ составѣ, производилось, такимъ образомъ, полное обезземеленіе отдѣльныхъ членовъ общества въ промежутки между общими передѣлами. Въ устраненіе обнаруженныхъ злоупотребленій правительствующимъ сенатомъ было установлено, что скидка и накидка тяголъ, составляя родъ передѣла земли (частный передѣлъ), можетъ быть производима не иначе, какъ по большинству $^2/_3$ голосовъ, и что сельскій сходъ можетъ отобрать у домохозяина весь надѣлъ только въ случаѣ, прямо указанномъ въ законѣ, т. е. при неисправности въ отбываніи повинностей. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаружилось стремленіе сходовъ къ обходу указаннаго сенатскаго толкованія такимъ путемъ, что при желаніи обезземелить домохозяина у него отбирался не весь надѣлъ, а только часть его, однако, настолько значительная, что оставшейся земли было уже недостаточно для веденія хозяйства. Въ отзывахъ, доставленныхъ въ 1884 году министерству внутреннихъ дѣлъ губернаторами, встрѣчаются многочисленныя указанія, подтверждающія факты частаго отобранія надѣловъ у отдѣльныхъ, преимущественно бѣднѣйшихъ членовъ общинъ, по проискамъ богатыхъ домохозяевъ, нерѣдко за водку.

Достойно вниманія, что въ дореформенномъ законодательствѣ о государственныхъ крестьянахъ, въ эпоху обилія земли и ея малоцѣнности, нѣтъ указаній на право сельскихъ обществъ отбирать надѣлы у своихъ сочленовъ въ промежуткахъ между передѣлами,—даже при неисправности въ платежѣ податей, хотя общества и отвѣчали по круговой порукѣ. Дореформенное законодательство у крестьянъ удѣльныхъ, заботливо ограждая права отдѣльныхъ крестьянъ отъ посягательства со стороны общества, предоставляетъ послѣднему отбирать надѣлы у недоимщиковъ,—однако, „не иначе, какъ съ утвержденія удѣльной конторы, по мірскому приговору, въ которомъ должна быть подробно изложена причина такой перемѣны“.

Составители крестьянскихъ положеній 19 февраля отнеслись къ этому вопросу иначе. Озабоченныя изысканіемъ способовъ, обезпечивающихъ помѣщикамъ и казнѣ исправное поступленіе платежей съ освобождаемыхъ на волю крестьянъ, и возлагая особенныя надежды въ этомъ отношеніи на круговую поруку, редакціонныя коммисіи безъ колебаній предоставили сельскому обществу право примѣнять къ недоимщикамъ даже самыя крайнія мѣры взысканія, въ томъ числѣ и отобраніе надѣла. Въ частности финансовая коммисія, разрабатывавшая „положеніе о выкупѣ“, усматривала залогъ успѣшнаго въ буду-

щемъ поступленія выкупныхъ платежей въ ихъ умѣренности и особенно въ возможномъ и даже не избѣжномъ подъемѣ благосостоянія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, благодаря большему обезпеченію ихъ въ нравственномъ и хозяйственномъ отношеніи, а равно развитію въ нихъ, вслѣдствіе выкупа, чувства личной самостоятельности и охоты къ собственности. Примѣръ государственныхъ крестьянъ, у которыхъ ежегодный недоборъ податей, по средней сложности за время съ 1848 по 1858 г., едва лишь превышалъ 2% оклада, окончательно убѣждалъ финансовую коммисію въ томъ, что исправное поступленіе выкупныхъ платежей, при круговой порукѣ сельскихъ обществъ, въ будущемъ представляется вполнѣ обезпеченнымъ.

Этимъ ожиданіямъ редакціонныхъ коммисій не суждено было осуществиться. Необычайное развитіе податной задолженности сельскихъ обществъ представляется одною изъ наиболѣе характерныхъ особенностей нашего пореформеннаго крестьянскаго дѣла. Если прослѣдить движеніе казенныхъ окладныхъ сборовъ по опредѣленнымъ, хотя бы пятилѣтнимъ, періодамъ, начиная съ года освобожденія крестьянъ и до настоящаго времени, то окажется, что, несмотря на различіе въ хозяйственныхъ условіяхъ отдѣльныхъ пятилѣтій, податная задолженность росла безостановочно. Если бы развитіе крестьянской податной задолженности обусловливалось исключительно обременительностью платежей, то послѣ правительственныхъ мѣропріятій первой половины 80-хъ годовъ слѣдовало ожидать исправнаго поступленія годоваго оклада, принявъ, въ особенности, во вниманіе, что независимо отмѣны солянаго налога, пониженія выкупныхъ платежей и отмѣны подушной подати, сложено было, на основаніи манифестовъ 1880 и 1883 гг., недоимокъ болѣе чѣмъ на 47 милл. руб. Однако, и эти благодѣтельныя правительственныя мѣропріятія не обезпечили казнѣ исправнаго поступленія окладныхъ сборовъ и не пріостановили дальнѣйшаго накопленія недоимокъ, средняя годовая сумма которыхъ повысилась съ 40,4 милл. р. въ пятилѣтіе 1881—1885 гг. до 43,5 милл. р. во второй половинѣ 80-хъ годовъ.

Непрерывное съ 1861 г. накопленіе недоимокъ свидѣтельствуетъ ли о томъ, что хозяйственный бытъ сельскихъ обществъ со времени освобожденія существенно ухудшился, а податныя силы крестьянства использованы въ большей мѣрѣ, нежели въ эпоху крѣпостнаго права, когда недоимочность государственныхъ крестьянъ выразилась 2%, а помѣщичьихъ и дворовыхъ 3,79% оклада? Конечно, нѣтъ. Въ единичныхъ случаяхъ, по отношенію къ отдѣльнымъ платежнымъ единицамъ, недоимка могла и можетъ явиться слѣдствіемъ податной тяготы и хозяйственнаго слабосилія плательщиковъ. Но въ общемъ непрерывный со времени реформы ростъ податной задолженности сельскихъ обществъ

обусловливается у насъ нѣкоею постоянною, дѣйствующею причиною, явившеюся вмѣстѣ съ реформою. Такою причиною слѣдуетъ признать несовершенство крестьянскаго самоуправленія и, въ частности, строй податнаго дѣла, созданный редакціонными коммисіями, которыя не имѣли ни времени, ни возможности съ достаточною обстоятельностью разработать эту часть законодательства о крестьянахъ, столь близко касающуюся матеріальныхъ интересовъ народной массы.

Система обезпеченія исправнаго поступленія съ крестьянъ податей, введенная въ жизнь положеніями 19 февраля 1861 г., представляла собою законченный типъ круговой поруки.

Сельскому обществу, во имя круговой отвѣтственности, предоставлена полная самостоятельность и самодѣятельность въ податномъ дѣлѣ: оно разверстываетъ подати и собираетъ ихъ, взыскиваетъ недоимку, примѣняя тѣ или другія мѣры понужденія, или раскладываетъ ее на остальныхъ членовъ общества, вноситъ деньги въ казначейство, учитываетъ должностныхъ лицъ когда и какъ хочетъ, опредѣляетъ по своему усмотрѣнію порядокъ податнаго счетоводства и отчетности. Пока состоящій на обществѣ окладъ податей, за невзносомъ его своевременно, не превратился въ недоимку, до тѣхъ поръ общество является полнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ въ податномъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, податное дѣло у крестьянъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости, было устроено на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, которыя усвоены были правительствомъ въ отношеніи государственныхъ крестьянъ. Существенное различіе заключается въ слѣдующемъ.

У государственныхъ крестьянъ всѣ моменты податнаго дѣла были подробно регламентированы закономъ, права и обязанности сельскаго схода и должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія были строго разграничены. У крестьянъ помѣщичьихъ никакихъ правилъ по раскладкѣ и сбору повинностей не было установлено; то и другое положеніями 19 февраля 1861 г. просто отнесено къ обязанностямъ сельскаго схода, на которомъ лежало также принятіе мѣръ къ предупрежденію и взысканію недоимокъ; права и обязанности сельскаго старосты и волостнаго старшины по податной части были совершенно однородны. Основанія и порядокъ веденія податнаго счетоводства и отчетности у государственныхъ крестьянъ были предметомъ особенно дробной законодательной регламентаціи, за соблюденіемъ которой неукоснительно наблюдала палата государственныхъ имуществъ; у крестьянъ помѣщичьихъ порядокъ счетоводства и храненія собранныхъ суммъ опредѣлялся самимъ обществомъ; оно же могло установить порядокъ учета старосты или сборщика въ собранныхъ ими и внесенныхъ въ казначейство суммахъ; никакому контролю въ этомъ отношеніи общество не подвергалось. У крестьянъ государственныхъ всѣ сборы—мірскіе, земскіе и казенные — подлежали дѣйствію однихъ и

тѣхъ же правилъ, причемъ въ самомъ законѣ установленъ былъ порядокъ распредѣленія поступающихъ отъ плательщиковъ взносовъ между отдѣльными видами повинностей; у крестьянъ помѣщичьихъ мірскіе сборы переданы были въ непосредственное и исключительное завѣдываніе органовъ крестьянскаго самоуправленія, земскіе сборы находятся въ завѣдываніи земскихъ учрежденій и только взысканіе производится полиціею,—выкупные платежи поставлены подъ особыя правила и первоначально находились подъ наблюденіемъ мировыхъ посредниковъ, а взысканіе казенныхъ податей и недоимокъ лежало на отвѣтственности полиціи, причемъ, однако, не было указано точныхъ правилъ для распредѣленія поступающихъ отъ плательщиковъ взносовъ между разными видами повинностей и въ этомъ отношеніи до самаго послѣдняго времени замѣчаются произвольныя дѣйствія со стороны должностныхъ лицъ (крестьянскихъ, какъ и правительственныхъ), приставленныхъ къ податному дѣлу. У государственныхъ крестьянъ правительственный надзоръ за податнымъ дѣломъ въ сельскихъ обществахъ былъ сосредоточенъ, въ полномъ объемѣ, въ рукахъ окружнаго начальника, на которомъ лежала и отвѣтственность за успѣшное поступленіе крестьянскихъ платежей; у крестьянъ помѣщичьихъ надзоръ за податнымъ дѣломъ раздробился между должностными лицами крестьянскаго управленія, мировыми посредниками и полиціею; раздробилась также и отвѣтственность за успѣшное поступленіе сборовъ, причемъ несогласованность правъ и обязанностей полиціи и мировыхъ посредниковъ въ податномъ дѣлѣ приводила къ нерѣдкимъ между ними столкновеніямъ, неблагопріятно отражавшимся на жизни общины. У государственныхъ крестьянъ правительственный надзоръ былъ направленъ въ сторону своевременной выборки текущаго оклада, чѣмъ предупреждалось образованіе и накопленіе недоимокъ, взысканіе которыхъ, при низкомъ уровнѣ крестьянскаго достатка и отсутствіи сбереженій, всегда сопряжено съ принятіемъ болѣе или менѣе раззорительныхъ мѣръ; у крестьянъ помѣщичьихъ дѣятельность органовъ правительственнаго надзора (мировыхъ посредниковъ, полиціи) сосредоточивалась почти исключительно на взысканіи недоимки.

Круговая порука въ исправномъ отбываніи повинностей у государственныхъ крестьянъ разсматривалась фискальнымъ правомъ правительства, которое приняло, съ своей стороны, всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить тягость примѣненія круговой отвѣтственности и устранить даже самую необходимость такого примѣненія посредствомъ правильной постановки всѣхъ сторонъ крестьянскаго податнаго дѣла на почвѣ законодательной регламентаціи, обезпечивавшей интересы какъ сельскихъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ плательщиковъ; въ узаконеніяхъ же 19 февраля круговая порука разсматривается какъ право сельскихъ обществъ, вытекающее, будто бы, изъ самой сущности об-

ГОСУДАРСТВ. ЛЬВОВСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

щиннаго землепользованія; во имя этого права правительство воздерживается отъ всякаго вмѣшательства во внутренніе земельно-податные распорядки сельскихъ обществъ и предоставляетъ безконтрольному усмотрѣнію послѣднихъ принятіе въ отношеніи недоимщиковъ даже наиболѣе крайнихъ мѣръ взысканія—до отобранія надѣловъ включительно [1]).

Въ нашей литературѣ нерѣдко приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, будто крестьянская земельная община въ томъ видѣ, какою мы ее теперь знаемъ, представляется явленіемъ изстариннымъ, имѣющимъ глубокіе корни въ далекомъ историческомъ прошломъ русскаго народа. Мнѣніе это не имѣетъ устойчивой почвы подъ собою.

При господствѣ крѣпостнаго права, государственное значеніе общины было ничтожно; кругъ дѣлъ, порученныхъ ея вѣдѣнію, не выходилъ за предѣлы сословно-крестьянскихъ интересовъ; земельно-податная дѣятельность общины находилась подъ ближайшимъ надзоромъ помѣщика или окружнаго начальника, власть которыхъ ограждала каждаго отдѣльнаго домохозяина отъ злоупотребленій должностныхъ лицъ сельскаго управленія и отъ насилія сходовъ. Условія сельскохозяйственнаго труда были очень благопріятны, такъ какъ дореформенная община не могла производить общіе передѣлы во всякое время по своему усмотрѣнію и лишена была права отбирать надѣлы за недоимку; отвѣчая по круговой порукѣ, она не обязана была заводить у себя сложные по самому своему существу податные порядки, предполагающіе наличность въ народной массѣ не только элементарной грамотности, но и нѣкоторыхъ болѣе спеціальныхъ знаній.

Между этою общиною крѣпостнаго времени и новою, призванною къ жизни положеніями 19 февраля 1861 года, нѣтъ ничего общаго. Остались только внѣшнія проявленія общиннаго землевладѣнія, которыми отнюдь не исчерпывается содержаніе общиннаго быта; государственное же и хозяйственное значеніе новой земельной общины было иное, нежели въ крѣпостномъ періодѣ. Прежде всего, земельная община стала низшею административно-хозяйственною единицею; по мѣрѣ расширенія и усложненія мѣстныхъ задачъ государственнаго управленія, расширялся и усложнялся кругъ дѣлъ, порученныхъ хотя и вѣдѣнію сельскихъ обществъ, но имѣвшихъ общегосударственное значеніе. Должностныя лица крестьянскаго управленія сдѣлались, такимъ образомъ, органами правительственной власти, а не блюстителями сословно-крестьянскихъ интересовъ, какими они были въ дореформенное время.

Еще существеннѣе измѣнилось хозяйственное значеніе земельной

---

[1]) См. мое изслѣдованіе: „Недоимочность и круговая порука“. Спб, 1897; стр. 377 и сл.

общины. Предоставленное общинѣ право распоряжаться безконтрольно надѣльною землею въ видѣ общихъ и частныхъ передѣловъ являлось непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію крестьянами сельскохозяйственныхъ успѣховъ, такъ какъ всякаго рода затраты на улучшеніе земельной обработки сопряжены были съ извѣстнымъ рискомъ. Съ другой стороны, отнесеніе податнаго дѣла, въ полномъ его объемѣ, къ вѣдѣнію общины, съ предоставленіемъ послѣдней права безнаказанно и безконтрольно обезземеливать недоимщиковъ, усилило непосредственное воздѣйствіе міра на распредѣленіе имущественнаго достатка и земли среди однообщественниковъ. Надлежащее устройство земельно-податнаго дѣла есть необходимое предположеніе хозяйственнаго преуспѣянія народной массы: этимъ, именно, объясняется высокій уровень зажиточности, достигнутый государственными крестьянами въ эпоху, непосредственно предшествовавшую освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, въ новой земельной общинѣ устройство земельно-податнаго дѣла покоилось не на твердыхъ указаніяхъ писаннаго закона, а поставлено въ зависимость отъ благоусмотрѣнія, отъ самодѣятельности и административнаго творчества сельскихъ сходовъ, по своему составу и по развитію большинства своихъ членовъ не способныхъ, однако, справиться съ этою сложною задачею. При такихъ условіяхъ, силою вещей должно было выдвинуться вліяніе должностныхъ лицъ сельскаго управленія, которыя, направляя разрѣшеніе земельно-податныхъ вопросовъ сообразно своимъ видамъ и цѣлямъ, могли, однако, прикрываться безотвѣтственностью сельскихъ сходовъ. Предоставленное общинѣ право отбирать надѣлы за недоимку въ связи съ полнымъ отсутствіемъ въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія по землевладѣнію цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ его членовъ при общинномъ землевладѣніи, открывало широкій просторъ дѣйствіямъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія и сельскихъ сходовъ, направленнымъ въ подрывъ интересамъ отдѣльныхъ членовъ общества. Между тѣмъ, становясь на точку зрѣнія редакціонныхъ коммисій, представляется несомнѣннымъ, что общинное пользованіе землею отнюдь не предполагаетъ сосредоточенія всѣхъ правъ на землю въ рукахъ сельскихъ обществъ, съ лишеніемъ всякихъ правъ на нее отдѣльныхъ членовъ: оно устанавливаетъ лишь совмѣстное право на отведенную въ надѣлъ землю—съ одной стороны цѣлаго общества, съ другой—каждаго изъ его членовъ. Благодаря указанному пробѣлу законодательства, благодаря также преобладанію фискальной точки зрѣнія во всемъ, что относится до крестьянскаго дѣла, практика выработала совершенно иной взглядъ на сущность общиннаго землевладѣнія, и лишеніе отдѣльныхъ членовъ земли по приговорамъ сельскихъ обществъ стало явленіемъ заурядным и притомъ такимъ, съ которымъ невозможно было бороться, потому что

указанный взглядъ, находя опору въ законѣ, поддерживался не только мѣстными, но и высшими правительственными учрежденіями.

Земля и подать,— эти два могущественные фактора хозяйственнаго преуспѣянія сельскаго населенія Россіи, съ изданіемъ положеній 19 февраля 1861 года переданы были въ полное распоряженіе сельскихъ обществъ. Правительство отстранилось отъ всякаго положительнаго вмѣшательства во внутренніе распорядки земельныхъ общинъ; оно сложило съ себя роль устроителя хозяйственной жизни крестьянства и осталось въ отрицательной роли взыскателя. Устроителемъ хозяйственнаго быта своихъ сочленовъ явилась община; разверстывая по своему усмотрѣнію и землю, и подать, община получила ту силу воздѣйствія на хозяйственный достатокъ каждаго изъ домохозяевъ, а слѣдовательно и всего сельскаго населенія Россіи, какой она никогда не имѣла и не могла имѣть при дореформенныхъ порядкахъ. А между тѣмъ условія проявленія этой силы были въ высшей степени неблагопріятны. Воля общины воплощается въ рѣшеніяхъ сельскаго схода, представляющаго собою, по мысли составителей крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 г.,—„собраніе, гдѣ обсуждаются и рѣшаются всѣ дѣла, учреждающія и постоянно обновляющія общественное и хозяйственное управленіе крестьянъ,... и гдѣ постановленія такъ тѣсно связаны съ обезпеченіемъ и выгодами каждаго отдѣльнаго лица въ обществѣ“... Но составляя сходъ изъ представителей всѣхъ дворовъ даннаго сельскаго общества, а не избираемыхъ въ извѣстномъ соотношеніи къ числу домохозяевъ, какъ это было въ дореформенную эпоху у государственныхъ крестьянъ, гдѣ, однако, роль сходовъ была очень скромной, редакціонныя коммисіи не находили нужнымъ входить ни въ болѣе точное опредѣленіе условій, которымъ долженъ удовлетворять каждый членъ схода, ни въ регламентацію дѣятельности схода, въ особенности съ точки зрѣнія огражденія правъ и интересовъ отдѣльныхъ членовъ общества. То и другое въ пореформенномъ крестьянскомъ быту опредѣлялось обычаемъ. Предоставленіе столь могущественной коллегіи, какою по закону является сельскій сходъ, права руководствоваться обычаемъ во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ распорядкахъ должно было, естественнымъ образомъ, повести къ крайнему разнообразію практики сельскихъ сходовъ при разрѣшеніи однихъ и тѣхъ же вопросовъ, причемъ рѣшенія схода не столько основывались на обычаѣ, сколько служили выраженіемъ взглядовъ и стремленій случайно образовавшагося на сходѣ большинства. Съ другой стороны, отсутствіе въ законѣ точно указанныхъ требованій для права участія въ рѣшеніяхъ сельскаго схода, при обширномъ объемѣ предоставленныхъ его вѣдѣнію правъ, повело къ тому, что наиболѣе вредные элементы сельскаго общества, имѣя безпрепятственный доступъ къ участію въ сельскомъ сходѣ, стали направлять

его дѣятельность сообразно своимъ видамъ и захватили въ свои руки все мірское хозяйство. При такихъ условіяхъ сельскій сходъ очень скоро оказался лишеннымъ того нравственнаго авторитета, безъ котораго не можетъ успѣшно работать никакой органъ самоуправленія; не имѣя возможности поставить серьезный отпоръ всѣмъ вреднымъ вліяніямъ на мірскія дѣла извнѣ и изъ среды самого крестьянства, сходъ самъ сталъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ всѣхъ тѣхъ, кому это было выгодно и нужно.

Такимъ образомъ, крестьянская земельная община, созданная положеніями 19 февраля 1861 г., въ самой себѣ, во всемъ хозяйственномъ и административномъ складѣ, носила задатки будущаго разложенія. Съ одной стороны, при полной необезпеченности правъ каждаго отдѣльнаго домохозяина на надѣльную землю, открытъ былъ широкій просторъ въ общинѣ борьбѣ противоположныхъ интересовъ изъ за обладанія землею, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность земли высока; исходъ этой борьбы, какъ и всякой другой, былъ, конечно, къ выгодѣ сильнѣйшихъ. Съ другой стороны, возложеніе на общину, въ лицѣ сельскаго схода, несвойственныхъ ей обязанностей по наблюденію за исправнымъ поступленіемъ податей, по взысканію недоимокъ и по устройству податнаго счетоводства и отчетности, имѣло послѣдствіемъ повсемѣстное развитіе недоимочности; но мѣры, принимаемыя общиною для взысканія недоимокъ какъ по своему почину, такъ и подъ давленіемъ полиціи, обрушивались всею своею тяжестью опять-таки на слабосильныхъ домохозяевъ, которые безнаказанно и безконтрольно могли быть раззоряемы и обезземеливаемы. Слабая сторона пореформеннаго общиннаго быта заключалась не столько даже въ самыхъ условіяхъ общиннаго пользованія землею, сколько въ полной необезпеченности земельныхъ и податныхъ правъ каждаго отдѣльнаго члена общины передъ произволомъ сельскаго схода. Личность крестьянина, во всей совокупности ея хозяйственныхъ интересовъ и даже гражданскихъ правъ, принесена была въ жертву общинному началу, а сама община, интересовавшая правительство лишь въ качествѣ сборщика податей, неспособна была къ проявленію должной заботливости объ общемъ благѣ, о хозяйственномъ преуспѣяніикаждаго изъ своихъ сочленовъ. Легко себѣ представить, въ какой мѣрѣ такого рода условія задерживали ростъ народнаго благосостоянія и препятствовали накопленію сбереженій.

Темныя стороны крестьянскаго общественнаго быта, выросшаго на почвѣ узаконеній 19 февраля 1861 года, впервые обратили на себя вниманіе коммисіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, учрежденной въ началѣ 70-хъ годовъ для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. По собраннымъ коммисіею свѣдѣніямъ и сдѣланнымъ ей многочисленнымъ

заявленіямъ, улучшеніе крестьянскаго быта со времени реформы послѣдовало болѣе замѣтнымъ образомъ лишь въ губерніяхъ сѣверо- и юго-западныхъ, а засимъ въ южныхъ, благодаря плодородію почвы и высокимъ заработкамъ; во всѣхъ же центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, восточныхъ и сѣверныхъ, бытъ крестьянъ не улучшился или улучшился мало; въ этихъ мѣстностяхъ, по нѣкоторымъ заявленіямъ, разбогатѣло небольшое число крестьянъ, большинство же обѣднѣло; среднее по достатку состояніе крестьянъ стало исчезать.

Въ общемъ коммисія пришла къ заключенію, что, несмотря на отмѣну крѣпостнаго права, крестьянинъ остался въ извѣстной мѣрѣ прикрѣпленнымъ къ землѣ. Круговая порука и принадлежность къ общинѣ, коллективному произволу которой подчиняется его личная самобытность, тяготѣютъ надъ его трудомъ. Передѣлы полей не допускаютъ усовершенствованнаго хозяйства, семейные раздѣлы ослабляютъ производительныя средства; необходимость прибѣгать къ отхожимъ промысламъ сопровождается, кромѣ другихъ неудобствъ, значительною тратою времени. При наличности такихъ условій, крестьянская реформа не могла содѣйствовать подъему матеріальнаго благосостоянія крестьянъ въ той мѣрѣ, въ какой это можно было ожидать.

При всѣхъ неблагопріятныхъ для развитія крестьянскаго хозяйства условіяхъ, связанныхъ съ общиннымъ владѣніемъ землею, коммисія не считала возможнымъ, въ виду бытоваго характера этой формы землевладѣнія, круто колебать существенныя ея основы, измѣненіе которыхъ должно быть предоставлено времени и естественному развитію разнообразныхъ мѣстныхъ условій и потребностей.

Но коммисія полагала, однако, не только возможнымъ, но и необходимымъ принятіе нѣкоторыхъ переходныхъ мѣръ, которыя, не нарушая основныхъ началъ общиннаго владѣнія, могли бы содѣйствовать развитію личной хозяйственной дѣятельности и предпріимчивости, способствуя въ то же время улучшенію положенія земельной общины и отчасти устраняя наиболѣе вредныя экономическія послѣдствія общиннаго землевладѣнія. Мѣры эти, по мнѣнію коммисіи, должны, прежде всего, заключаться въ облегченіи способа выхода изъ общины членовъ ея въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣльческая ихъ дѣятельность въ нѣкоторой степени обезпечена, независимо отъ участія въ пользованіи общинною землею, и выходъ ихъ изъ общины можетъ способствовать образованію болѣе или менѣе самостоятельныхъ хозяевъ, или когда нахожденіе въ общинѣ члена ея, не занимающагося обработкою числящагося за нимъ участка, служа лишь въ ущербъ производительному употребленію общиннаго надѣла, препятствуетъ успѣшной дѣятельности этого лица въ избранномъ имъ стороннемъ промыслѣ.

Далѣе, коммисія придавала особенное значеніе прекращенію частыхъ передѣловъ находящихся въ общинномъ пользованіи полевыхъ угодій установленіемъ извѣстныхъ болѣе или менѣе продолжительныхъ сроковъ для таковыхъ передѣловъ и притомъ съ тѣмъ, чтобы передѣлы совершались не иначе какъ при участіи какой-либо наблюдающей власти.

При обсужденіи въ комитетѣ министровъ изложенныхъ соображеній, статсъ-секретарь Валуевъ заявилъ, что онъ и бывшая подъ его предсѣдательствемъ коммисія вынесли глубокое убѣжденіе въ томъ, что хотя и существуютъ мѣстности, въ которыхъ общинному владѣнію на долгое время суждено быть преобладающею формою крестьянскаго хозяйства, но что вообще успѣшное развитіе хозяйства крестьянъ встрѣчаетъ существенное препятствіе въ стѣсненіи личной хозяйственной дѣятельности тяготѣющими надъ нею условіями общиннаго строя. Стѣсняя свободную дѣятельность наиболѣе полезныхъ для народнаго благосостоянія членовъ крестьянскаго сословія, община парализуетъ всякую въ народѣ предпріимчивость, ослабляетъ рабочую силу и уничтожаетъ въ самомъ зародышѣ возможность сбереженія.

Если въ ряду экономическихъ явленій, характеризующихъ степень развитія народа, бережливость составляетъ послѣдствіе нѣкотораго образованія, то, съ другой стороны, отсутствіе обезпеченности въ сохраненіи результатовъ накопленнаго труда подрываетъ въ корнѣ возможность развитія въ народѣ духа экономіи. Между тѣмъ, общинный бытъ и связанные съ нимъ передѣлы, круговая отвѣтственность исправныхъ плательщиковъ за неисправныхъ, нравственныхъ и развитыхъ членовъ за бездѣятельныхъ и безпечныхъ, представляютъ полную необезпеченность каждому члену общины въ пользованіи плодами его личныхъ усилій. Въ виду этого установленіе хотя бы нѣкоторыхъ облегченій для отдѣльныхъ болѣе предпріимчивыхъ и самостоятельныхъ членовъ крестьянской общины къ выходу изъ оной представляется настоятельною потребностью крестьянскаго хозяйства.

Переходя въ частности къ вопросу о передѣлахъ, статсъ-секретарь Валуевъ обратилъ вниманіе комитета министровъ на то, что необходимость частыхъ передѣловъ между членами одной общины земельныхъ ихъ участковъ закономъ никогда не была признаваема. Они составляютъ лишь крайнее проявленіе общинной формы пользованія земельными угодьями. Въ виду сего коммисія, вполнѣ сознавая тотъ вредъ для хозяйственнаго быта крестьянъ, который проистекаетъ изъ упомянутыхъ передѣловъ, нашла правильнымъ затруднить частые передѣлы, установивъ для нихъ извѣстные сроки и поставивъ ихъ подъ контроль какой-либо наблюдающей власти.

На ряду съ необходимостью упорядоченія общиннаго землевладѣ-

нія, коммисія обратила вниманіе на разные недостатки, обнаружившіеся въ крестьянскомъ общественномъ устройствѣ и самоуправленіи. Докладывая объ этомъ комитету министровъ, статсъ-секретарь Валуевъ замѣтилъ, что охрана правъ частныхъ лицъ, благочинія и нравовъ составляетъ главнѣйшія основы и цѣль правильно развивающагося органическаго въ государствѣ законодательства. Между тѣмъ нынѣшнее положеніе низшей административной единицы, какъ указываетъ опытъ, не только нельзя признать сколько-нибудь удовлетворяющимъ настоящимъ государственнымъ и экономическимъ потребностямъ народа, но въ особенности совершенно неспособнымъ къ дальнѣйшему поступательному, по пути прогресса, развитію соотвѣтственно естественному ходу народной жизни и усложненію взаимныхъ отношеній различныхъ группъ сельскихъ обывателей. Въ первое, за изданіемъ положенія 19 февраля 1861 года, время могло быть неудобно касаться вновь установленныхъ правилъ крестьянскаго управленія, но нынѣ, въ виду вполнѣ уже проявившихся неудобствъ, доказывающихъ несовершеннолѣтіе крестьянскихъ обществъ, необходимо обратить вниманіе на тѣ мѣры, какія могли бы служить къ восполненію и довершенію законодательныхъ трудовъ 1861 г.

Что низкій уровень народнаго благосостоянія въ ту эпоху обусловливался общиннымъ бытомъ, круговою порукою и тяжестью лежавшихъ на крестьянствѣ платежей,—это удостовѣрено было и коммисіею, Высочайше учрежденною при министерствѣ финансовъ для пересмотра системы податей и сборовъ. Располагая обширнымъ матеріаломъ о положеніи крестьянскаго податнаго дѣла, коммисія пришла къ заключенію, что разстройство платежныхъ силъ крестьянства обусловливается не столько самою величиною подушныхъ сборовъ, выбираемыхъ съ населенія, сколько крайне неуравнительною ихъ раскладкою и тягостью круговой поруки, особенно ощутительной при крайне несовершенномъ строѣ крестьянскаго общественнаго управленія. Становясь на эту точку зрѣнія, коммисія проектировала замѣнить подушные сборы подворнымъ налогомъ и поземельною податью. Обложеніемъ двора и крестьянскихъ земель можно, по мнѣнію податной коммисіи, достигнуть того, что совершенно устранится неуравнительность обложенія, казна будетъ ограждена отъ уменьшенія получаемаго нынѣ дохода, а самое взиманіе налога упростится. Раскладка подворнаго налога и поземельной подати между отдѣльными плательщиками должна была лежать на обязанности сельскаго схода, но, „въ видахъ предотвращенія злоупотребленій большинства“, благоусмотрѣніе схода ограничено было нижеслѣдующими постановленіями. При развертскѣ подворной подати домохозяева, не участвующіе въ надѣлѣ землею, могли быть обложены не свыше, какъ въ половину, а крестьяне, пользующіеся надѣломъ, не свыше, какъ вдвое противъ

средняго установленнаго для данной мѣстности оклада. При раскладкѣ поземельной подати, съ десятины каждаго домохозяина не могло быть назначено сходомъ свыше, какъ въ полтора раза противъ средняго оклада. „Эти ограниченія, полагала податная коммисія, въ достаточной степени предотвращаютъ превышеніе сходомъ своей власти во вредъ отдѣльнымъ лицамъ“.

Реформа подушныхъ сборовъ на предположенныхъ коммисіею основаніяхъ имѣла цѣлью, между прочимъ, „положить твердое начало къ переходу отъ тяжелаго для народа круговаго ручательства обществъ за подати и недоимки къ личной отвѣтственности каждаго за слѣдующіе въ пользу казны сборы“.

„Преобразованіе системы подушныхъ налоговъ—разсуждала податная коммисія—независимо отъ финансовой задачи, должно имѣть цѣлью освобожденіе податнаго лица отъ деспотической надъ нимъ власти общинъ. Власть общинъ основана преимущественно на двухъ началахъ, господствующихъ въ порядкѣ взиманія подушныхъ налоговъ: на круговой отвѣтственности общества по податямъ и на ихъ правѣ раскладывать сборъ между своими членами по усмотрѣнію. Результатъ совокупныхъ дѣйствій этихъ двухъ началъ есть полный произволъ общества надъ своими членами, распространяющійся отъ подушныхъ сборовъ на всѣ безъ изъятія государственныя, земскія, волостныя и мірскія повинности, а отъ исполненія повинностей и на весь бытъ крестьянъ“.

Составленный податною коммисіею проектъ преобразованія подушной системы сборовъ былъ разосланъ на заключеніе земскихъ собраній, губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и начальниковъ губерній. Полученные съ мѣстъ отзывы были, въ общемъ, весьма неблагопріятны проекту. Выставлялось на видъ, что проектированные коммисіею новые налоги—подворный и поземельный, по существу мало чѣмъ отличаются отъ подушнаго обложенія и что лежащая на крестьянствѣ податная тягота во всякомъ случаѣ превышаетъ его платежныя силы. Съ рѣдкимъ единодушіемъ, съ замѣчательною широтою государственнаго взгляда мѣстные дѣятели высказались въ пользу уничтоженія сложившагося исторически различія между податными и неподатными сословіями и привлеченія всѣхъ гражданъ къ платежу налога, соразмѣрнаго ихъ достатку. Наиболѣе желательною и справедливою формою государственнаго обложенія признанъ былъ подоходный налогъ, падающій на дѣйствительный достатокъ, а не на личную трудовую силу плательщика, какъ это имѣетъ мѣсто при крестьянскихъ платежахъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—что достойно особеннаго вниманія,—и земскія собранія, и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и начальники губерній признали цѣлесообразность тѣхъ предположеній податной коммисіи, которыя направлены были къ ограни-

ченію произвола сельскихъ обществъ въ податномъ дѣлѣ какъ при раскладкѣ сборовъ между отдѣльными плательщиками, такъ и при взысканіи текущихъ платежей и недоимокъ. Въ большинствѣ отзывовъ проводится мысль, что проектъ податной коммисіи оставляетъ все еще слишкомъ значительный просторъ благоусмотрѣнію сельскихъ сходовъ при внутренней развертк̀ѣ податей между отдѣльными плательщиками и что установленныя въ этомъ отношеніи ограниченія не достигнутъ своей цѣли. Выборъ основаній, на которыхъ будетъ сдѣлана внутренняя раскладка подворнаго налога и поземельной подати, проектъ предоставляетъ безотчетному усмотрѣнію самого общества. Въ одномъ случаѣ раскладка производится по количеству земельныхъ угодій, въ другомъ—по числу работниковъ; въ одномъ случаѣ принимается въ соображеніе количество земли, въ другомъ—число рабочаго скота, выгодность промысла и т. п. Это разнообразіе частныхъ обстоятельствъ, по мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей, устраняетъ всякую возможность контроля со стороны государства для обезпеченія личности отъ произвола общества; но дѣло не ограничивается случайностями основной раскладки. Недоимка, образующаяся вслѣдствіе смерти, отсутствія, пожара, падежа и т. п., вызываетъ необходимость новой раскладки, а съ нею—повтореніе всѣхъ ошибокъ и несправедливостей основной раскладки.

Въ отзывахъ начальниковъ губерній и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій встрѣчаются многочисленныя указанія на неудовлетворительную податную дѣятельность сельскихъ сходовъ. До какой степени сходы злоупотребляютъ дарованнымъ имъ неограниченнымъ и безконтрольнымъ правомъ разверстки убѣдительно доказываютъ, между прочимъ, данныя, собранныя ковенскимъ губернаторомъ. Оказывается, что около половины всѣхъ подушныхъ сборовъ, подлежащихъ взысканію съ крестьянъ Ковенской губерніи, раскладывается сходами на ту треть крестьянскаго населенія губерніи, которая оставлена безъ земельнаго надѣла, изыскиваетъ себѣ средства къ пропитанію единственно батрачествомъ и обречена на безвыходную нужду даже во времена, благопріятствующія веденію хозяйства. Въ губерніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ положеніе дѣла отнюдь не лучше. Возставая противъ предположеній податной коммисіи, херсонскій губернаторъ замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ необходимо считаться съ нравственнымъ состояніемъ крестьянскихъ обществъ. „Податныя раскладки и въ настоящее время дѣлаются нерѣдко возмутительно неправильно. Нѣтъ такого сельскаго общества, въ которомъ не находилось бы лицъ, имѣющихъ на сходахъ преобладающее вліяніе. При содѣйствіи сельскихъ властей, большею частью солидарныхъ съ этими лицами, сходы составляются сообразно съ желаніемъ зажиточнаго и потому вліятельнаго меньшинства, изъ лицъ, находящихся въ матеріальной зависимости отъ этого меньшинства.

Къ сожалѣнію, очень часто случается даже, что приговоры, при безграмотности членовъ схода, сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ и неблагонадежности писарей, подписываются и за такихъ лицъ, которыя на сходахъ вовсе не присутствовали, или—что приговоры составляются не согласно съ рѣшеніемъ схода. Такимъ образомъ, при составленіи раскладокъ допускаются несправедливости, на которыя обиженные не приносятъ жалобъ или потому, что не замѣчаютъ ихъ по неразвитости своей, или потому, что не осмѣливаются"...

Въ виду такихъ обстоятельствъ, херсонскому губернатору кажется недостаточнымъ опредѣленіе нормы, выше или ниже которой не можетъ быть опредѣленъ налогъ при внутренней общественной раскладкѣ, какъ это предположено проектомъ коммисіи. Эту же точку зрѣнія раздѣляютъ и многія другія губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. „Слишкомъ близкое знакомство съ дѣятельностью сельскихъ обществъ, съ такъ называемымъ самоуправленіемъ оныхъ,— замѣчаетъ, между прочимъ, полтавское присутствіе,—не позволяетъ относиться къ этому самоуправленію теоретически и видѣть въ немъ залогъ благоустройства крестьянскихъ обществъ. Практика, къ сожалѣнію, указываетъ на совершенно противные результаты. Самоуправленіе это на практикѣ сводится къ авторитетному руководительству писаря и нѣсколькихъ болѣе вліятельныхъ въ обществѣ личностей и даетъ мѣсто произволу, нерѣдко вопіющему. А потому чѣмъ болѣе будетъ ограничено общество въ правахъ разверстки какого бы то ни было налога, тѣмъ болѣе само общество будетъ ограждено отъ неравномѣрности и неправильности раскладки".

Меньше единодушія замѣчается во взглядахъ мѣстныхъ дѣятелей на значеніе круговаго ручательства сельскихъ обществъ въ податномъ дѣлѣ. Вопросъ этотъ обсуждался съ точки зрѣнія отвлеченныхъ построеній, а не на почвѣ данныхъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни. Стремленіе податной коммисіи ограничить область примѣненія круговой поруки въ общемъ встрѣчено весьма сочувственно, но практическая возможность такого ограниченія оспаривалась по разнымъ соображеніямъ. Выставлялось на видъ, что при тѣсной связи между общиннымъ землевладѣніемъ и круговою порукою, всякая попытка ослабить или отмѣнить круговое ручательство неизбѣжно ведетъ къ ослабленію или отмѣнѣ общиннаго землевладѣнія. Съ особенною же силою мѣстные дѣятели настаивали на соображеніяхъ фискальнаго свойства, указывая на неизбѣжность накопленія недоимокъ при установленіи личной отвѣтственности каждаго отдѣльнаго двора по лежащимъ на немъ платежамъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ обмѣнъ мыслей между олонецкими губернской земской управой и губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ. Земская управа, вполнѣ сознавая „тяжесть и несправедливость круговой по-

руки для крестьянскихъ обществъ", усматривала въ ней „все же единственно твердую и прочную гарантію въ исправности поступленія сборовъ". Принявъ во вниманіе, что въ Олонецкой губерніи болѣе чѣмъ на-половину такихъ селеній, въ которыхъ число дворовъ менѣе 12, управа полагала, что если для этого числа дворовъ круговая порука, согласно проекту податной коммисіи, будетъ замѣнена личною отвѣтственностью, то „при бѣдности всѣхъ домохозяевъ такихъ селеній, взысканіе съ нихъ лично лежащихъ на нихъ платежей будетъ невозможно и, слѣдовательно, половина и болѣе сборовъ останется въ недоимкѣ".

По мнѣнію же олонецкаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, круговая порука „несправедлива, тяжела и даже раззорительна для крестьянскихъ обществъ; она существуетъ покуда, какъ необходимое зло, вытекшее изъ началъ общиннаго владѣнія, и на практикѣ вовсе не обезпечиваетъ исправности поступленія сборовъ..." Предположенное податною коммисіею ограниченіе круговой поруки представляется губернскому присутствію „совершенно раціональнымъ" —„не круговая порука, а единственно развитіе производительныхъ силъ населенія путемъ образованія его можетъ служить для государства вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ удовлетворенію всѣхъ нуждъ его"...

Коммисіи объ изслѣдованіи сельскаго хозяйства и податная оставили весьма цѣнный матеріалъ для изученія современныхъ условій народной жизни, но не имѣли вліянія на ходъ положительнаго законодательства. Между тѣмъ слабыя стороны хозяйственнаго и общественнаго быта крестьянъ все болѣе выступали наружу, въ особенности со времени реформы 27 іюня 1874 года, возложившей обязанность по наблюденію за ходомъ крестьянскихъ платежей и по взысканію недоимокъ на полицію,—органъ, чуждый крестьянскимъ интересамъ и, по самому характеру своей дѣятельности, неспособный ни руководить податнымъ дѣломъ въ сельскихъ обществахъ, ни считаться съ платежными и хозяйственными силами сельскаго населенія. Ближайшимъ послѣдствіемъ реформы 1874 года было дисциплинарное подчиненіе сельскихъ выборныхъ властей не только уѣздному исправнику, что предусмотрѣно самимъ закономъ, но и всѣмъ низшимъ чинамъ уѣздной полиціи. Отсюда крайнее ухудшеніе состава какъ вообще должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, такъ въ особенности сельскихъ старостъ. Являясь, по мысли законодателя, хранителями интересовъ общины, избираемыми изъ числа достойнѣйшихъ домохозяевъ, сельскіе старосты на самомъ дѣлѣ превратились въ безотвѣтныхъ слугъ низшей полиціи, которыхъ главнѣйшая и существеннѣйшая обязанность состояла въ сборѣ податей и въ примѣненіи понудительныхъ мѣръ къ односельчанамъ-недоимщикамъ. При

такомъ положеніи дѣла, предположеніе законодателя, что въ старосты избираются лучшіе изъ числа домохозяевъ, не могло имѣть почвы подъ собою; должность старосты перестала быть почетною обязанностью и сдѣлалась тяжелою повинностью; съ теченіемъ времени установился порядокъ, что въ старосты не избирались, а назначались поочередно всѣ домохозяева, причемъ отъ несенія этой повинности, хлопотливой и отвѣтственной, уклонялись всѣ лучшіе люди. Легко себѣ представить, въ какой мѣрѣ такіе „выборные“ дѣятели крестьянскаго самоуправленія, безпомощные и приниженные внѣ общины, лишенные всякаго нравственнаго вліянія внутри ея, могли явиться руководителями сельскаго схода, призванными направлять его дѣятельность на путь законности и уваженія къ правамъ отдѣльныхъ лицъ.

Ближайшія послѣдствія такого порядка вещей выяснены сенаторскими ревизіями начала 80-хъ годовъ. Сенаторъ Мордвиновъ, обревизовавъ Воронежскую и Тамбовскую губерніи, удостовѣрилъ, что „благосостояніе сельскаго населенія не поднялось, а понизилось противъ дореформеннаго времени и продолжаетъ понижаться“... „Безспорными признаками обѣднѣнія крестьянъ служатъ уменьшеніе прежде сохранявшихся хлѣбныхъ запасовъ и количества скота, въ особенности рабочаго, упадокъ строеній, истощеніе земли вслѣдствіе хищнической ея обработки и истребленіе тѣхъ лѣсовъ, которыми нѣкоторые крестьяне были надѣлены“... „Число неимущихъ, и прежде существовавшихъ въ каждомъ почти селеніи, увеличилось въ огромномъ размѣрѣ, при этомъ съ ужасающею быстротою возрастаетъ число крестьянскихъ семействъ, изъ зажиточныхъ постепенно переходящихъ въ число нуждающихся и затѣмъ въ число вовсе необезпеченныхъ въ своемъ существованіи, т. е. семействъ, не имѣющихъ ни достаточнаго запаса хлѣба съ осени, ни надежнаго рабочаго скота, и обремененныхъ неоплатными долгами“.

Останавливаясь на причинахъ прогрессирующаго обѣднѣнія крестьянъ, сенаторъ Мордвиновъ отводитъ видное мѣсто „неурядицѣ въ крестьянскомъ быту“. „Крестьянское самоуправленіе находится въ полномъ распаденіи повсемѣстно... Сельскіе и волостные сходы, составляющіе, по положенію 19 февраля 1861 года, краеугольный камень крестьянскаго самоуправленія, потеряли всякое значеніе; собираемые изъ людей, соединяющихся подъ условіемъ угощенія водкой, эти сходы служатъ только орудіемъ писаря или другаго вліятельнаго лица въ обществѣ для достиженія разныхъ противозаконныхъ цѣлей. Крестьяне жалуются, что при нынѣшней неурядицѣ нельзя устроить ничего, касающагося общей пользы: найма сторожей, огражденія выгона отъ запашки, исправленія дорогъ и т. п. Во многихъ селеніяхъ дошло до того, что сходъ безъ угощенія опредѣленнымъ количествомъ

водки не составляетъ приговора, напримѣръ, о пріемѣ крестьянина, отбывшаго наказаніе, и, напротивъ того, за нѣсколько ведеръ водки отбираетъ у недоимщика землю и отдаетъ ее въ аренду за ничтожную плату"... Сельскіе старосты, избираемые крестьянами „безъ всякаго вниманія къ ихъ нравственнымъ качествамъ и способностямъ, потеряли, подобно сходамъ, всякое значеніе и исполняютъ съ формальной стороны нѣкоторыя изъ своихъ обязанностей въ видѣ отбыванія повинности"...

„При настоящемъ порядкѣ вещей, продолжаетъ сенаторъ, затрудняются улучшенія въ земледѣліи, необходимыя при наростающемъ населеніи и возможныя только при существованіи порядка и правильной администраціи. Желательному укрѣпленію въ народныхъ понятіяхъ принципа права собственности препятствуетъ, между прочимъ, неопредѣленность правъ участія во владѣніи общинною землею и затрудненія безъ согласія большинства односельцевъ достигнуть выдѣла участка въ отдѣльную собственность".

Все это приводитъ сенатора къ заключенію, что „устройство правильнаго крестьянскаго самоуправленія составляетъ первое условіе для поднятія благосостоянія крестьянъ и нравственнаго ихъ уровня."

Такимъ образомъ, въ десятилѣтіе, отдѣляющее сенаторскія ревизіи отъ коммисіи статсъ-секретаря Валуева, зло не только не уменьшилось, но, повидимому, сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи. Указаніе коммисіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, что сложившійся на почвѣ узаконеній 19 февраля 1861 г. строй крестьянскаго самоуправленія, при низкомъ уровнѣ развитія крестьянъ, не благопріятствуетъ матеріальнымъ успѣхамъ сельскаго населенія и что, въ частности, предоставленное сельскимъ сходамъ право распоряженія общинною землею не соотвѣтствуетъ интересамъ ни отдѣльныхъ членовъ общины, ни вообще сельскохозяйственной промышленности, получило новое подтвержденіе въ данныхъ, собранныхъ сенаторами Мордвиновымъ, Шамшинымъ и др. Необходимость упорядоченія общиннаго землевладѣнія становилась все болѣе настоятельною. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ орловскаго губернатора за 1888 годъ объяснено, что въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи поражаетъ многочисленность жалобъ на произвольное отнятіе сельскими обществами у отдѣльныхъ своихъ членовъ земельныхъ надѣловъ и передачу ихъ другимъ членамъ тѣхъ же обществъ. Этого рода дѣла, развившіяся подъ вліяніемъ взгляда на сельское общество, какъ на безконтрольнаго распорядителя общинною землею, имѣютъ крайне деморализующее вліяніе и для устраненія безпорядка, вносимаго ими въ крестьянскую жизнь, необходимо, по мнѣнію губернатора, точно опредѣлить права каждаго члена общества на надѣльную землю и предоставить обществу только примѣнять къ каждому отдѣльному случаю установленныя правила закона.

Для достиженія этого обществу слѣдовало бы предоставить только право опредѣлять на извѣстное, указанное въ законѣ, число лѣтъ, какія одинаковыя для всѣхъ основанія должны быть принимаемы при распредѣленіи земли—ревизскія или наличныя души (либо тягла) съ тѣмъ, чтобы общество, опредѣливъ эти основанія, было обязано примѣнять ихъ неуклонно къ каждому своему члену и притомъ въ теченіе всего срока, на который эти основанія приняты...

Весьма цѣнныя данныя для изученія внутренней жизни сельской общины, преимущественно восьмидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія, собраны нѣкоторыми земствами, озаботившимися производствомъ подворныхъ переписей сельскаго населенія. Благодаря этимъ переписямъ, къ сожалѣнію, выполненнымъ по разнымъ программамъ и въ разное время, выяснены съ достаточною полнотою многія стороны хозяйственнаго быта крестьянъ, до того времени остававшіяся въ тѣни; съ особеннымъ же вниманіемъ разработанъ вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія. Нельзя не вмѣнить въ заслугу земскимъ статистикамъ, что они сумѣли подмѣтить и ярко воспроизвести въ своихъ работахъ процессъ нарожденія новой земельной общины,—той общины, которая самовластно распоряжается надѣльною землею и по своему благоусмотрѣнію опредѣляетъ весь земельный распорядокъ. Дореформенная община, какъ мы знаемъ, была иною, существенно инымъ былъ юридическій характеръ ея землевладѣнія, такъ какъ весь внутренній земельный распорядокъ въ общинѣ опредѣлялся волею, стоявшею выше воли мірскаго схода. Какъ же совершился этотъ любопытный и поучительный процессъ нарожденія новой земельной общины, каковы исходныя его причины и конечные результаты?

Въ дореформенную эпоху условія землепользованія и землевладѣнія сложились совершенно различно у государственныхъ крестьянъ и помѣщичьихъ; различно было и отношеніе этихъ крестьянъ къ передѣламъ.

У государственныхъ крестьянъ передѣлы земли пріурочивались къ ревизіи, устанавливавшей новыя платежныя отношенія сельскаго населенія къ правительству и, слѣдовательно, требовавшей новаго распредѣленія надѣльной земли. Въ народномъ правосознаніи твердо установилось начало, что право на полученіе самостоятельнаго надѣла возникаетъ для каждаго члена общины лишь съ занесеніемъ его въ ревизію, что сопровождалось положеніемъ въ душевой окладъ. Такимъ образомъ, время совершенія общаго передѣла и самыя его основанія не были предоставлены усмотрѣнію общины, а указывались верховной властью, что, разумѣется, способствовало устойчивости и правомѣрности общиннаго землевладѣнія.

Крѣпостные крестьяне, какъ извѣстно, не знали свободнаго распоряженія землею, да и потребность въ общихъ передѣлахъ устраня-

лась усвоенной этими крестьянами тягловой разверсткой земли, находившейся въ ихъ пользованіи. Такъ какъ, съ отмѣною крѣпостнаго права, земля отводилась сельскимъ обществамъ по числу ревизскихъ душъ, то крестьяне въ значительномъ большинствѣ случаевъ перешли отъ тягловой разверстки къ разверсткѣ по ревизскимъ душамъ мужскаго пола, можетъ быть, подъ вліяніемъ ложнаго представленія, что поступившая въ надѣлъ земля должна быть обязательно распредѣлена именно по ревизскимъ душамъ.

Съ теченіемъ времени, при воздѣйствіи новыхъ пореформенныхъ условій, въ которыхъ очутились разныя группы крестьянскаго населенія, подъ вліяніемъ также постепеннаго роста податной задолженности, грозившей общинѣ отвѣтственностью по круговой порукѣ, ревизская разверстка надѣльной земли потребовала болѣе или менѣе существенныхъ поправокъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ земля не окупала лежавшихъ на ней платежей и гдѣ являлась возможность арендованія ея, за дешевую плату, на сторонѣ, у сосѣднихъ помѣщиковъ, запашка которыхъ, въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, значительно сократилась, общинѣ постоянно приходилось имѣть въ своемъ распоряженіи надѣлы, пустующіе по разнымъ случаямъ; изъ опасенія отвѣтственности по круговой порукѣ, надѣлы эти накидывались дворамъ, способнымъ вынести большую сумму платежей. Кромѣ того, поводомъ къ вмѣшательству общины въ землевладѣніе отдѣльныхъ дворовъ являлось измѣненіе рабочаго ихъ состава, сопровождавшееся соотвѣтственнымъ измѣненіемъ платежныхъ силъ. Въ иной большой, многодушной по числу ревизскихъ душъ, семьѣ, случалось, перемирали всѣ ревизскія души, а въ другой семьѣ, у какого-нибудь бобыля, наоборотъ, появлялось съ теченіемъ времени многочисленное семейство. Въ первомъ случаѣ на маломочной семьѣ лежалъ непосильный платежъ податей за убылыя души, и хозяйство этого двора, лишенное рабочихъ рукъ и обремененное податями, приходило въ упадокъ. Во второмъ случаѣ дворъ оказывался способнымъ вынести большій окладъ, чѣмъ это приходилось по ревизской сказкѣ и по величинѣ его надѣла. Отсюда необходимость установить нарушенное равновѣсіе между платежными силами двора и размѣрами его земельнаго владѣнія, что и достигалось посредствомъ свалки и навалки душъ. Такъ постепенно совершился переходъ отъ ревизской разверстки къ распредѣленію надѣльной земли по другимъ основаніямъ, преимущественно по мужскому составу семей—въ мѣстностяхъ, гдѣ обладаніе надѣльною землею было плательщику въ тягость.

Свалки и навалки душъ, пріучая общину къ постоянному вмѣшательству въ землевладѣніе отдѣльныхъ ея членовъ и открывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкій просторъ произвольнымъ дѣйствіямъ сельскихъ сходовъ, имѣли, однако, другія невыгодныя стороны. Вызываемая ими

неустойчивость семейнаго участка не могла не отразиться, и притомъ весьма неблагопріятно, на общемъ ходѣ крестьянскаго сельскаго хозяйства. Кромѣ того, устраняя на первыхъ порахъ потребность въ производствѣ общихъ передѣловъ, свалка и навалка душъ, тѣмъ не менѣе, подготовляли для нихъ почву. Частый переносъ земельныхъ участковъ отъ одного домохозяина къ другому нерѣдко сопровождался столь значительнымъ развитіемъ черезполосицы, что для устраненія послѣдней не оставалось у общины другаго средства, какъ прибѣгнуть къ общей переверсткѣ надѣльной земли.

Нѣсколько иначе сложились условія общиннаго землевладѣнія въ мѣстностяхъ, гдѣ доходность надѣльной земли превышала лежавшіе на ней платежи или гдѣ, по крайней мѣрѣ, не было слишкомъ рѣзкаго несоотвѣтствія между доходностью надѣла и платежами. Здѣсь вмѣшательство общинъ съ цѣлью измѣнить установившееся первоначально распредѣленіе надѣльной земли между отдѣльными дворами, не имѣвшее почвы въ народныхъ воззрѣніяхъ, не оправдывалось и соображеніями податнаго свойства. Обладаніе надѣльною землею могло не представлять особыхъ выгодъ, но оно не было въ тягость, поэтому надобности не ощущалось въ свалкѣ и навалкѣ душъ по распоряженію сельскаго схода. Надѣлы, освобождавшіеся за смертью домохозяина разбирались его родственниками; крестьяне, имѣвшіе заработки на сторонѣ, сдавали безъ затрудненія свою землю въ аренду. Въ распоряженіе общины по временамъ поступали лишь надѣлы выморочные, переселенческіе или почему либо заброшенные своими владѣльцами; община располагала ими по своему усмотрѣнію обращала въ оброчную статью, подъ выгонъ или общественную запашку, передавала домохозяевамъ, особенно нуждавшимся въ землѣ и т. д. Здѣсь, въ этихъ общинахъ, сохранился, такимъ образомъ, дореформенный порядокъ общиннаго землевладѣнія. Каждый отдѣльный домохозяинъ владѣлъ своимъ участкомъ какъ бы на правѣ частной собственности: надѣльная земля переходила по наслѣдству, иногда завѣщалась, дѣлилась между членами семьи, была даже предметомъ купли-продажи. Община не вмѣшивалась, не чувствовала себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣло свободнаго распоряженія землею со стороны отдѣльныхъ домохозяевъ; къ указаннымъ выше сдѣлкамъ она относилась безразлично, въ случаѣ надобности утверждала ихъ своимъ приговоромъ.

Однако, даже и въ этихъ общинахъ обнаружились теченія, враждебныя установившемуся распредѣленію надѣльной земли и направленныя къ общему ея передѣлу по новымъ основаніямъ. Теченія эти возникли подъ вліяніемъ усилившагося повсемѣстно спроса на землю. Съ обновленіемъ общественнаго и экономическаго строя Россіи и благодаря быстро подвинувшейся впередъ постройкѣ обширной желѣзнодорожной сѣти, хозяйственныя условія цѣлыхъ раіоновъ Рос-

сіи существенно измѣнились. Цѣнность земли стала всюду расти; легкость сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, при хорошихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, способствовала расширенію запашки владѣльческой, какъ и крестьянской; арендныя цѣны безостановочно повышались. Мѣропріятія первой половины 80-хъ годовъ, выразившіяся въ отмѣнѣ солянаго налога и подушной подати, а равно въ пониженіи выкупныхъ платежей, ослабивъ чувствительно лежавшую на крестьянствѣ податную тяготу, не могли не произвести, съ своей стороны, переворота въ отношеніи сельскаго населенія къ надѣльной землѣ. Крестьянину выгодно стало работать на родной нивѣ. Но въ общинѣ съ каждымъ днемъ дѣлалось тѣснѣе. Многіе изъ домохозяевъ, прежде жившихъ на сторонѣ, теперь вернулись къ себѣ и стали отыскивать „отцовскіе надѣлы“, требовать возврата „родовой земли“.

Недовольство установившимся въ общинѣ, въ эпоху высокихъ платежей, неравномѣрнымъ распредѣленіемъ надѣльной земли захватываетъ постепенно все большій кругъ сельскаго населенія. Но въ крестьянствѣ крѣпки еще были преданія прежняго порядка вещей, сильно было убѣжденіе въ томъ, что общій передѣлъ по новымъ душамъ не можетъ быть актомъ односторонняго желанія хотя бы и большинства членовъ общины, что для такого передѣла необходимъ „Царскій указъ“.

Но такъ какъ указа не появлялось и не было ревизіи, которая столь нетерпѣливо ожидалась нѣкоторою частью сельскаго населенія, то мѣстами, въ общинахъ, гдѣ значительное большинство членовъ считало для себя выгоднымъ произвести переверстку надѣльной земли, крестьяне рѣшались даже на „самовольный“ передѣлъ, оговариваясь въ приговорѣ, что въ случаѣ ревизіи они вновь переверстаютъ надѣльную землю. Опасеніе отвѣтственности за „самовольный“ передѣлъ было такъ велико, что приговоры о передѣлѣ, случалось, вовсе не записывались и крестьяне избѣгали говорить о немъ постороннимъ.

Постепенно, однако, взгляды крестьянъ на право міра распоряжаться по своему усмотрѣнію надѣльною землею начинаютъ проясняться. Такому проясненію въ значительной мѣрѣ способствуютъ мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія. Исходя изъ того соображенія, что уравнительная разверстка общинной земли по новымъ душамъ благопріятствуетъ болѣе успѣшному поступленію окладныхъ сборовъ, мѣстное начальство не только поддерживаетъ въ крестьянахъ стремленіе къ общему передѣлу, но даже само настаиваетъ на совершеніи такихъ передѣловъ [1]). Достойно вниманія, что въ этомъ

[1]) Воронежскіе статистики, напр., приписываютъ быстрое распространеніе коренныхъ передѣловъ въ Острогожскомъ уѣздѣ вліянію уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Усиленіе движенія къ передѣламъ съ выдачею владѣнныхъ записей въ Мелитопольскомъ уѣздѣ самими крестьянами объясняется

направленіи дѣйствуетъ мѣстное начальство не только губерній кореннаго общиннаго землевладѣнія, но и губерній кореннаго подворнаго землевладѣнія. Въ матеріалахъ сенатора Половцова, собранныхъ имъ въ началѣ 80-хъ годовъ при ревизіи Кіевской и Черниговской губерній, встрѣчаются указанія на стремленіе мѣстной уѣздной администраціи содѣйствовать укорененію въ Кіевской губерніи порядковъ общиннаго землевладѣнія, выражающихся въ мірскомъ передѣлѣ участковъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ домохозяевамъ. Признавая общинное землевладѣніе противорѣчащимъ обычаямъ крестьянскаго населенія Кіевской губерніи и экономическимъ интересамъ всего края, сенаторъ рѣшительно осуждаетъ поддержку такого рода стремленій со стороны губернскихъ учрежденій того времени [1]).

Такъ исподволь старыя преданія общиннаго быта уступаютъ свое мѣсто новымъ. Отсутствіе въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія по землевладѣнію цѣлыхъ сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ его членовъ, благопріятствовало развитію новыхъ теченій, нарушившихъ мирный ходъ общинной жизни. Ясно, что вмѣшательство общины въ разверстку надѣльной земли теперь имѣло иной характеръ, нежели прежде. Въ эпоху высокихъ платежей и дешевизны земли всѣ дѣйствія общины по распоряженію надѣльной землей опредѣлялись исключительно податными соображеніями; землевладѣніе исправнаго домохозяина оставалось неприкосновеннымъ; его надѣльный участокъ могъ быть увеличенъ въ случаѣ навалки душъ, но не могъ быть уменьшенъ. Съ послѣдовавшимъ усиленіемъ спроса на надѣльную землю, вмѣшательство міра въ земельный распорядокъ опредѣлялось отнюдь не соображеніями податнаго свойства, а знаменовало собою борьбу малоземельныхъ и многоземельныхъ членовъ общины изъ за земли. Чѣмъ неравномѣрнѣе установилось въ прежнее время распредѣленіе надѣловъ между отдѣльными дворами и чѣмъ цѣннѣе была земля, тѣмъ настойчивѣе и упорнѣе домогалась передѣла та часть домохозяевъ, которая разсчиты-

---

внушеніемъ мироваго посредника. Первый передѣлъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ совершился послѣ того, какъ крестьяне узнали о своихъ правахъ отъ мѣстнаго предводителя дворянства. Передача въ 1883 г. надѣловъ умершихъ ревизскихъ душъ не ревизскимъ подросткамъ въ с. Первозвановскомъ, Славяносербскаго уѣзда, совершилась, между прочимъ, благодаря внушенію непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. В. В. Крестьянская община, стр. 109.

[1]) Въ матеріалахъ, собранныхъ въ настоящее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обращаетъ на себя вниманіе заключеніе могилевскаго губернскаго совѣщанія, отмѣчающаго тотъ фактъ, что нѣкоторыя уѣздныя крестьянскія учрежденія Могилевской губ., „или не зная дѣйствительнаго быта крестьянъ и руководствуясь исключительно буквой закона, или же изъ теоретическаго увлеченія выгодами общиннаго землевладѣнія“ въ теченіе тридцати лѣтъ „навязывали“ населенію начала такого землевладѣнія.

вала на прибавку земли при переверсткѣ. Сдерживающимъ моментомъ на первыхъ порахъ служило убѣжденіе крестьянъ въ преступности и наказуемости передѣла, совершаемаго самовольно, безъ разрѣшенія верховной власти. Но когда сдѣлалось очевиднымъ, что убѣжденіе такое не имѣетъ почвы подъ собою въ узаконеніяхъ 19 февраля 1861 года, что произведенные мѣстами самовольные передѣлы не повлекли за собою административнаго взысканія, что, напротивъ того, мѣстное начальство само поощряетъ переверстку надѣловъ по новымъ душамъ, тогда скрытая борьба изъ за земли дѣлается явною, стремленіе къ передѣлу земли захватываетъ все большій кругъ общинъ, броженіе въ умахъ крестьянства усиливается и все труднѣе становится положеніе какъ отдѣльныхъ членовъ общины—рачительныхъ домохозяевъ, которымъ постоянно грозитъ возможность лишиться части надѣла, такъ и всего крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Но право распоряжаться надѣльною землею и по усмотрѣнію производить общіе ея передѣлы, когда и на какихъ угодно основаніяхъ, могло быть осуществляемо общиною лишь подъ условіемъ согласія на это большинства $^2/_3$ домохозяевъ. Къ обезпеченію за собою такого большинства отнынѣ направлены всѣ усилія сторонниковъ общаго передѣла. И если принять во вниманіе низкій уровень крестьянскаго самоуправленія, случайность и недоброкачественность состава сельскихъ сходовъ и своекорыстныя побужденія должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, то легко себѣ представить, къ какимъ неблагопріятнымъ хозяйственнымъ послѣдствіямъ должна была привести возгорѣвшаяся борьба изъ за земли внутри общины, — борьба, поддерживаемая и поощряемая всѣмъ строемъ узаконеній 19 февраля 1861 года, разсчитанныхъ на совершенно иныя условія народной жизни.

Отстаивая установившійся порядокъ распредѣленія надѣльной земли, противники передѣла выставляютъ на видъ разнаго рода соображенія. Въ общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ настойчиво доказывается, что передѣлъ можетъ и долженъ быть совершаемъ лишь одновременно съ ревизіей, что поэтому починъ міра въ такомъ дѣлѣ недостаточенъ и незаконенъ. Въ общинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ противники передѣла ссылаются на расходы, понесенные теперешними владѣльцами въ видѣ всякаго рода повинностей и обременительныхъ платежей за землю, когда она того не стоила; что выкупаемые ими надѣлы составляютъ, по закону, ихъ личную собственность; что разверстка надѣльныхъ участковъ по усмотрѣнію схода есть возвратъ къ порядкамъ крѣпостнаго права [1]).

[1]) Въ Суражскомъ, напр., уѣздѣ общинные порядки приравниваются крестьянами къ крѣпостнымъ порядкамъ; когда тоже происходило уравненіе землепользованія по распоряженію и въ интересахъ владѣльца. Вспоминая прош-

Весьма нерѣдко препятствіемъ къ передѣлу крестьянами признается неодинаковая степень разработки и удобренности надѣльныхъ участковъ.

Когда обычные способы убѣжденія не достигаютъ своей цѣли, то обѣ враждующія стороны,—противники передѣла, какъ и его сторонники, не останавливаются предъ мѣрами насилія [1]), подлогами и обманами. Весьма нерѣдко въ конечномъ результатѣ составляется приговоръ о передѣлѣ, на первыхъ порахъ примиряющій до нѣкоторой степени противоположные интересы, а затѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, дѣлаются новыя попытки къ совершенію передѣла, возгорается новая борьба....

Таковы въ общихъ чертахъ условія, на почвѣ которыхъ выросли новые „порядки“ общиннаго землевладѣнія. Стремленіе измѣнить основаніе ревизской разверстки въ теченіе 80-хъ годовъ явилось повсемѣстно, съ особенною же силою въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность земли высока, главнѣйше въ черноземномъ раіонѣ. Здѣсь въ большинствѣ случаевъ осуществился передѣлъ надѣльной земли по новымъ душамъ, по наличному мужскому составу дворовъ.

Но выиграло ли отъ этого крестьянское хозяйство? Выиграла ли сельскохозяйственная производительность страны? Новыя условія общиннаго землевладѣнія оказались ли благопріятствующими накопленію достатка въ народной массѣ?

Если основываться на матеріалахъ, собранныхъ земскими статистиками, то поставленные вопросы разрѣшаются въ отрицательномъ смыслѣ. Въ литературѣ второй половины семидесятыхъ годовъ настойчиво проводился взглядъ, нашедшій отголосокъ и въ правительственныхъ сферахъ, будто основная причина крестьянскихъ нестроеній заключается въ несовершенствѣ податной системы, въ тяжести крестьянскихъ платежей. Однако, правительственныя мѣропріятія первой половины 80-хъ годовъ, благодаря которымъ, съ отмѣною подушной подати и пониженіемъ выкупныхъ платежей, повсемѣстно, за рѣдкими исключеніями, достигнуто соотвѣтствіе между доходностью надѣльной земли и лежавшими на ней выкупными платежами, не привели къ сколько-нибудь положительнымъ результатамъ въ смыслѣ

лое, на вопросъ, почему не производятъ равненія земли, крестьяне отвѣчаютъ „жить такъ, какъ жили при крѣпостничествѣ, мы теперь не хочемъ“. Однако, и въ Суражскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ общинахъ произведены были передѣлы земли по новымъ душамъ. Подворная опись Суражскаго уѣзда, произведенная въ 1882 г., стр. 39 (приложеніе къ матеріаламъ для оцѣнки земельныхъ угодій т. IX. Черниговъ, 1883).

[1]) Одинъ изъ крестьянъ Острогожскаго уѣзда на вопросъ, почему онъ подалъ голосъ за передѣлъ, когда онъ ему не выгоденъ, отвѣчалъ: „я не хотѣлъ дѣлить, а когда сталъ перечить, мнѣ дали выволочки“(т. е. побили). Щербина. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уѣзду. Воронежъ, 1887, стр. 131.

подъема народнаго благосостоянія, ибо въ полной силѣ остались всѣ другія отрицательныя стороны народной жизни. Хозяйственное слабосиліе сельскаго населенія, очевидно, обусловливалось не исключительно тяжестью податныхъ платежей. Основная причина этого слабосилія лежала глубже, коренилась въ самыхъ условіяхъ общиннаго землевладѣнія и общественнаго устройства крестьянъ, а эти условія до самаго послѣдняго времени оставались безъ существеннаго измѣненія. Самое значеніе для крестьянскаго хозяйства податныхъ мѣропріятій правительства первой половины 80-хъ годовъ существенно умалилось съ теченіемъ времени, благодаря быстрому росту мірскихъ и земскихъ сборовъ. Чего не добирала казна, то ушло на удовлетвореніе мірскихъ и земскихъ потребностей, а между тѣмъ начавшійся упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ создалъ новыя затрудненія сельскому хозяйству и чувствительно ослабилъ платежныя силы крестьянства, въ особенности въ мѣстностяхъ черноземнаго раіона, гдѣ занятіе сельскимъ хозяйствомъ составляетъ основу народнаго благосостоянія.

Произведенныя въ теченіе первой и второй половины 80-хъ годовъ нѣкоторыми земствами подворныя переписи обнаружили повсемѣстную убыль у крестьянъ численности рабочаго скота и вообще крайнюю отсталость и слабую производительность крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Оба эти явленія заслуживаютъ глубокаго вниманія. Численность рабочаго скота служитъ несомнѣннымъ признакомъ хозяйственной устойчивости двора. Начавшееся обѣднѣніе крестьянина выражается прежде всего въ убыли живаго инвентаря; безлошадный хозяинъ раньше или позднѣе долженъ уступить свой надѣлъ другому, увеличивая собою ряды сельскаго или городскаго пролетаріата. Содержать скотъ въ надлежащемъ количествѣ община можетъ, однако, лишь при наличности выгоновъ, достаточныхъ въ количественномъ отношеніи, удовлетворительныхъ въ качественномъ. Поэтому въ дореформенное время, у государственныхъ крестьянъ, выгоны заботливо охранялись; попеченіе о сельскомъ выгонѣ составляло одну изъ важнѣйшихъ обязанностей сельскаго старосты.

Но въ пореформенное время, когда завѣдываніе всѣми мірскими дѣлами передано было безпорядочной и безотвѣтственной толпѣ въ лицѣ сельскаго схода, о надлежащей охранѣ сельскохозяйственныхъ потребностей общины, въ ея цѣломъ, не могло быть и рѣчи. По мѣрѣ возрастанія спроса на землю, площадь пашни увеличивалась за счетъ лѣса и лѣсныхъ зарослей, которые безпорядочно истреблялись; потомъ настала очередь сѣнокосовъ и даже выгоновъ, которые мѣстами были сокращены, мѣстами вовсе уничтожены. Особенно замѣтное уменьшеніе площади выгоновъ и сѣнокосовъ послѣдовало въ теченіе 80-хъ годовъ и эти же годы, по даннымъ земской статистики, озна-

меновались значительною повсемѣстно убылью скота въ крестьянскомъ хозяйствѣ. По даннымъ военно-конской переписи 1888 и 1891 гг., процентъ безлошадныхъ дворовъ къ общему количеству послѣднихъ въ губерніяхъ средне-черноземнаго раіона составилъ, въ среднемъ, 24,2%, а въ южномъ раіонѣ достигалъ 37,9% [1]).

При недостаткѣ въ пастбищныхъ и сѣнокосныхъ угодьяхъ, главнѣйшимъ кормовымъ суррогатомъ для скота служатъ солома, мякина, сорныя травы и прочіе недоброкачественные полеводственные отбросы. Отсюда—недостаточная выносливость, малая плодовитость и недолговѣчность крестьянскаго скота и частыя заболѣванія разными болѣзнями [2]).

Не имѣя возможности исправно содержать скотъ на подножномъ корму весной и лѣтомъ, а зимой доставлять ему кормъ въ достаточномъ количествѣ, населеніе или снимаетъ въ аренду, за дорогую цѣну, покосы, жнивье и пары за деньги и отработки, или вновь обращаетъ часть своихъ пахотныхъ угодій подъ пастбище. Но всякая попытка сократить площадь пахотной земли встрѣчаетъ сильныя затрудненія и возбуждаетъ въ общинѣ борьбу противоположныхъ интересовъ. Такъ, въ южныхъ уѣздахъ Самарской губерніи многолошадные домохозяева, въ виду недостатка собственныхъ сѣнокосныхъ и пастбищныхъ угодій, стремятся запустить подъ кормовую площадь часть пахотныхъ угодій. Это стремленіе вызываетъ противодѣйствіе со стороны малолошадныхъ домохозяевъ, которые, наоборотъ, стремятся уменьшить выгонную площадь и обратить ее въ пахотную, съ цѣлью послѣдующей сдачи въ аренду. Мѣстами борьба изъ за пользованія выгонами принимаетъ острый характеръ [3]). Такое же явленіе наблюдалось и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи [4]). Бѣднѣйшіе члены общины,—а таковыхъ большинство,—не могутъ не противиться расширенію выгоновъ и сѣнокосовъ за счетъ пашни, какъ прямо нарушающему ихъ интересы: вѣдь, подать, по общему правилу, раскладываемая соотвѣтственно количеству надѣльной земли, въ той же мѣрѣ обременяетъ какъ обнищавшаго домохозяина, вовсе не участвующаго

---

[1]) Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. Спб., 1894; табл. № VI.

[2]) Въ Самарской губерніи, благодаря плохому содержанію скота, къ веснѣ, предъ моментомъ выгона его на пастбище, коровы до такой степени тощаютъ и обезсиливаютъ, что ихъ нерѣдко приходится поднимать съ земли на ноги рычагами. Сводный сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Самарской губерніи. Выпускъ I, стр. 52.

[3]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Самарской губерніи. Т. VI. стр. 34.

[4]) Осадчій, Т. Крестьянское надѣльное землевладѣніе въ Херсонской губ. въ связи съ платежами крестьянъ. Херсонъ, 1894; стр. 167.

въ пользованіи общественнымъ выгономъ за неимѣніемъ скота, такъ и богатаго домохозяина, который, при одинаковомъ размѣрѣ надѣла, выпасаетъ на общественномъ выгонѣ значительное число головъ скота [1]).

Гдѣ нѣтъ у крестьянъ скота, тамъ нѣтъ и удобренія. Кромѣ того, земля не можетъ быть ни обработываема надлежащимъ образомъ, ни удобряема, если у земледѣльца нѣтъ полной увѣренности въ томъ, что тяжелый трудъ его, положенный въ землю, будетъ использованъ имъ самимъ, а не его сосѣдомъ. Но такой увѣренности нѣтъ и не было у нашего крестьянина—общинника, которому постоянно грозила опасность, взамѣнъ своей унавоженной полосы, при передѣлѣ получить неудобренную и, можетъ быть, плохо обработанную полосу нерадиваго или неимущаго сосѣда. Вотъ почему земскіе изслѣдователи, всѣ безъ исключенія, свидѣтельствуютъ о крайней истощенности крестьянскихъ полей: извѣстно, что средній урожай на крестьянскихъ земляхъ гораздо ниже, чѣмъ на частновладѣльческихъ, хотя и наши частновладѣльческія хозяйства въ этомъ отношеніи отнюдь не могутъ быть признаны стоящими на должной высотѣ. При опросѣ земскими статистиками крестьянъ объ условіяхъ, препятствующихъ удобренію полей, нерѣдко получался отвѣтъ, что однимъ изъ таковыхъ являются передѣлы и переверстки земли, связанные съ общиннымъ землевладѣніемъ. Во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда стремленіе къ передѣлу охватило государственныхъ крестьянъ, а ожиданія ревизіи были особенно напряженными, во многихъ уѣздахъ черноземной полосы можно было встрѣтить общины, зажиточные члены которыхъ перестали унавоживать свои участки; гдѣ такое ожиданіе ревизіи длилось годами, тамъ оно замѣтно отразилось на удобреніи полей.

Опасенія радивыхъ домохозяевъ, что произведенныя ими затраты съ цѣлью поднять производительность земли, могутъ пропасть для нихъ даромъ, вовсе не были лишены основанія. Во многихъ, напр., мѣстностяхъ Вяземскаго уѣзда „бѣдняки“ требуютъ передѣла, желая получить удобренныя полосы „богатыхъ односельцевъ“. Въ нѣкоторыхъ общинахъ помѣщичьихъ крестьямъ Тамбовскаго уѣзда хозяева,

[1]) Опредѣляя податной окладъ каждаго отдѣльнаго домохозяина по числу имѣющихся въ его распоряженіи паевъ надѣльной земли, сельскія общества вполнѣ послѣдовательно не допускаютъ льготнаго обложенія домохозяевъ захудалыхъ или временно нуждающихся. Таково общее правило, почти не знающее исключеній. Въ Тимскомъ, напр., уѣздѣ, общества освобождаютъ иногда отъ платежа податей крестьянъ, которыхъ постигло случайное бѣдствіе, но возлагаютъ на нихъ обязанность содержать подводу для сельскихъ должностныхъ лицъ, держать въѣзжую избу и т. п. Въ случаѣ непосильности для домохозяина платежей, причитающихся по общей раскладкѣ, уменьшается его земельный участокъ, а при накопленіи недоимокъ слѣдуетъ отобраніе всего надѣла. См. мое изслѣдованіе: „Недоимочность и круговая порука“, стр. 170—171.

плохо обработывающіе землю, требуютъ жеребьевки съ цѣлью обмѣнять свои запущенныя полосы на лучшія. Жеребьевка въ дер. Красновской, Козловскаго уѣзда, была сдѣлана потому, что „невозможные люди взбунтовали изъ за навозной земли". Въ общинѣ собственниковъ дер. Соловьевки, Бѣлгородскаго уѣзда, жеребьевка повторяется по требованію „бѣдныхъ" хозяевъ каждыя 5—6 лѣтъ и имѣетъ цѣлью передачу несостоятельнымъ крестьянамъ удобренныхъ полосъ „зажиточныхъ" домохозяевъ. Въ южной степной полосѣ, частью и въ восточной, благодаря періодическимъ жеребьевкамъ, „бѣдные" хозяева получаютъ разработанную „богачами" мягкую землю; „состоятельные" хозяева, случается, остаются недовольными такою жеребьевкою и высказываются противъ нея [1]).

Вся вообще сельскохозяйственная дѣятельность отдѣльныхъ домохозяевъ въ общинѣ поставлена въ условія, крайне затрудняющія или даже вовсе устраняющія возможность поступательнаго движенія впередъ. При общинной формѣ владѣнія землею, для всѣхъ безъ исключенія домохозяевъ, существуютъ общіе, однообразные сроки полевыхъ работъ и пріемы культуры. Переходы отъ обычныхъ формъ трехполья къ болѣе совершеннымъ системамъ земледѣлія можетъ совершиться лишь съ согласія схода, большинство членовъ котораго всегда относится враждебно ко всякаго рода новшествамъ, въ особенности со стороны своихъ же односельцевъ. При этихъ условіяхъ, замѣчаетъ глубокій знатокъ нашихъ сельскохозяйственныхъ условій А. С. Ермоловъ, всякое улучшеніе въ хозяйствѣ для отдѣльнаго крестьянина почти совершенно невозможно,—и всѣ отдѣльныя хозяйства поневолѣ пригоняются къ одному общему типу, при которомъ всякія стремленія къ усовершенствованію, къ движенію впередъ невольно парализуются. Но безъ смѣлаго почина и энергическихъ примѣровъ отдѣльныхъ личностей живое дѣло не можетъ ни идти впередъ, ни развиваться, масса всегда и всюду рутинна и скептически относится ко всякимъ неизвѣданнымъ улучшеніямъ. Вотъ отчего даже удачные примѣры улучшенныхъ формъ хозяйства у помѣщиковъ почти никогда не перенимаются ихъ сосѣдями крестьянами. Этотъ гнетъ косной, рутинной массы надъ стремленіемъ къ усовершенствованію со стороны отдѣльныхъ личностей, не только отнимаетъ у послѣднихъ всякую иниціативу, но нерѣдко ставитъ ихъ въ полнѣйшую невозможность предпринять что-либо новое, выдающееся изъ

[1]) В. В. Крестьянская община, стр. 404, 416. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, земскіе статистики, вообще склонные къ прикрасѣ явленій общинной жизни, сводятъ разсматриваемый вопросъ къ борьбѣ „богачей" и „бѣдняковъ", отождествляя первыхъ съ понятіемъ рачительнаго и трудолюбиваго домохозяина, а ко вторымъ относя всѣхъ тѣхъ, кто только ищетъ случая поживиться на чужой счетъ, попользоваться чужимъ трудомъ.

средняго уровня,—а при этихъ условіяхъ, очевидно, немыслимо какое бы то ни было движеніе впередъ [1]).

На огромномъ пространствѣ общиннаго землевладѣнія въ прежнее время, какъ и теперь, встрѣчаются, конечно, мѣстности, гдѣ прогрессивныя теченія, проложивъ себѣ дорогу въ крестьянскомъ хозяйствѣ, сдѣлались достояніемъ всѣхъ однообщественниковъ. Но такого рода мѣстности, составляя рѣдчайшее исключеніе, лишь подтверждаютъ силу указаннаго выше правила, что общинное владѣніе землею какъ вообще, такъ въ особенности при слабомъ распространеніи грамотности въ народѣ и полномъ отсутствіи сельскохозяйственныхъ знаній, обрекаетъ крестьянское хозяйство на косность и неподвижность. Всюду и всегда отдѣльныя болѣе даровитыя личности, своимъ починомъ и энергіею, прокладываютъ массѣ новые пути и увлекаютъ ее своимъ примѣромъ, а въ нашей крестьянской земельной общинѣ сама эта масса, въ лицѣ сельскаго схода, должна была явиться двигателемъ сельскохозяйственнаго прогресса. Вотъ почему картина крестьянскаго хозяйства восьмидесятыхъ годовъ, нарисованная земскими статистиками, представляется крайне безотрадною [2]).

Внѣшнія условія сельскохозяйственной дѣятельности крестьянскаго населенія въ пореформенную эпоху врядъ ли можно признать благопріятными. Культурная работа правительства по распространенію образованія до самаго послѣдняго времени шла поверху народа, служила почти исключительно удовлетворенію образовательныхъ потребностей среднихъ и высшихъ сословій. Просвѣщеніе народной массы, распространеніе первоначальной грамоты въ средѣ крестьянства лежало на обязанности церкви и главнѣйше земства, но далеко не всѣ земства отнеслись съ должною отзывчивостью и заботливостью къ выполненію этой высокой обязанности. Въ общемъ успѣхи народнаго

---

[1]) „Неурожай и народное бѣдствіе“, стр. 106, 107.

[2]) Описывая положеніе крестьянскаго хозяйства въ Самарской губерніи, извѣстный земскій изслѣдователь И. Красноперовъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Едва ли есть надобность говорить, что урожайность хлѣбовъ въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ отношенія земледѣльца къ землѣ, т. е. отъ умѣнья его вполнѣ утилизировать даровыя силы и вещества природы. Прежде всего возникаетъ вопросъ о способахъ обработки земли; въ этомъ отношеніи населеніе повсюду прибѣгаетъ къ первобытнымъ пріемамъ. Большинство населенія Самарской губерніи при обработкѣ земли пользуется тяжелымъ неудобнымъ сабаномъ, бывшимъ здѣсь въ ходу еще до 40-хъ годовъ текущаго столѣтія и ни на іоту не измѣнившимся въ своей первобытной конструкціи“. Въ конечномъ результатѣ „Самарская губернія, до сихъ поръ считавшаяся житницей Россіи, въ настоящее время не можетъ уже быть причисленной къ разряду хлѣбороднѣйшихъ губерній, такъ какъ производительность ея почвы до такой степени ослабѣла, что населеніе ея вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду ни само ни можетъ продовольствоваться цѣлый годъ своимъ хлѣбомъ, ни скотъ свой содержать въ исправности“. Сводн. сборн. статист. свѣд. по Самарской губ., вып. I, стр. 45 и 48.

образованія со времени освобожденія крестьянъ и до послѣднихъ дней представляются ничтожными; вопросъ объ общеобязательномъ народномъ образованіи былъ поставленъ на очередь лишь въ самое послѣднее время, когда съ высоты Престола раздался голосъ, призывающій общественныя силы на служеніе этому великому дѣлу. Между тѣмъ лишенный знанія первоначальной даже грамоты, не говоря уже о болѣе спеціальной сельскохозяйственной подготовкѣ, нашъ крестьянинъ-земледѣлецъ, при всемъ богатствѣ прирожденныхъ способностей, представлялъ собою хозяйственную единицу съ крайне ничтожнымъ запасомъ силъ и кругомъ потребностей, а чѣмъ болѣе усложнялась окружающая жизнь и чѣмъ запутаннѣе становились даже въ самой крестьянской средѣ имущественныя правоотношенія, тѣмъ труднѣе приходилось крестьянину при его безграмотствѣ, тѣмъ легче подпадалъ онъ подъ всякаго рода вредныя вліянія, тѣмъ невыгоднѣе складывалась для него вообще борьба за существованіе.

Въ этой борьбѣ крестьянинъ предоставленъ былъ исключительно самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ, и легко предвидѣть, какимъ былъ исходъ борьбы внутри общины, какъ и внѣ ея, для большинства рядовыхъ крестьянъ. Воспитанный въ суровой школѣ крѣпостнаго права, крестьянинъ утратилъ пониманіе правъ личности и частной собственности и сдѣлался неспособнымъ къ дарованному ему реформой 19 февраля 1861 г. широкому самоуправленію, при правильной постановкѣ котораго интересъ отдѣльной личности могъ бы гармонически сочетаться съ требованіями общественнаго блага. Переставъ быть рабомъ, крестьянинъ, съ выходомъ на волю, не сдѣлался, однако, гражданиномъ. Призванное къ новой жизни, крестьянство въ самомъ себѣ не находило, да и найти не могло достаточнаго запаса культурныхъ силъ, а притокъ этихъ силъ извнѣ, со стороны помѣстнаго сословія, былъ прегражденъ всѣмъ строемъ узаконеній 19 февраля 1861 года, воздвигнувшихъ китайскую стѣну между двумя коренными землевладѣльческими сословіями—дворянствомъ и крестьянствомъ.

Такая обособленность на первыхъ порахъ послѣ реформы 1861 г. являлась чѣмъ-то совершенно необходимымъ. Идеи и привычки крѣпостнаго права были слишкомъ живучи, и высшіе слои русскаго общества не могли не чуждаться народной массы, только-что вышедшей изъ вѣковаго рабства. Съ другой стороны, нѣкоторымъ изъ дѣятелей крестьянской реформы казалось желательнымъ, въ интересахъ самихъ же крестьянъ, устранить возможность чьего бы то ни было вмѣшательства во внутреннюю жизнь сельскихъ общинъ; они, эти дѣятели, искренне были убѣждены въ томъ, что стоитъ только отмѣнить крѣпостное право, чтобы крестьянинъ сумѣлъ воспользоваться благами широкаго самоуправленія, чтобы „міръ“ разумно и справедливо управлялъ хозяйственными общественными дѣлами, а

должностныя крестьянскія лица заботливо относились къ выполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Но когда пало крѣпостное право и наступилъ періодъ великихъ реформъ Царя-Освободителя, то ненормальность взаимныхъ отношеній помѣстнаго дворянства и крестьянъ, связанныхъ общностью сельскохозяйственныхъ интересовъ и бытовыхъ условій, но разъединенныхъ на почвѣ судебно-административныхъ учрежденій и гражданскаго права, — становилась все болѣе ощутительною. Отъ этой разъединенности страдали одинаково интересы обоихъ сословій. Умственная неразвитость большинства крестьянъ, отсутствіе грамотности и своеобразно сложившіяся условія общиннаго быта способствовали тому, что наиболѣе вредные элементы крестьянства, имѣя свободный доступъ къ участію въ сельскомъ сходѣ, стали направлять его дѣятельность сообразно своимъ видамъ и, захвативъ въ свои руки мірское хозяйство, сдѣлались вершителями имущественнаго достатка каждаго отдѣльнаго члена общины. По свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, относящимся ко второй половинѣ 80-хъ годовъ и вполнѣ подтверждающимъ наблюденія сенатора Мордвинова, крестьянское самоуправленіе къ тому времени пришло въ полный упадокъ. „Волостные и сельскіе сходы, которымъ обычай и законъ ввѣряютъ охрану интересовъ самоуправляющихся крестьянскихъ обществъ и контроль надъ выборными должностными лицами, обратились почти вездѣ въ послушныя орудія міроѣдовъ, кулаковъ и кабатчиковъ. Лучшіе элементы крестьянства утратили въ борьбѣ съ означенными выше лицами всякое вліяніе на крестьянскую среду. Міроѣды и кулаки, опираясь на многочисленную категорію обѣднѣвшихъ и задолжавшихъ имъ крестьянъ, которыхъ они держатъ въ тяжелой экономической зависимости, являются, хотя и не всегда открыто, дѣйствительными руководителями всѣхъ рѣшеній общественныхъ сходовъ, назначаютъ и смѣняютъ, по своему усмотрѣнію, выборныхъ должностныхъ лицъ, покрываютъ злоупотребленія послѣднихъ и, при ихъ содѣйствіи, устраиваютъ свои личныя дѣла, нерѣдко въ ущербъ интересамъ цѣлаго общества“.

„Самыя возмутительныя несправедливости, самыя явныя, даже преступныя нарушенія правъ бѣдныхъ и слабыхъ членовъ общества въ пользу богатыхъ и сильныхъ ихъ сочленовъ утверждаются сходомъ и безпрепятственно приводятся въ исполненіе благодаря потворству выборныхъ властей“ [1]). Дѣйствительно, растраты общественныхъ суммъ, превышеніе и бездѣйствіе власти, явныя насилія и произволъ, неисполненіе закона, лихоимство и другія преступленія и проступки по должности были обычнымъ явленіемъ въ средѣ, какъ

[1]) См. мое изслѣдованіе: „Недоимочность и круговая порука“, стр. 231.

волостныхъ старшинъ и старостъ, такъ равно и другихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія.

Эти темныя стороны крестьянскаго общественнаго быта не ускользнули отъ вниманія помѣстнаго дворянства, но оно лишено было возможности придти на помощь крестьянамъ, отстоять интересы слабѣйшихъ членовъ общины передъ натискомъ міроѣдовъ и направить все дѣло крестьянскаго управленія на путь справедливости и законности; помѣщики вынуждены были оставаться безучастными свидѣтелями совершавшихся передъ ихъ глазами безобразій. Мало того, за отсутствіемъ въ деревнѣ органовъ общаго управленія, помѣщикамъ самимъ, волею-неволею, приходилось обращаться за содѣйствіемъ по разнаго рода дѣламъ къ тому же волостному и сельскому управленію. При такихъ условіяхъ имъ оставалось на выборъ: или снизойти до того, чтобы ладить съ тѣми худшими элементами крестьянства, изъ среды которыхъ по преимуществу вербовался составъ сельскихъ властей, такъ какъ иначе жизнь въ деревнѣ была бы рѣшительно невозможной, или же предпочесть вовсе оставить деревню и переселиться въ городъ, — что многіе и сдѣлали. Въ первомъ случаѣ помѣстный дворянинъ утрачивалъ нравственное обаяніе въ глазахъ народа, во второмъ — онъ становился человѣкомъ, совершенно чуждымъ деревнѣ и ея интересамъ. Правда, главнѣйше изъ среды помѣстнаго дворянства набирались мировые посредники, непремѣнные члены и, наконецъ, земскіе начальники—органы, призванные служить крестьянскому дѣлу, однако принадлежность этихъ должностныхъ лицъ къ помѣстному сословію стушевывалась передъ правительственною ихъ ролью; это прежде всего чиновники, облеченные особыми полномочіями центральнаго правительства и дѣйствовавшіе лишь въ качествѣ ставленниковъ правительства, а не помѣстнаго дворянства.

Таковы результаты неестественнаго разъединенія двухъ сословій, живущихъ бокъ о бокъ, связанныхъ общностью сельскохозяйственныхъ интересовъ и работающихъ совмѣстно. Крестьяне, предоставленные собственнымъ силамъ, но лишенные свѣта и не подготовленные къ воспріятію благъ дарованнаго имъ самоуправленія, исподволь попали въ тяжелыя руки Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, наживавшихся безпрепятственно на счетъ „міра“; помѣщики, вынужденные опираться на тѣхъ же міроѣдовъ, утратили нравственное обаяніе въ глазахъ народа и не могли использовать свою культурную силу для устраненія темныхъ сторонъ крестьянскаго управленія и общиннаго быта.

Совокупностью указанныхъ выше условій опредѣляется низкій уровень крестьянскаго благосостоянія, отмѣченный сначала сенаторскими ревизіями, а засимъ, и земскими изслѣдованіями восьмидесятыхъ

годовъ. Но этими же изслѣдованіями обнаружено явленіе быстро развивающагося въ общинѣ имущественнаго неравенства среди ея членовъ, — явленіе, совершенно разрушающее обычное представленіе объ общинѣ, какъ о такомъ хозяйственномъ союзѣ, гдѣ нѣтъ почвы ни для возникновенія пролетаріата, ни для сколько-нибудь значительнаго имущественнаго наслоенія. При ближайшемъ ознакомленіи земскихъ статистиковъ съ внутреннею жизнью общины вдругъ оказалось, что не только распредѣленіе земли по отдѣльнымъ дворамъ, но и имущественная состоятельность послѣднихъ представляется крайне неодинаковою и что по мѣрѣ обогащенія меньшинства домохозяевъ увеличивается соотвѣтственно число безлошадныхъ, безскотныхъ и безхозяйственныхъ дворовъ, владѣльцы которыхъ или уходятъ на сторону, въ поискахъ за лучшей долей, или становятся батраками своихъ же разбогатѣвшихъ односельчанъ, къ которымъ, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, обыкновенно переходитъ и ихъ надѣльная земля.

Развитіе имущественнаго неравенства и пролетаріата въ пореформенной сельской общинѣ шло двоякимъ путемъ. Въ ней, какъ и во всякомъ другомъ хозяйственномъ организмѣ, неодинаковое распредѣленіе достатка между отдѣльными дворами обусловливалось прежде всего разнообразіемъ личныхъ качествъ, знаній и трудоспособности отдѣльныхъ членовъ общины. Въ борьбѣ за существованіе всегда и всюду преуспѣваютъ личности, болѣе даровитыя, болѣе предпріимчивыя, болѣе приспособленныя къ условіямъ внѣшней среды. И если экономическій и культурный ростъ Россіи со времени освобожденія представляется несомнѣннымъ, то столь же несомнѣнно нѣкоторое, хотя и слабое участіе въ этомъ ростѣ части крестьянства,— тѣхъ удачниковъ на жизненномъ пути, которые сумѣли выдвинуться надъ толпою рядовыхъ крестьянъ. Но коль скоро уровень зажиточности отдѣльныхъ членовъ общины поднимался благодаря пріобрѣтеніямъ извнѣ, то соотвѣтственно увеличивался достатокъ всей общины, совершался и приростъ благосостоянія всей вообще народной массы. Имущественное неравенство, обусловленное указанными выше причинами, въ общинѣ, какъ и во всемъ человѣчествѣ, представляется явленіемъ совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ.

Однако, въ общинѣ, призванной къ жизни положеніями 19 февраля 1861 г., развитіе имущественнаго неравенства шло еще другимъ путемъ,—путемъ обогащенія однихъ членовъ общины за счетъ другихъ, такъ что богатѣли одни по мѣрѣ того, какъ бѣднѣли другіе, а общій средній уровень матеріальнаго достатка въ общинѣ оставался безъ измѣненія или даже понижался.

Причины такого болѣзненнаго явленія, которое земскіе статистики упорно приписываютъ ухищреніямъ и происканъ „богатѣевъ“,

„кулаковъ“ и „міроѣдовъ“, коренятся несомнѣнно болѣе глубоко; возможность возникновенія подобнаго неравенства обусловливается всѣмъ складомъ пореформеннаго общиннаго быта; особенное же значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ податныя раскладки и предоставленіе сельскимъ сходамъ безконтрольнаго права примѣнять къ недоимщикамъ даже такія крайнія мѣры взысканія, какъ продажу движимаго имущества, въ томъ числѣ скота, и отобраніе надѣла.

Несмотря на крайнее разнообразіе хозяйственныхъ условій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, община повсемѣстно раскладываетъ казенные, земскіе и большую часть мірскихъ платежей въ строгомъ соотвѣтствіи съ количествомъ земельныхъ паевъ (душевыхъ надѣловъ), находящихся въ распоряженіи каждаго отдѣльнаго домохозяина. Такого рода раскладка основана, вѣроятно, на томъ соображеніи, что всякіе другіе ея способы (по работникамъ, по наличнымъ душамъ и по скоту) покоятся на основаніяхъ менѣе устойчивыхъ, дающихъ большій просторъ произволу и благоусмотрѣнію въ опредѣленіи суммы оклада, нежели количество имѣющейся у плательщика земли. Дѣйствительно, заработокъ крестьянина очень различенъ и непостояненъ; поэтому работники подлежали бы каждый особому обложенію; наличныя души, если земля раздѣлена по нимъ, иногда составляютъ силу семьи, а иногда тягость, когда въ числѣ ихъ много малолѣтнихъ и престарѣлыхъ; скотъ, при частыхъ колебаніяхъ цѣнъ и количества, а также въ виду зависимости цѣнности скота отъ его качествъ, служитъ столь же мало надежнымъ признакомъ для установленія равномѣрнаго оклада. Наконецъ, общая совокупность доходовъ двора, какъ основаніе для раскладки сборовъ, болѣе, чѣмъ всякое другое основаніе, способно было бы породить злоупотребленія сельскихъ сходовъ, которые могли бы, при случаѣ, сложить всю тяжесть платежей на немногіе состоятельные дворы. Пріурочивъ податныя раскладки къ размѣру земельнаго владѣнія домохозяйства, община нашла для плательщиковъ ту гарантію, которая, къ сожалѣнію, совершенно отсутствовала въ законѣ.

Но если разверстка сборовъ, строго соотвѣтствующая количеству душевыхъ надѣловъ, съ формальной стороны представляется вполнѣ справедливою, то по существу она страдаетъ крайнею неуравнительностью. Сколь ни велико хозяйственное значеніе надѣльной земли,—ею одной не опредѣляется, однако, платежеспособность двора. Раскладка подати по землѣ, благопріятствуя интересамъ многосемейныхъ дворовъ, обрушивается особенно тяжело на дворы малосемейные, съ слабымъ составомъ рабочихъ рукъ. Многолюдный дворъ можетъ снять больше земли на сторонѣ и у сосѣда, легче и дешевле изготовитъ кустарное издѣліе; онъ съ удобствомъ отпуститъ одного или двухъ рабочихъ на заработки, имѣющіе столь существенное зна-

ченіе въ современномъ крестьянскомъ бюджетѣ. Легко понять, какой элементъ неравенства должна была внести въ отдѣльныя крестьянскія хозяйства большая способность къ работѣ на сторонѣ, происходящая вслѣдствіе семьянистости двора и не учитываемая при разверсткѣ податей.

Далѣе разверстка платежей по землѣ неуравнительна въ томъ еще отношеніи, что подать въ одинаковой степени ложится на надѣлъ и бѣдняка, вовсе не участвующаго въ пользованіи общественнымъ выгономъ за неимѣніемъ скота, и богатаго домохозяина, выпасающаго нерѣдко десятки головъ скота.

Вообще хозяйство, располагающее и большимъ числомъ рабочихъ рукъ, и большимъ количествомъ скота, при одинаковомъ числѣ надѣловъ съ малосемейнымъ бѣднякомъ, имѣетъ больше способовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, пользоваться общественнымъ достояніемъ, а между тѣмъ размѣръ податной тяготы въ обоихъ случаяхъ одинаковъ.

Предоставленное сельскому сходу право примѣнять къ недоимщикамъ тѣ или другія мѣры взысканія послужило новымъ поводомъ къ возникновенію имущественнаго неравенства въ общинѣ, такъ какъ домохозяева, пользующіеся вліяніемъ на сходѣ, могли использовать это право для своихъ корыстныхъ цѣлей и на законномъ основаніи лишать недоимщиковъ ихъ добытка и земли. Изъ числа установленныхъ закономъ мѣръ взысканія, почти исключительно примѣняются двѣ „крайнія“ мѣры—продажа движимаго имущества и отобраніе надѣла.

При безучастномъ отношеніи большинства крестьянъ, въ особенности же лучшихъ домохозяевъ, къ общественнымъ дѣламъ вообще, а къ дѣлу взысканія въ частности, право сельскаго схода прибѣгать къ продажѣ имущества на пополненіе недоимокъ явилось въ рукахъ болѣе зажиточныхъ членовъ общества, а нерѣдко въ рукахъ болѣе вредныхъ его элементовъ, удобнымъ средствомъ безнаказанно угнетать слабосильныхъ однообщественниковъ, доводя послѣднихъ до полнаго раззоренія. Такъ какъ описывается и продается обыкновенно скотъ, при отсутствіи котораго веденіе хозяйства оказывается невозможнымъ, то недоимщики не останавливаются передъ принятіемъ на себя самыхъ тяжелыхъ обязательствъ, лишь бы избѣгнуть этой мѣры взысканія. На такой почвѣ выросла практика займовъ со стороны бѣднѣйшихъ членовъ общества у своихъ же болѣе зажиточныхъ односельчанъ; займы эти производятся для срочной уплаты податей и недоимокъ на крайне обременительныхъ условіяхъ, обыкновенно при посредствѣ сельскаго и волостнаго начальства. Размѣръ процента по займамъ зависитъ въ большинствѣ случаевъ отъ имущественной состоятельности и степени нужды въ кредитѣ, такъ какъ сельскіе капиталисты, живя тутъ же въ деревнѣ, отлично знаютъ средства каж-

даго домохозяина, степень его нужды, даже время ея, къ чему заранѣе готовятся и чѣмъ пользуются. Высокій процентъ (до 84%) обусловливается, между прочимъ, короткимъ срокомъ такихъ сдѣлокъ. Кромѣ высокаго процента за ссуды, деревенскій ростовщикъ старается обезпечить сдѣлку закладомъ, причемъ берутся всѣ предметы крестьянскаго обихода—пенька, масло, сѣмя конопляное, холстъ, платье, обувь и т. п. Ссуды даются иногда подъ будущій урожай. По свѣдѣніямъ, собраннымъ самарскимъ земствомъ, преобладающій элементъ деревенскихъ ростовщиковъ составляютъ сами же крестьяне, изъ зажиточныхъ домохозяевъ.

Обезсиленные продажею имущества, маломочные домохозяева, частью не имѣя возможности вести самостоятельное хозяйство за недостаткомъ скота, частью опасаясь принудительнаго отобранія надѣла, сами сдаютъ свою надѣльную землю обыкновенно своимъ же болѣе зажиточнымъ однообщественникамъ. Арендныя цѣны на надѣльныя земли, сдаваемыя маломочными домохозяевами, конечно, ниже тѣхъ среднихъ цѣнъ, по которымъ можно было бы снять землю, одинаковую по качеству и по обработкѣ, у другихъ владѣльцевъ, потому что надѣльныя земли сдаются „по нуждѣ“. Обычное время съемки — зима и весна, когда гонятъ подати; кромѣ того, цѣнность надѣльныхъ земель немало понижается вслѣдствіе ихъ разбросанности. Случается, что крестьяне, сдавшіе свой надѣлъ въ аренду, затѣмъ заарендовываютъ землю у сосѣдняго помѣщика за плату вдвое и втрое болѣе высокую противъ той, которую они сами получили за свои земли [1]).

Случаи отобранія надѣловъ за недоимку по приговорамъ сельскихъ сходовъ, а иногда просто по усмотрѣнію сельскихъ властей, также встрѣчаются нерѣдко; стремленіе сходовъ къ примѣненію этой мѣры особенно усилилось послѣ отмѣны подушной подати и пониженія выкупныхъ платежей. Отобранные надѣлы передаются обыкновенно болѣе состоятельнымъ членамъ общества, въ батраки къ которымъ, случается, поступаютъ и сами владѣльцы отобранныхъ надѣловъ. Когда въ началѣ 90-хъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ запросило губернаторовъ относительно практики земельныхъ передѣловъ въ сельскихъ обществахъ, то въ доставленныхъ губернаторами отзывахъ встрѣчаются многочисленныя указанія, подтверждающія фактъ частаго отобранія надѣловъ у отдѣльныхъ, преимущественно бѣднѣйшихъ, членовъ общины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при желаніи обезземелить домохозяина, у него отбирался не весь надѣлъ, а только часть его, однако, часть столь значительная, что оставшейся земли оказывалось уже недостаточно для веденія самостоятельнаго хозяйства.

---

[1]) „Недоимочность и круговая порука“, стр. 403 и слѣд.

Только при наличности указанныхъ явленій становится понятнымъ фактъ, уже отмѣченный земскими статистиками, что и въ теченіе голодныхъ 1891 и 1892 годовъ зажиточные члены общины сумѣли увеличить имѣвшееся у нихъ количество рабочаго скота, пріобрѣтеннаго ими за безцѣнокъ у своихъ же бѣднѣйшихъ односельчанъ [1]). Достойно вниманія, что эти состоятельные члены общины пользовались въ тѣ годы ссудами на продовольствіе и обсѣмененіе полей наравнѣ со всѣми остальными однообщественниками, такъ какъ ссуды эти выданы были за круговой порукой всего сельскаго общества и, слѣдовательно, подлежали развсрсткѣ между всѣми домохозяевами.

Такимъ образомъ, народное бѣдствіе, истощившее платежныя силы огромнаго хлѣбороднаго раіона Россіи, способствовало новымъ успѣхамъ имущественнаго неравенства внутри общины. Располагая уже нѣкоторыми сбереженіями и получивъ къ тому же ссуды, въ которыхъ не было дѣйствительной надобности, болѣе состоятельные члены общины дѣлали прекрасныя дѣла въ голодные годы; при общемъ пониженіи уровня народнаго благосостоянія, они пріумножились въ достаткѣ за счетъ своихъ же обѣднѣвшихъ сосѣдей.

Хозяйственная безпомощность сельскаго населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній, столь ярко сказавшаяся въ годину народнаго бѣдствія, не могла не обратить на себя особеннаго вниманія правительства. Въ правительственныхъ сферахъ, равно какъ и въ земствѣ явилось убѣжденіе, что главная причина хозяйственнаго оскудѣнія народной массы заключается въ неупорядоченности общиннаго землевладѣнія. Выраженіемъ такого взгляда явилось постановленіе симбирскаго губернскаго земскаго собранія, поступившее въ іюнѣ 1892 г. въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Останавливаясь на вопросахъ крестьянскаго землевладѣнія въ связи съ вопросомъ продовольственнымъ, симбирское земство указываетъ на выясненную неурожаемъ 1891 г. ненормальность настоящаго положенія сельскаго населенія, при которомъ большая часть крестьянъ—эта главная платежная сила государства—оказывается настолько необезпеченной, что при

---

[1]) Іоновъ, В. А. Характеристическія явленія въ области частновладѣльческаго и крестьянскаго хозяйства Саратовской губерніи. Докладъ, читанный въ засѣданіи статистической коммисіи при III отдѣленіи Императорскаго вольнаго экономическаго общества 11 марта 1898 г. „При общемъ взглядѣ на положеніе скотоводства общины между прочимъ, замѣчаетъ г. Іоновъ, еще разъ констатируется фактъ общаго обѣднѣнія скотомъ главной массы крестьянъ,—фактъ, котораго ничѣмъ не скроешь и не подкрасишь. Въ особенности же поражаетъ быстрый ростъ въ общинѣ маломочныхъ семей: за десять лѣтъ (1884—1894) количество безлошадниковъ увеличилось на 33%, однолошадниковъ на 42 %. Обѣднѣніе массы общинниковъ выражается и въ другихъ признакахъ: увеличеніе числа бездомовыхъ, безкоровныхъ, задолженности и пр.“.

первомъ же неурожаѣ требуетъ прокормленія на казенный счетъ. Земство полагаетъ, что неправильное пользованіе надѣльною землею, имѣвшее послѣдствіемъ бѣдственное положеніе крестьянскаго населенія, должно и въ будущемъ представить серьезное затрудненіе къ улучшенію экономическаго положенія страны. Современное крестьянское землевладѣніе основано на правѣ общества свободно распоряжаться надѣльною землею. Отсюда вытекаетъ въ жизни крестьянъ цѣлый рядъ явленій, совершенно лишающихъ даже хорошихъ домохозяевъ возможности вести сколько-нибудь правильное домохозяйство. Въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, въ коихъ не составлено приговоровъ о неизмѣнномъ владѣніи землею въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ и гдѣ каждогодно производится скидка и накидка душъ, ни одинъ домохозяинъ не знаетъ, сколько у него будетъ земли на будущій годъ, а главное—гдѣ онъ будетъ имѣть эту землю. Это отнимаетъ и у хорошихъ крестьянъ всякое желаніе удобрять надѣльную землю, потому что большинство, обыкновенно состоящее изъ деревенской голи, стремится, путемъ передѣла, обратить въ общую разверстку унавоженныя полосы и, такимъ образомъ, воспользоваться трудомъ радивыхъ домохозяевъ. Кромѣ того, свобода крестьянскаго общества въ распоряженіи землею влечетъ за собою существованіе столь мелкихъ участковъ, что на нихъ невозможно вести хозяйство. Такіе участки, удерживая хозяина въ положеніи бобыля, представляютъ собою образцы первобытной небрежности въ обработкѣ земли. Къ тому же результату, т. е. къ отсутствію надлежащей заботы о хорошей обработкѣ земли, приводитъ и свобода отдѣльныхъ домохозяевъ въ эксплоатаціи земли. Не говоря уже о томъ, что крестьяне такъ дурно обрабатываютъ свою землю, что она не даетъ тѣхъ урожаевъ, какіе даетъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, что надѣльныя поля сплошь и рядомъ изрыты оврагами, противъ распространенія которыхъ не принимается никакихъ мѣръ—есть крестьяне, которые совершенно не обрабатываютъ значительную часть надѣльной земли. Такъ, напр., въ деревнѣ Мочалей, Буинскаго уѣзда, оказалось, что четвертая часть всего поля, состоящаго изъ хорошей земли, нѣсколько лѣтъ лежитъ необработанной. И это—не единичный случай. Опытъ показываетъ что существующіе земельные порядки не только служатъ тормозомъ къ улучшенію обработки земли и къ возвышенію ея производительности, но, пріучая крестьянина къ небрежному отношенію къ землѣ, не могутъ служить хорошей почвой для развитія въ немъ домовитости, любви къ сбереженіямъ на черный день. Событія голоднаго года—полагаетъ симбирское земство—выдвинули на первый планъ вопросъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ, а слѣдовательно, и объ отношеніи ихъ къ землѣ, составляющей главный факторъ въ крестьянской жизни.

Обращаясь къ разрѣшенію этого вопроса, земское собраніе пришло къ заключенію, что хотя общинное землевладѣніе, какъ средство, предохраняющее отъ развитія безземельнаго пролетаріата, имѣетъ многое за себя и въ настоящее время, но права крестьянина въ распоряженіи землею должны быть поставлены въ извѣстныя рамки. Въ этихъ видахъ земское собраніе проектировало рядъ мѣропріятій, сводившихся къ раздѣленію всей земли каждаго общества на двѣ части, изъ которыхъ одна должна быть распредѣлена разъ навсегда между домохозяевами, причемъ участки отдѣльныхъ домохозяевъ должны быть признаны неотчуждаемыми и не подлежащими отобранію отъ нихъ, за исключеніемъ случая податной неисправности, а другая, служа какъ бы постояннымъ земельнымъ запасомъ (на случай увеличенія семей), подлежала бы передѣлу—однако, лишь въ опредѣленные закономъ сроки не менѣе десяти лѣтъ...

Правительство, въ свою очередь, вполнѣ сознавало необходимость упорядоченія крестьянскаго общиннаго землевладѣнія, но разсчитывало достигнуть этой цѣли путемъ не общаго пересмотра узаконеній, которыми опредѣляются права сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ домохозяевъ на надѣльную землю, а частныхъ исправленій тѣхъ важнѣйшихъ сторонъ общиннаго землепользованія, неупорядоченность которыхъ обрисовывалась наиболѣе ярко. На первый планъ выдвинуты были вопросы о земельныхъ передѣлахъ и о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

Еще въ 1884 году министерство внутреннихъ дѣлъ запросило чрезъ губернаторовъ подробныя данныя о существующей въ разныхъ мѣстностяхъ практикѣ земельныхъ передѣловъ и объ отношеніи къ нимъ какъ самого населенія, такъ и крестьянскихъ учрежденій. Доставленные губернаторами отзывы и данныя, хотя и не отличались достаточною полнотою, указали, однако, на крайне неудовлетворительную дѣятельность сельскихъ сходовъ по распоряженію мірскою землею. Въ отзывахъ губернаторовъ настойчиво проводилась мысль, что главнѣйшіе недостатки земельныхъ передѣловъ заключались въ отсутствіи твердыхъ правилъ относительно сроковъ и порядка передѣловъ и въ неопредѣленности правъ отдѣльныхъ домохозяевъ на надѣлы, доставшіеся имъ при передѣлѣ, послѣдствіемъ которой являлась возможность отобранія надѣла въ промежутки между общими передѣлами или, по меньшей мѣрѣ, сокращенія его по усмотрѣнію схода. Оба эти недостатка существовавшихъ порядковъ общиннаго землевладѣнія въ значительной степени усугублялись, по мнѣнію губернаторовъ, господствовавшимъ во многихъ обществахъ произволомъ большинства на сельскихъ сходахъ, вызываемымъ случайностью ихъ состава и разными сторонними вліяніями.

Признавая такое положеніе дѣлъ несоотвѣтствующимъ интере-

самъ народнаго благосостоянія, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ ноябрѣ 1892 года, внесло въ государственный совѣтъ проектъ правилъ о земельныхъ передѣлахъ. Правила эти легли въ основу закона 8 іюня 1893 года, распространеннаго лишь на мѣстности, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ; главнѣйшія постановленія этого узаконенія заключаются въ слѣдующемъ. Дѣйствію его подлежатъ всѣ земли пахотныя, а равно угодья, которыя передѣляются на одинаковыхъ основаніяхъ съ пахотными землями. Въ приговорахъ объ условіяхъ передѣла должны быть означены: срокъ, на который совершается передѣлъ; по какому разсчету распредѣляется земля между домохозяевами и сколько, по этому разсчету, приходится на каждаго изъ нихъ душевыхъ или иныхъ надѣльныхъ участковъ. Срокъ передѣла—не менѣе 12 лѣтъ; сокращеніе этого срока, въ исключительныхъ случаяхъ, допускается лишь съ особаго разрѣшенія губернскаго присутствія. Приговоръ объ условіяхъ передѣла постановляется по большинству $^2/_3$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, и вступаетъ въ силу по провѣркѣ его на мѣстѣ земскимъ начальникомъ и по утвержденіи уѣзднымъ съѣздомъ. При всякомъ передѣлѣ крестьянамъ, улучшившимъ качества своего надѣла посредствомъ удобренія земли, осушенія ея, устройства орошенія или инымъ способомъ, а равно правопреемникамъ этихъ крестьянъ надѣлъ предоставляется, по возможности, въ прежнемъ мѣстѣ; въ противномъ случаѣ означеннымъ лицамъ или отводится надѣлъ равнаго качества съ прежнимъи, ли, въ случаѣ отвода земли худшаго качества, назначается вознагражденіе. Со времени приведенія въ дѣйствіе приговора объ условіяхъ передѣла до утвержденія новаго такого приговора, участки отдѣльныхъ домохозяевъ не могутъ быть отбираемы обществомъ ни въ полномъ составѣ, ни по частямъ, за исключеніемъ случаевъ: смерти домохозяина, увольненія его изъ общества, высылки по суду или общественному приговору или безвѣстной его отлучки и оставленія хозяйства безъ попеченія, если притомъ послѣ умершаго или выбывшаго лица не осталось въ обществѣ членовъ семейства, за которыми участокъ можетъ быть оставленъ. Приговоры объ отобраніи надѣла въ указанныхъ случаяхъ, о передачѣ таковаго другимъ домохозяевамъ или объ обращеніи его въ общественное пользованіе постановляются по большинству $^2/_3$ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, объявляются заинтересованнымъ лицамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляются земскому начальнику, которому въ тридцатидневный срокъ могутъ быть приносимы жалобы. Всѣ такого рода приговоры земскій начальникъ провѣряетъ на мѣстѣ, разсматриваетъ принесенныя жалобы и затѣмъ, или разрѣшаетъ обществу привести приговоръ въ исполненіе, или входитъ съ представленіемъ объ его отмѣнѣ на общемъ основаніи. Тѣ же правила объ отобраніи надѣловъ обязательны для сельскаго общества

относительно отдѣльныхъ участковъ, отведенныхъ въ пользованіе домохозяевъ по послѣдней разверсткѣ, впредь до утвержденія перваго приговора о передѣлѣ общинной земли, постановленнаго на основаніи закона 8 іюня 1893 года.

Ограничивая самостоятельность сельскихъ обществъ въ дѣлѣ земельныхъ разверстокъ и обезпечивая отдѣльнымъ домохозяевамъ болѣе спокойное пользованіе ихъ участками, новыя правила о земельныхъ передѣлахъ представляютъ собою ничто иное, какъ возвратъ къ началамъ дореформеннаго законодательства, которое, у государственныхъ, какъ и у удѣльныхъ крестьянъ, къ передѣламъ относилось отрицательно и ставило ихъ подъ ближайшій контроль органовъ правительственной власти. Составители крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 года, съ своей стороны, усматривали въ земельныхъ передѣлахъ несомнѣнное зло, искорененіе котораго представлялось имъ во всѣхъ отношеніяхъ желательнымъ и необходимымъ. Не рѣшаясь, однако, стѣснять свободу сельскихъ обществъ въ ихъ хозяйственномъ распорядкѣ, они разрѣшили производство передѣловъ, но лишь съ согласія большинства двухъ третей домохозяевъ. Недостаточность этого ограниченія и вредъ земельныхъ передѣловъ съ точки зрѣнія сельскохозяйственныхъ условій были отмѣчены какъ мы видѣли, уже коммисіею статсъ-секретаря Валуева и ею же, съ особенною настойчивостью, указана необходимость изданія въ законодательномъ порядкѣ правилъ, ограничивающихъ передѣлы.

Указанія валуевской коммисіи, къ сожалѣнію, прошли безслѣдно. Законъ 8 іюня 1893 года явился слишкомъ поздно; ущербъ, нанесенный интересамъ сельскохозяйственной промышленности и народнаго благосостоянія безпорядочными передѣлами прежняго времени, остался невозмѣщеннымъ... Кромѣ того, новый законъ о земельныхъ передѣлахъ страдаетъ нѣкоторыми существенными недостатками. Особенное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что воспрещеніе прежде производившихся передѣловъ не привело, однакоже, къ замѣнѣ ихъ, а равно частныхъ скидокъ и накидокъ новыми приговорами, дающими каждому селенію установленное неизмѣнно, на 12 и болѣе лѣтъ, землепользованіе, а лишь закрѣпило на неопредѣленное время, безъ всякаго приговора, временное распредѣленіе общинной земли, случайно существовавшее въ моментъ изданія закона 8 іюня 1893 года. При этомъ землепользованіе каждаго отдѣльнаго домохозяина является очень мало устойчивымъ, такъ какъ общій передѣлъ можетъ послѣдовать во всякую минуту, какъ только образуется на сходѣ требуемое большинство голосовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ общинное землевладѣніе, вмѣсто упорядоченія его, въ большинствѣ обществъ является въ настоящее время менѣе, чѣмъ когда-нибудь, опредѣленнымъ, а глухая борьба сторонниковъ и противниковъ передѣла продолжается и ищетъ исхода.

Въ томъ же 1893 году, 14 декабря, послѣдовало изданіе закона о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Сущность этого закона, имѣвшаго цѣлью, наравнѣ съ правилами о земельныхъ передѣлахъ, способствовать упорядоченію общиннаго землевладѣнія, заключается главнѣйше въ томъ, что участки крестьянской надѣльной земли могутъ быть отчуждаемы впредь только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ, а отдѣльные домохозяева лишаются права на досрочный выкупъ находящейся въ ихъ пользованіи надѣльной земли посредствомъ взноса въ казначейство капитализированной суммы выкупнаго платежа [1]).

Отнынѣ выкупъ такой допускается лишь съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода, который въ этомъ отношеніи не связанъ какими бы то ни было ограниченіями.

Для надлежащей оцѣнки закона 14 декабря 1893 года необходимо, прежде всего, принять во вниманіе, что ни въ общемъ положеніи о крестьянахъ, ни въ другихъ узаконеніяхъ 19 февраля 1861 года не установлено ограниченій относительно распоряженія крестьянъ надѣльными участками, пріобрѣтенными въ личную собственность и необремененными выкупнымъ долгомъ [2]). Что касается надѣльныхъ участковъ, обремененныхъ долгомъ по выкупной ссудѣ, то продажа таковыхъ предусмотрѣна статьею 169 положенія о выкупѣ. Статья эта, относящаяся до подворнаго владѣнія, разрѣшаетъ продажу постороннимъ лицамъ участковъ, пріобрѣтенныхъ отдѣльными крестьянами въ личную собственность, подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы пріобрѣтатель участка уплатилъ весь числящійся на участкѣ выкупной долгъ. Такое же право продажи участка пріобрѣтаетъ и каждый отдѣльный крестьянинъ-общинникъ, который, пользуясь ст. 165 положенія о выкупѣ, выдѣлится изъ общиннаго владѣнія посредствомъ досрочной уплаты причитающагося на его участокъ выкупнаго долга. Въ частности, относительно государственныхъ крестьянъ въ законѣ постановлено, что хозяева подворныхъ участковъ могутъ отчуждать земли своего надѣла не только односельцамъ, но и посто-

---

[1]) Ст. 165 пол. о вык.

[2]) Ст. 37 общаго положенія опредѣляетъ, что пріобрѣтенными въ собственность землями крестьянскаго надѣла и выкупленными усадьбами крестьяне пользуются и распоряжаются, какъ своимъ достояніемъ, согласно съ правилами, изложенными въ ст. 33—36. По силѣ же ст. 33, каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на этотъ предметъ для сельскихъ обывателей.

роннимъ лицамъ, причемъ на новаго пріобрѣтателя переходятъ причитающіеся съ участка выкупные платежи [1]).

Въ полный разрѣзъ съ приведенными узаконеніями, законъ 14 декабря 1893 года лишаетъ крестьянъ права свободнаго распоряженія ихъ надѣльными участками и, такимъ образомъ, разрушаетъ въ корнѣ установленное самимъ закономъ понятіе крестьянъ-собственниковъ. Обстоятельство это само по себѣ не могло бы имѣть особеннаго значенія, если бы столь рѣшительный поворотъ въ движеніи законодательства обусловливался и оправдывался наличностью данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что усвоенныя реформою 19 февраля 1861 г. начала оказались несоотвѣтствующими общему ходу гражданской и хозяйственной жизни крестьянъ въ пореформенное время и что отчужденіе надѣльной земли крестьянъ въ „постороннія руки“ приняло размѣры, угрожающіе цѣлости „крестьянскаго“ земельнаго фонда. Но такого рода данныхъ не было. Въ теченіе первыхъ 28 лѣтъ со времени реформы, поступило въ распоряженіе крестьянъ надѣльной земли 96,4 милл. десятинъ, а дѣйствительная убыль этого фонда опредѣлилась въ 122,517 десятинъ, отчужденныхъ въ постороннія руки добровольно или по приговорамъ судебныхъ мѣстъ; но убыль эта, составляющая 0,12% всего крестьянскаго надѣла, представляется ничтожною даже и въ томъ случаѣ, если бы она не возмѣщалась, и притомъ съ очень крупнымъ избыткомъ, земельными пріобрѣтеніями крестьянъ на собственныя средства и при содѣйствіи крестьянскаго банка.

Другая цѣль закона 14 декабря 1893 года—затруднить отдѣльнымъ домохозяевамъ выходъ изъ общины и изъ круговой поруки, поставивъ досрочные взносы въ зависимость отъ усмотрѣнія сельскихъ сходовъ, равнымъ образомъ не имѣла достаточныхъ для себя оправданій съ точки зрѣнія духа дѣйствовавшихъ узаконеній и фактическихъ данныхъ.

Признавая, что распоряженіе землею, принадлежащею въ собственность мірскому обществу, должно быть предоставлено усмотрѣнію общества, которое можетъ оставить землю въ общемъ владѣніи или раздѣлить ее, въ случаѣ надобности, между домохозяевами, назначивъ каждому изъ нихъ участокъ въ частную собственность, редакціонныя коммисіи были далеки отъ мысли налагать на членовъ общества непремѣнную обязанность оставаться въ общемъ владѣніи, пока само общество не пожелаетъ произвести общаго раздѣла своихъ земель. Каждый членъ сельскаго общества, согласно предположеніямъ редакціонныхъ коммисій, можетъ требовать, чтобы изъ состава пріобрѣ-

[1]) Пунктъ 5 ст. 15 Полож. гос. кр., в. прим. къ ст. 3 того же пол., по прод. 1890 г.

тенной въ общественную собственность земли былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи этой земли. Если такой выдѣлъ окажется невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, по взаимному соглашенію ихъ или по оцѣнкѣ.

Въ этомъ смыслѣ была редактирована ст. 36 общаго положенія о крестьянахъ. Но правомъ выдѣла члены общества могутъ пользоваться лишь въ томъ случаѣ, когда общество освободилось отъ лежащаго на немъ выкупнаго долга. До этого времени, т. е. до уплаты обществомъ выкупной ссуды, выдѣлъ земли отдѣльнымъ членамъ общества допускается лишь съ соблюденіемъ правила, изложеннаго въ ст. 165 положенія о выкупѣ. Такимъ образомъ, статья эта представляетъ собою какъ бы временное исключеніе изъ правила, изложеннаго въ ст. 36 общаго положенія.

Широко ли воспользовались отдѣльные крестьяне правомъ досрочнаго выкупа своихъ надѣльныхъ участковъ по ст. 165 пол. о вык.? Подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершался такой выкупъ и какія послѣдствія имѣлъ онъ для общиннаго землевладѣнія? Всѣ эти вопросы разрѣшаются при посредствѣ точныхъ данныхъ, въ свое время собранныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Изъ числа 96,4 милл. десят. надѣльной земли, поступившей къ крестьянамъ за первыя 28 лѣтъ послѣ освобожденія, выкуплено досрочными взносами немного болѣе $^1/_2$ %, причемъ выкупъ такой совершался по преимуществу въ губерніяхъ нечерноземныхъ и промышленныхъ, гдѣ главное обезпеченіе крестьянъ составляютъ отхожіе промыслы и заработки, а не надѣльный земельный фондъ. Достойно вниманія, что болѣе $^2/_3$ надѣловъ, выкупленныхъ посредствомъ досрочнаго погашенія лежавшаго на нихъ капитальнаго выкупнаго долга, сохранились въ рукахъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, которые продолжали оставаться членами сельскихъ обществъ. Мало того, выкупленные надѣлы, по общему правилу, не отводились къ одному мѣсту, а продолжали числиться въ общемъ составѣ общинныхъ земель. Такимъ образомъ, представляется несомнѣннымъ, что досрочный выкупъ производился крестьянами не съ цѣлью послѣдующаго отчужденія надѣльной земли постороннимъ лицамъ и даже не изъ желанія перейти къ участковому землепользованію. Побудительныя причины для производства особыхъ взносовъ были иныя: онѣ коренились во внутреннихъ условіяхъ общиннаго землевладѣнія, а не лежали внѣ его. На первомъ планѣ стояло желаніе отдѣльныхъ домохозяевъ или освободиться отъ круговой отвѣтственности по недоимкамъ, накопившимся на сельскомъ обществѣ [1]),—или же

[1]) Вотъ почему поступленіе особыхъ взносовъ въ 1891 году достигло высшаго своего размѣра—1,3 милл. р.

оградить себя отъ невыгодныхъ послѣдствій передѣловъ земли: увеличенія числа земельныхъ паевъ тамъ, гдѣ доходность надѣла была ниже выкупнаго платежа, и, наоборотъ, уменьшенія числа такихъ паевъ при противоположномъ условіи. Кромѣ того, дѣлая особый взносъ по ст. 165 положенія о выкупѣ, каждый радивый и заботливый домохозяинъ находилъ вѣрное и выгодное помѣщеніе своимъ сбереженіямъ.

Но если это такъ, то законъ 14 декабря 1893 года, направленный къ огражденію крестьянскаго земельнаго имущества, какъ сословной принадлежности, не могъ способствовать упорядоченію общиннаго землевладѣнія. Пусть, съ изданіемъ этого закона, вовсе устранены сами по себѣ исключительные случаи неразумнаго и неразсчетливаго отчужденія отдѣльными домохозяевами своихъ досрочно выкупленныхъ надѣльныхъ участковъ въ руки лицъ другихъ сословій, — осталась въ полной силѣ и даже облегчена возможность для принадлежащихъ къ составу сельскаго общества болѣе зажиточныхъ и болѣе предпріимчивыхъ крестьянъ завладѣвать надѣльною землею обѣднѣвшихъ своихъ сочленовъ. Вредныя явленія скупки и сосредоточенія надѣловъ въ однѣхъ рукахъ, всегда наблюдавшіяся внутри земельной общины исключительно въ самой крестьянской средѣ, могутъ совершаться въ будущемъ тѣмъ болѣе безпрепятственно, что закономъ ограниченъ теперь кругъ лицъ, имѣющихъ право на пріобрѣтеніе надѣльныхъ участковъ.

Наконецъ, лишеніе отдѣльныхъ домохозяевъ возможности досрочнаго погашенія выкупнаго долга врядъ ли можетъ быть признано мѣрою справедливою, такъ какъ, въ силу общепринятаго положенія, должнику принадлежитъ неотъемлемое право освободиться отъ лежащаго на немъ долга, въ особенности, если долгъ такой сопряженъ съ тягостною отвѣтственностью по круговой порукѣ. Эта сторона закона 14 декабря 1893 года заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что послѣдующимъ узаконеніемъ 13 мая 1896 года крестьянамъ предоставлена же возможность пересрочки на болѣе продолжительный періодъ времени части выкупнаго долга, остающейся непогашенной. Очевидно, такимъ образомъ, что плательщики выкупныхъ платежей поставлены въ совершенно своеобразныя отношенія къ числящемуся за ними выкупному долгу.

Въ конечномъ выводѣ нельзя не придти къ заключенію, что и съ изданіемъ закона 14 декабря 1893 г. внутренній строй общиннаго землевладѣнія не могъ измѣниться къ лучшему, хозяйственные же интересы нѣкоторой, болѣе трудолюбивой и бережливой, части крестьянскаго населенія несомнѣнно пострадали.

Со введеніемъ въ жизнь законовъ о земельныхъ передѣлахъ и о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія надѣльныхъ земель, временно

пріостановилась законодательная дѣятельность, направленная къ упорядоченію общиннаго землевладѣнія. На ближайшую очередь поставлена другая, болѣе широкая, огромной государственной важности задача, — пересмотръ законодательства о крестьянахъ во всемъ его объемѣ.

Въ качествѣ необходимаго матеріала для такого пересмотра, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ собраны, при посредствѣ особыхъ губернскихъ совѣщаній, данныя по главнѣйшимъ сторонамъ крестьянскаго современнаго быта съ точки зрѣнія дѣйствующихъ узаконеній и мѣстныхъ особенностей [1]). Въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній, какъ и слѣдовало ожидать, видное мѣсто отведено даннымъ, выясняющимъ современныя условія крестьянскаго общиннаго землевладѣнія [2]).

При оцѣнкѣ этихъ данныхъ необходимо имѣть въ виду, что всѣ губернскія совѣщанія, за ничтожными исключеніями, заявили себя убѣжденными и безусловными сторонниками крестьянской земельной общины. Въ основѣ такого предпочтенія, оказываемаго общинному землевладѣнію передъ подворно-участковымъ, лежатъ теоретическія соображенія, со временъ Гакстгаузена приводимыя въ пользу земельной общины. Сохраненіе общиннаго землевладѣнія признается особенно желательнымъ въ виду обезпеченія будущихъ поколѣній крестьянскаго населенія. Система общиннаго землевладѣнія, по мнѣнію, напримѣръ, орловскаго губернскаго совѣщанія, предупреждаетъ возможность совершеннаго обезземеленія крестьянъ; общіе передѣлы земли временно улучшаютъ экономическое положеніе бѣдняковъ, а круговая порука перелагаетъ часть денежныхъ платежей съ несостоятельныхъ на болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Архангельское совѣщаніе усматриваетъ достоинство общинной формы владѣнія землею въ томъ, что она охраняетъ отъ безземелья и впаденія въ нищету и, уравнивая землепользованіе при крупныхъ перемѣнахъ въ семейномъ составѣ, не доводитъ до избытковъ однихъ за счетъ обѣдненія другихъ. Малосостоятельные домохозяева — утверждаетъ харьковское совѣщаніе — именно отъ общиннаго землевладѣнія черпаютъ поддержку, при его помощи не превращаются въ полныхъ пролетаріевъ и нерѣдко оправляются. Только община и связанная съ нею круговая порука обезпечиваютъ за крестьянами болѣе или менѣе правильное исполненіе обязательствъ передъ государствомъ, а равно даютъ имъ извѣстную хозяйственную прочность. Съ своей стороны, рязанское губернское

[1]) Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. Изданіе земскаго отдѣла, Спб., 1897.

[2]) См. мою статью: „Крестьянская земельная община по новымъ даннымъ“ въ „Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи“, ноябрь и декабрь 1897 г., январь и февраль 1898 г.

совѣщаніе полагаетъ, что общинное землевладѣніе въ настоящемъ видѣ имѣетъ за собою то преимущество, что оно, уравнивая прежде всего владѣніе между своими членами, обезпечиваетъ отъ безземелья, а затѣмъ предоставляетъ удобства, связанныя съ возможностью имѣть общія пастбища для скота, водопоя и т. д., что совершенно, будто бы, невозможно при хуторскомъ подворномъ владѣніи. Екатеринославское совѣщаніе придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что большинство крестьянскаго населенія относится весьма сочувственно къ общинной формѣ землевладѣнія, такъ какъ хорошо понимаетъ, что община не только обезпечиваетъ личное благосостояніе крестьянина, но и его потомства, сиротъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ.

Весьма своеобразны сужденія по разсматриваемому вопросу уфимскаго совѣщанія. Въ мѣстностяхъ, гдѣ зимы продолжительны, снѣга глубоки, подворное пользованіе землею, съ разселеніемъ владѣльцевъ на участки, представляется совершенно неудобнымъ, а безъ разселенія—не достигаетъ цѣли; слѣдовательно, въ такого рода мѣстностяхъ, общинное землевладѣніе, по мнѣнію уфимскаго совѣщанія, установлено какъ бы самою природой.

Наконецъ, нѣкоторыя совѣщанія, въ подтвержденіе своего взгляда на преимущество общиннаго землевладѣнія, приводятъ отрицательныя доказательства: — указываютъ на слабыя стороны подворно-участковаго землевладѣнія. Начало личной земельной собственности дѣйствуетъ, будто бы, разрушительнымъ способомъ на мелкое землевладѣніе. При господствѣ личной земельной собственности можетъ существовать такой распорядокъ владѣнія и пользованія землею, при которомъ правильные успѣхи землевладѣнія невозможны. Право личной собственности обращаетъ землю въ товаръ, который можно продать и купить и который рано или поздно переходитъ въ руки капиталистовъ, обезземеливая крестьянскія массы. Если общинныя земли обратятся въ личную собственность крестьянъ, то внутри общества неизбѣжно начнется скопленіе участковъ въ рукахъ наиболѣе предпріимчиваго, зажиточнаго и вліятельнаго меньшинства и обезземеленіе бѣднѣйшаго большинства. Существенный смыслъ освобожденія крестьянъ съ землею въ такомъ случаѣ былъ бы потерянъ.

Таковы, главнымъ образомъ, отвлеченныя сужденія губернскихъ совѣщаній о преимуществахъ общиннаго землевладѣнія; посмотримъ, однако, каковы факты дѣйствительной жизни; что представляетъ собою современная крестьянская земельная община, если основываться хотя бы исключительно на данныхъ, сообщенныхъ тѣми же губернскими совѣщаніями?

Начнемъ съ вопроса о томъ, какъ распоряжается община надѣльною землею? Какими причинами вызываются общіе и частные передѣлы и чьимъ, преимущественно, цѣлямъ они служатъ?

Передѣлы общинной земли, согласно отзывамъ значительнаго большинства губернскихъ совѣщаній, поставлены на закономѣрную почву лишь благодаря правиламъ 8 іюня 1893 г. Установленная этими правилами долгосрочность пользованія землею, обезпечивая крестьянину спокойствіе и увѣренность въ будущемъ, способствуетъ лучшей обработкѣ и удобренію надѣловъ. Земскіе начальники, производя мѣстное дознаніе и разсматривая по существу мірскіе приговоры о передѣлѣ, „пресѣкаютъ самую возможность проявленія въ нихъ односторонняго произвола". Правда, „во многихъ" обществахъ крестьяне „ропщутъ" на лишеніе ихъ права ежегодной скидки и накидки надѣловъ, но это происходитъ отъ свойственнаго „простому народу" нерасположенія ко всякимъ новшествамъ. Въ будущемъ „крестьяне сами, при содѣйствіи земскихъ начальниковъ", выработаютъ систему передѣловъ, сообразно съ мѣстными условіями и съ доходностью земли, которая крайне разнообразна. Новыми правилами о передѣлахъ, „какъ ограждающими интересы отдѣльныхъ лицъ отъ произвольныхъ дѣйствій общества, вполнѣ обезпечивается порядокъ общиннаго землевладѣнія".

Меньшинство губернскихъ совѣщаній склонно думать, что общинное землевладѣніе и при дѣйствіи новаго закона о передѣлахъ останется такимъ же неупорядоченнымъ, какимъ оно было до самаго послѣдняго времени. Необходимость, для дѣйствительности мірскаго приговора о передѣлѣ, трудно образуемаго большинства $^2/_3$ голосовъ служитъ существеннымъ препятствіемъ къ совершенію передѣловъ въ видахъ болѣе уравнительнаго распредѣленія земли. А между тѣмъ мѣстами чувствуется настоятельная потребность въ такого рода передѣлахъ. Въ Тамбовской, напр., губерніи извѣстны случаи, что семья состоящая изъ 25 и болѣе ѣдоковъ, имѣетъ всего одинъ надѣлъ тогда какъ семья изъ 2—3 членовъ владѣетъ нѣсколькими душевыми надѣлами. Въ Самарской губерніи, въ иныхъ обществахъ, и теперь встрѣчаются дворы съ 3—4 ревизскими душами, пользующіеся 3, 4 и бо́льшимъ количествомъ душевыхъ надѣловъ, а рядомъ съ ними есть семьи, увеличившіяся послѣ ревизіи до 10—12 наличныхъ членовъ, но владѣющія, по ревизской разверсткѣ, двумя и даже однимъ надѣломъ. Въ Новгородской губерніи „кулаки" уже ранѣе изданія закона 8 іюня 1893 г. сумѣли захватить въ надѣльныхъ земляхъ „львиную долю на свою часть" и потому означенный законъ, какъ направленный къ ограниченію передѣловъ, „препятствуетъ болѣе справедливому распредѣленію земельныхъ участковъ". Въ Смоленской губерніи, при наличности тѣхъ же условій, наблюдается множество случаевъ обхода новаго закона: передѣлы совершаются—и общіе, и частные, но совершаются негласно, безъ письменнаго приговора; законъ обходится, если нѣтъ лицъ, желающихъ идти противъ міра.

Нѣкоторыя совѣщанія ставятъ въ вину новымъ правиламъ о пе-

редѣлахъ, что они предоставляютъ сельскимъ сходамъ свободу въ выборѣ основаній для передѣловъ, тогда какъ основанія эти должны быть указаны въ самомъ законѣ. Даже при предоставленіи обществу права обсуждать на сходѣ въ подробностяхъ положеніе каждаго отдѣльнаго домохозяина и давать ему соотвѣтственное количество земли, всегда, какъ показываетъ опытъ симбирскихъ крестьянскихъ учрежденій, третья часть домохозяевъ остается недовольной передѣломъ; слѣдовательно, передѣлъ удовлетворяетъ не всѣхъ, а лишь большинство домохозяевъ. То же явленіе замѣчается въ Симбирской губерніи и теперь, при передѣлѣ земли по правиламъ закона 8 іюня 1893 г. Губернское совѣщаніе сомнѣвается въ томъ, чтобы приговоры обществъ о передѣлѣ составлялись подъ вліяніемъ стремленія къ справедливой разверсткѣ земли, такъ какъ трудно предположить, чтобы намѣренія большинства были болѣе правильны и справедливы, нежели меньшинства. Сомнѣнія эти подтверждаются наблюдавшимися случаями составленія приговоровъ о передѣлѣ земли по ревизскимъ душамъ послѣ того, какъ въ теченіе 12—15 лѣтъ общество пользовалось землею по наличнымъ душамъ, причемъ многіе вновь отдѣлившіеся домохозяева не имѣли въ семьѣ ни одной ревизской души и, такимъ образомъ, въ случаѣ утвержденія приговора, были бы обезземелены, а домохозяйства ихъ разрушены. Такіе случаи передѣловъ, не имѣющихъ разумныхъ основаній, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что рѣшенія сходовъ о выборѣ основаній передѣла складываются подъ вліяніемъ случайнаго состава домохозяевъ, заинтересованныхъ въ выборѣ того или инаго основанія. Предположеніе о выборѣ сходомъ основаній передѣла, наиболѣе соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ, несогласно съ дѣйствительностью: основанія передѣловъ всегда стоятъ въ связи съ измѣненіемъ личнаго состава семей, но не съ какими-либо иными условіями сельской жизни.

Нѣкоторыми совѣщаніями выставляется особенно на видъ, что установленный закономъ 8 іюня 1893 года двѣнадцатилѣтній срокъ дѣйствія передѣла представляется слишкомъ продолжительнымъ. Крестьянскій дворъ представляетъ собою весьма неустойчивую хозяйственную единицу; въ теченіе двѣнадцати лѣтъ могутъ произойти въ немъ рѣзкія измѣненія. Возможно, что домохозяинъ, получившій при передѣлѣ земли на пять душъ, въ первый же годъ потеряетъ по разнымъ причинамъ четыре души; онъ, однако же, въ теченіе остающихся 11 лѣтъ пользуется количествомъ надѣльной земли, которое не въ силахъ даже обработать, тогда какъ рядомъ многодѣтный домохозяинъ, имѣвшій при производствѣ раздѣла четырехъ сыновей, не достигнувшихъ возраста, съ котораго, по принятому въ обществѣ основанію разверстки, положено надѣлять землю, продолжаетъ пользоваться однодушнымъ надѣломъ, хотя сыновья его уже стали работниками.

Совѣщанія сомнѣваются въ томъ, чтобы могла быть достигнута цѣль, которую преслѣдуетъ новый законъ установленіемъ наименьшаго срока дѣйствія передѣла въ 12 лѣтъ,—поднятіе среди крестьянъ сельскохозяйственной культуры. Въ общинахъ, гдѣ издавна установился передѣлъ земли на продолжительные сроки въ 12 и болѣе лѣтъ, не замѣчается никакихъ усовершенствованій въ обработкѣ земли. Колонисты, напр., Камышинскаго уѣзда давно уже дѣлятъ землю на сроки не короче 9 лѣтъ и, однако, у нихъ не примѣняются ни удобреніе почвы, ни травосѣяніе, ни другія усовершенствованія сельскохозяйственной культуры.

Признавая въ общемъ цѣлесообразность новаго закона о передѣлахъ, нѣкоторыя губернскія совѣщанія находятъ, однако, что имъ обезпечивается спокойное пользованіе землею на 12 лѣтъ тѣмъ лишь обществамъ, которыя составили приговоръ о передѣлѣ; но гдѣ такого приговора почему-либо не составилось, тамъ остается прежняя неустойчивость землепользованія, впредь до того времени, когда большинство $^2/_3$ домохозяевъ не найдутъ для себя выгоднымъ произвести передѣлъ.

Постоянно возобновляемыя попытки къ составленію приговора о передѣлѣ въ такого рода обществахъ влекутъ, обыкновенно, на нѣсколько мѣсяцевъ замѣшательство въ экономической и бытовой жизни крестьянъ. Въ селѣ образуется группа людей, по преимуществу занимающихся общественными дѣлами изъ личныхъ выгодъ, которая руководитъ составленіемъ приговора о передѣлѣ земли. Иногда же образуются двѣ подобныя группы, отстаивающія противоположные интересы. Задача руководителей партій сводится къ тому, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число домохозяевъ, безразличныхъ, по семейному положенію, къ выбору того или другаго основанія разверстки. Послѣдствіемъ этого является рядъ сходовъ, рядъ частныхъ совѣщаній въ частныхъ домахъ, сопровождающихся распитіемъ вина. Какое бы ни было, въ конечномъ результатѣ, избрано основаніе передѣла, оно представляется для той части крестьянъ, которая ему не сочувствуетъ, проявленіемъ произвола большинства, опирающагося не на справедливость, а на механическій счетъ голосовъ.

Особеннаго вниманія въ заключеніяхъ губернскихъ коммисій заслуживаютъ данныя о совершающейся въ земельной общинѣ борьбѣ между состоятельными и бѣднѣйшими однообщественниками,—борьбѣ, которая оканчивается, конечно, не въ пользу слабосильныхъ домохозяевъ. Предполагая тѣ или другія улучшенія въ существующихъ узаконеніяхъ, губернскія совѣщанія постоянно озабочены изысканіемъ такихъ правилъ, при наличности которыхъ зажиточные домохозяева общины

не могли бы попользоваться достояніемъ бѣднѣйшихъ. Эта заботливость нерѣдко приводитъ къ тому, что, не довѣряя дѣятельности сельскихъ сходовъ, совѣщанія склонны отнести къ обязанностямъ земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ разрѣшеніе наиболѣе существенныхъ вопросовъ общиннаго землепользованія.

Архангельское совѣщаніе, имѣя въ виду оградить интересы меньшинства домохозяевъ, предполагаетъ передать вопросъ о необходимости передѣла на усмотрѣніе крестьянскихъ учрежденій, которыя разрѣшаютъ дѣло „по существу“ и „окончательно“. Крестьянскія же учрежденія обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы принятыя для передѣла основанія примѣнялись общиною одинаково ко всѣмъ домохозяевамъ. Въ Вологодской губерніи новый законъ о передѣлахъ положилъ конецъ прежнему порядку, когда крестьяне „свободно, безосновательно и зачастую пристрастно“ перебрасывали тягла изъ рукъ въ руки. Усвоенное вологодскими крестьянами распредѣленіе земли по ревизскимъ душамъ является, въ глазахъ губернскаго совѣщанія, „безпорядкомъ и несправедливостью“. Въ Новгородской губерніи „кулаки“ уже ранѣе изданія закона 8 іюня 1893 г. сумѣли захватить въ надѣльныхъ земляхъ „львиную долю на свою часть“. Въ Олонецкой губерній наблюдалось, что большинство домохозяевъ, „захвативъ въ однѣ руки землю въ теченіе многихъ лѣтъ, вопреки просьбамъ меньшинства, не допускаетъ передѣла земли для болѣе равномѣрнаго ея распредѣленія“. Въ Псковской губерніи отмѣченъ „произволъ и злоупотребленія“ селенныхъ обществъ въ отношеніи частнаго передѣла надѣльныхъ земель. Злоупотребленія эти простирались иногда до того, что передѣлы земли производились „безъ всякихъ уважительныхъ причинъ“ по нѣсколько разъ въ годъ.

Самарское совѣщаніе находитъ возможнымъ предоставить сельскимъ сходамъ полную свободу въ выборѣ основаній для передѣла, такъ какъ „каждый крестьянинъ, права котораго нарушены, найдетъ защиту на мѣстѣ въ земскомъ начальникѣ“. Однако, раздѣлъ общинной земли по ревизскимъ душамъ, по мнѣнію самарскаго совѣщанія, долженъ быть воспрещенъ безусловно: приговоръ такого рода „можетъ состояться лишь въ угоду и подъ давленіемъ группы богатыхъ и сильныхъ крестьянъ“...

Изъ дѣлъ нѣкоторыхъ губернскихъ присутствій средне-промышленнаго раіона видно, что во многихъ обществахъ группа домохозяевъ, превышающая численностью треть всѣхъ имѣющихъ право голоса на сходѣ и пользующаяся въ настоящее время землею „въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ бы слѣдовало“, не желаетъ передѣла и, опираясь на законъ, продолжаетъ, въ ущербъ другимъ, пользоваться „лишней землей“. Въ Тверской губерніи, до изданія закона 8 іюня

1893 г., было обычнымъ явленіемъ, что „вліятельные крестьяне — кулаки и кабатчики пріобрѣтали большое количество надѣловъ за счетъ нуждающихся въ землѣ". Въ Симбирской губерніи существующіе мірскіе приговоры о передачѣ земли—„всѣ носятъ на себѣ печать произвола группы вліятельныхъ на сходѣ людей".

Такъ какъ новымъ закономъ допускаются передѣлы на сроки не менѣе двѣнадцати лѣтъ, то возникло предположеніе, не слѣдуетъ ли установить обязательный при передѣлѣ отводъ запасныхъ участковъ, для надѣленія ими прибылыхъ душъ. Вопросъ этотъ, какъ и всѣ вообще вопросы, касающіеся общиннаго землевладѣнія, разрѣшается губернскими совѣщаніями неодинаково; сплошь и рядомъ выступаетъ на видъ недовѣрчивое отношеніе совѣщаній къ хозяйственнымъ мѣропріятіямъ сельской общины, къ приговорамъ сходовъ, — недовѣріе, выросшее и окрѣпнувшее на почвѣ явленій дѣйствительной жизни.

Псковское, напр., совѣщаніе противъ обязательнаго отвода запасныхъ участковъ, такъ какъ земли недостаточно и для наличныхъ членовъ; кромѣ того, порядокъ пользованія запасными участками требуетъ особаго надзора, иначе участки эти, въ качествѣ участковъ общаго пользованія, „будутъ періодически пропиваться и самымъ хищническимъ способомъ эксплоатироваться, какъ всякая безхозяйственная собственность". Напротивъ того, оренбургское совѣщаніе въ пользу отвода запасныхъ участковъ: „при наличности такого рода участковъ устраняется поводъ къ общему передѣлу земли, къ чему крестьяне склонны и что чрезвычайно вредно отзывается на ихъ хозяйствѣ". Смоленское совѣщаніе полагаетъ, что „никакихъ требованій объ отводѣ запасныхъ участковъ въ законѣ содержаться не должно. Обязательство отводить такіе участки повело бы или къ тому, что непроизводительно пропадала бы земля, излишества которой нигдѣ, однако же, не замѣчается, или же такіе участки отдавались бы въ аренду и чаще всего за безцѣнокъ мѣстнымъ богачамъ"... Наконецъ, по мнѣнію витебскаго совѣщанія, образованіе въ самой общинѣ запасныхъ участковъ едва ли возможно допустить потому, что участки эти будутъ безъ надзора и надлежащей обработки.

Дробимость полосъ при передѣлахъ и непомѣрная ихъ узкость составляютъ, по отзывамъ губернскихъ совѣщаній, одну изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ современнаго общиннаго землевладѣнія и одно изъ наиболѣе существенныхъ препятствій къ правильному веденію у крестьянъ сельскаго хозяйства. Безчисленныя межи, заросшія дикою растительностью, только засоряютъ культурныя растенія, изсушаютъ почву и увеличиваютъ площадь лежащей непроизводительно незасѣянной земли. Установившееся на практикѣ дробленіе земли на полосы,

съ одной стороны, объясняется извѣстнымъ міровоззрѣніемъ крестьянъ, которые, при оцѣнкѣ земли, первое мѣсто отводятъ ея качеству, не придавая почти никакого значенія степени ея обработки, ея культуры, а съ другой стороны — неизбѣжно вытекаетъ изъ обычая крестьянъ жить, по возможности, большими селеніями, а слѣдовательно, рядомъ съ ободворными нивами имѣть и нивы отдаленныя.

Дробленіе полосъ при общинномъ землевладѣніи отмѣчено всѣми губернскими совѣщаніями; болѣе подробныя данныя имѣются, однако, только для Вятской и Уфимской губерній, — о чемъ нельзя не пожалѣть.

Въ Вятской губерніи дробимость полосъ иногда доходитъ до того, что обработка ихъ становится невозможной: борона не проходитъ, при посѣвѣ сѣмена ложатся на чужія полосы, словомъ полосы достигаютъ полуаршинной ширины. На практикѣ сосѣди по полосамъ иногда сами находятъ исходъ изъ такого ненормальнаго положенія вещей въ томъ, что, соединивъ свои полосы въ одну, передѣляютъ ихъ между собою не вдоль, а поперекъ и лишь такимъ способомъ получаютъ возможность ихъ обработывать. Но такой сравнительно благопріятный исходъ зависитъ отъ добраго соглашенія крестьянъ-сосѣдей, которое можетъ и не состояться.

Въ Уфимской губерніи дробленіе полосъ доходитъ до семи и даже до девяти мѣстъ, что дѣлается вслѣдствіе стремленія крестьянъ уравнять пользованіе землею по качеству ея и разстоянію отъ мѣстъ жительства. Достигая этой цѣли, крестьяне наносятъ себѣ ущербъ, сознаютъ его, но не могутъ отрѣшиться отъ усвоеннаго порядка „единственно изъ за эгоистическаго опасенія, какъ бы одинъ изъ участниковъ не воспользовался лучшимъ надѣломъ, сравнительно съ другимъ“. Дробимость полосъ особенно замѣтна въ большихъ селахъ.

Вопросъ о принятіи мѣръ противъ дробленія полосъ при передѣлахъ вызвалъ разногласія въ средѣ губернскихъ совѣщаній, но большинство ихъ признало такія мѣры нежелательными, такъ какъ причины, которыми обусловливается указанное явленіе, представляются неустранимыми: онѣ коренятся, главнымъ образомъ, въ малоземеліи крестьянъ, въ естественномъ приростѣ населенія, въ разнокачественности надѣльной земли и, наконецъ, въ удаленности полей отъ селеній.

Какое значеніе имѣетъ сдача въ аренду надѣловъ отдѣльными домохозяевами при общинномъ землевладѣніи и каковы хозяйственныя послѣдствія этого явленія? Не ведетъ ли оно, въ частности, къ злоупотребленіямъ и обходу законовъ, способствуя, напр., обезземеленію крестьянъ и сосредоточенію надѣловъ въ однѣхъ рукахъ?

Сдача надѣловъ въ аренду отдѣльными домохозяевами имѣетъ неодинаковое значеніе по отдѣльнымъ губерніямъ сѣвернаго раіона. Въ Архангельской губерніи надѣлы сдаются „нерѣдко“, но исключи-

тельно по хозяйственнымъ соображеніямъ—по случаю отлучки домохозяевъ изъ общества на болѣе продолжительное время, по неимѣнію работниковъ въ семействѣ или за недостаткомъ скота, необходимаго для обработки земли. Злоупотребленій при этомъ, съ намѣреніемъ обезземеленія или сосредоточенія надѣловъ въ однѣхъ рукахъ, не замѣчается. Сроки арендъ обыкновенно не простираются далѣе перваго слѣдующаго передѣла земли.

Въ Вологодской губерніи отдѣльные домохозяева „довольно часто“ сдаютъ свои надѣлы въ аренду; явленіе это не приводитъ крестьянъ къ обезземеленію, но вредно вліяетъ на народное хозяйство, способствуя скопленію земли въ однѣхъ рукахъ. Краткосрочная аренда, къ тому же, по выраженію самихъ крестьянъ, „вымываетъ“, истощаетъ землю. Арендаторъ въ этихъ случаяхъ не заботится объ удобреніи земли, а старается, по возможности, выгоднѣе воспользоваться ею—сѣетъ, напр., одинъ ленъ.

Въ Псковской губерніи сдача надѣловъ въ аренду—„весьма распространена“ и „имѣетъ громадное хозяйственное значеніе“. Ближайшимъ поводомъ къ сдачѣ является малоземеліе: семья, хорошо снабженная рабочей силой, ищетъ себѣ болѣе просторной земли въ собственность или въ аренду, а свою тѣсную ниву уступаетъ сосѣдямъ.

Въ раіонѣ восточныхъ губерній сдача надѣловъ въ аренду отдѣльными домохозяевами составляетъ довольно распространенное явленіе. Въ Вятской губерніи она встрѣчается повсемѣстно, особенно же часто въ южныхъ уѣздахъ, преимущественно среди татарскаго населенія. Бываютъ случаи сдачи отдѣльными крестьянами ихъ надѣловъ цѣликомъ и на продолжительные сроки, по однимъ словеснымъ условіямъ, за ничтожную плату, только для покрытія повинностей, а подчасъ и безъ этого даже условія. Надѣльная земля многихъ селеній Вятской губерніи, по арендным условіямъ, оказалась почти цѣликомъ въ рукахъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ лицъ, у которыхъ сами хозяева очутились уже въ качествѣ безземельныхъ—наемныхъ батраковъ. Такая неразсчетливая сдача земель въ аренду въ однѣ и тѣ же руки имѣла печальныя послѣдствія, создавъ цѣлый рой кулаковъ, богатѣющихъ на счетъ обнищанія своихъ однообщественниковъ. Обычный ходъ разсматриваемаго явленія въ Казанской губерніи заключается въ томъ, что крестьянинъ сначала вовсе не желаетъ отрываться отъ земли, принимаетъ всѣ зависящія мѣры къ ея сохраненію и только стеченіе неблагопріятныхъ условій приводитъ его къ необходимости сдать часть надѣла за очень невысокую цѣну, часто низшую, чѣмъ стоимость средняго урожая хлѣба, снятаго съ того же надѣла,—недостаточную даже для уплаты всѣхъ податей. Лишившись надѣла и не имѣя практическихъ знаній, которыя могли бы давать заработокъ помимо земли, крестьянинъ съ того времени подрывается уже въ своихъ силахъ, на

слѣдующій годъ ему еще труднѣе выполнить текущіе расходы, онъ снова долженъ сдать землю, чрезъ что фактически лишается надѣла и превращается въ деревенскаго пролетарія. Въ конечномъ результатѣ—сосредоточеніе надѣловъ иногда до нѣсколькихъ десятковъ въ однѣхъ рукахъ, соотвѣтственное количество обезземеленныхъ крестьянъ и накопленіе на обществѣ значительныхъ недоимокъ.

Въ Уфимской губерніи надѣлы сдаются худшими крестьянами; годовая плата за такія аренды рѣдко превышаетъ размѣръ годовыхъ арендныхъ платежей. Часто вызываются такія аренды и ухищреніями крестьянъ, желающихъ воспользоваться слабостью однообщественниковъ: въ рукахъ отдѣльныхъ кулаковъ собирается значительное количество надѣловъ, нерѣдко до двадцати и болѣе. Сходы къ сдачѣ надѣловъ въ аренду отдѣльными домохозяевами относятся равнодушно.

Въ многоземельной Оренбургской губерніи надѣлы сдаются безлошадными домохозяевами своимъ же однообщественникамъ; отдача земель въ аренду здѣсь не служитъ средствомъ обезземеленія крестьянъ и не ведетъ къ сосредоточенію надѣловъ въ однѣхъ рукахъ.

Въ Пермской губерніи надѣлы сдаются нерадивыми домохозяевами или имѣющими крайнюю нужду въ деньгахъ; иногда сдача производится „съ цѣлью обхода закона (?)“. Сосредоточеніе надѣловъ въ однѣхъ рукахъ замѣчается, но „злоупотребленіе“ это не имѣетъ распространеннаго характера.

Наконецъ, въ Самарской губерніи сдача надѣловъ въ аренду отдѣльными домохозяевами особенно распространена въ сѣверныхъ уѣздахъ и часто ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ; сдача эта не ограничена никакими формальностями, а условія и сроки аренды весьма разнообразны. Крестьянинъ, сдавшій въ аренду свой надѣлъ, уже рѣдко возвращается къ землѣ: онъ или становится „пролетаріемъ“, или переходитъ въ другія сословія. Что касается сосредоточенія надѣловъ въ однѣхъ рукахъ, то явленіе это „не особенно“ развито въ Самарской губерніи потому лишь, что состоятельные крестьяне предпочитаютъ нанимать хорошія и свѣжія земли казны, удѣла и частныхъ владѣльцевъ, а не выпаханныя земли крестьянскаго надѣла. Если же и накопляются у нѣкоторыхъ кулаковъ душевые надѣлы однообщественниковъ, чаще всего въ качествѣ невыкупленныхъ залоговъ по займамъ, то они не обработываются временнымъ ихъ владѣльцемъ, а сдаются имъ въ аренду.

Сдача надѣловъ въ аренду отдѣльными домохозяевами въ среднепромышленномъ раіонѣ представляетъ явленіе весьма распространенное, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ развиты отхожіе промыслы. Полевая земля берется въ аренду преимущественно мѣстными зажиточными односельчанами, а равно родственниками или сосѣдями; встрѣчаются случаи отдачи надѣла крестьянамъ другаго общества. Въ общемъ,

сдача въ аренду надѣльной земли составляетъ явленіе нежелательное, ведущее нерѣдко къ полному обезземеленію захудалыхъ домохозяевъ. Подобная аренда обыкновенно вредно отзывается и на хозяйствѣ сдатчиковъ: арендаторы выпахиваютъ землю до полнаго истощенія, а потомъ бросаютъ ее; участокъ превращается въ пустырь. Сельскія общества ко всему этому относятся безразлично, и арендованіе надѣловъ производится совершенно свободно, хотя уплата накопляющейся на тѣхъ надѣлахъ недоимки ничѣмъ не обезпечивается.

Скопленія въ однѣхъ рукахъ сколько-нибудь значительнаго числа надѣловъ не замѣчается въ губерніяхъ Тверской и Смоленской. Напротивъ того, въ Ярославской губерніи въ рукахъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ сосредоточивается нерѣдко значительное количество арендованныхъ надѣловъ, такъ какъ лица, сдающія въ аренду, являются обыкновенно должниками арендаторовъ и послѣдніе не имѣютъ конкуррентовъ на аренду такихъ земель. Случается, что арендаторы сдаютъ затѣмъ уже отъ себя часть арендуемыхъ ими земель, разумѣется, за гораздо высшую плату, чѣмъ они сами уплачиваютъ. Злоупотребленіе и обходъ законовъ при сдачѣ надѣловъ въ аренду, а равно сосредоточеніе этихъ надѣловъ въ однѣхъ богатыхъ рукахъ замѣчается и въ Костромской губерніи.

Въ средне-черноземномъ раіонѣ сдача въ аренду отдѣльными домохозяевами надѣльной полевой и сѣнокосной земли составляетъ обычное и мѣстами весьма распространенное явленіе.

Въ Рязанской, напр., губерніи число сданныхъ въ аренду надѣловъ за 1894 годъ достигаетъ 12,281. Это значитъ, что въ теченіе одного лишь года и по одной лишь губерніи болѣе двѣнадцати тысячъ домохозяевъ обезсилѣли, сдѣлались неспособны къ отбыванію повинностей, превратились въ безземельныхъ пролетаріевъ, причемъ соотвѣтственно увеличились шансы на дальнѣйшее обогащеніе болѣе состоятельныхъ членовъ сельскихъ обществъ, заарендовавшихъ надѣлы захудалыхъ домохозяевъ.

Въ Симбирской губерніи сельскія общества относятся безучастно къ сдачѣ надѣловъ ихъ членами и всегда даютъ разрѣшеніе на такую сдачу,—на чемъ настаиваютъ земскіе начальники; но въ то же время слышатся жалобы на недостатокъ земли для домохозяевъ, лично ее обработывающихъ. Условія о сдачѣ надѣловъ обыкновенно не записываются въ книгу сдѣлокъ и договоровъ, но совершаются въ формѣ частныхъ расписокъ, свидѣтельствуемыхъ нерѣдко безграмотными сельскими старшинами. Это открываетъ широкій просторъ разнаго рода злоупотребленіямъ; такъ, нерѣдко наблюдалась сдача надѣловъ на продолжительные періоды времени, напр., на 12 и болѣе лѣтъ; извѣстны случаи сдачи одного и того же надѣла на одинъ и тотъ же срокъ нѣсколькимъ лицамъ. Въ татарскихъ селеніяхъ иногда

въ однѣхъ рукахъ сосредоточивается до 200 душевыхъ надѣловъ или до 600 десятинъ земли.

Въ Орловской губерніи надѣлы сдаются особенно часто въ малоземельныхъ обществахъ; домохозяева, сдавшіе свою землю въ долгосрочную аренду, обыкновенно весьма скоро забываютъ свои семейства, которыя, оставшись безъ земли, въ конецъ раззоряются и ложатся бременемъ на прочихъ членовъ общества.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Воронежской губерніи надѣлы сдаются, преимущественно, изъ за податныхъ недоимокъ; въ южныхъ—сдатчиками надѣловъ являются, главнымъ образомъ, безлошадные и уходящіе на заработки крестьяне. Въ Тамбовской губерніи сдача въ арендное содержаніе части надѣловъ повсюду имѣетъ большое распространеніе: она происходитъ съ разрѣшенія общества, причемъ получаемыя отъ аренды деньги расходуются исключительно на уплату недоимокъ. Неизбѣжнымъ, однако, послѣдствіемъ сдачи надѣльной земли въ аренду, особенно въ краткосрочную, является истощеніе почвы. Если самъ крестьянинъ-домохозяинъ мало прилагаетъ стараній къ обработкѣ своего надѣла, то арендатору до этого вовсе нѣтъ дѣла: ему важно лишь извлечь изъ аренды возможныя выгоды.

Наличность злоупотребленій со стороны болѣе зажиточныхъ домохозяевъ („кулаковъ", „міроѣдовъ"), пользующихся затруднительнымъ положеніемъ своихъ слабосильныхъ однообщественниковъ и сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ значительное число надѣловъ, отмѣчена повсемѣстно въ губерніяхъ средне-черноземнаго раіона, кромѣ, однако, Тамбовской.

Во всѣхъ губерніяхъ южнаго раіона, кромѣ Екатеринославской, сдача отдѣльными крестьянами своихъ надѣльныхъ участковъ производится въ широкихъ размѣрахъ. Особенно многочисленны въ Херсонской губерніи случаи сдачи въ аренду надѣловъ при выходѣ хозяина на заработки. Явленіе это оказываетъ самое дурное вліяніе на хозяйственное положеніе крестьянъ, сдающихъ свою землю. Замѣчено, что крестьяне, уходя на заработки, обыкновенно бываютъ вынуждены занять незначительныя, сравнительно, суммы и, въ обезпеченіе ими уплаты по принятымъ обязательствамъ, сдаютъ на два-три года въ аренду свои надѣлы. Такимъ образомъ сдатчики попадаютъ въ кабалу къ кулакамъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточиваются надѣлы. Возвращаясь съ заработковъ, крестьянинъ остается совсѣмъ безъ надѣла, такъ какъ бываетъ вынужденъ, вслѣдствіе накопившагося долга (въ большинствѣ случаевъ арендная плата вся идетъ на платежи и пополненіе процентовъ по первоначальному займу), продолжить срокъ аренды тому же съемщику.

Въ Таврической губерніи надѣлы сдаются преимущественно бѣднѣйшими крестьянами, которые, за неимѣніемъ достаточнаго инвен-

таря, не могутъ обработывать своего участка. Наконецъ, въ Астраханской губерніи, гдѣ сдача земельныхъ надѣловъ распространена очень широко, она „имѣетъ благотворное вліяніе въ томъ отношеніи, что даетъ возможность пріобрѣсти землю нуждающимся въ ней крестьянамъ (?), хотя, съ другой стороны, ведетъ иногда къ сосредоточенію значительнаго количества надѣловъ въ однѣхъ рукахъ".

Что касается Екатеринославской губерніи, то здѣсь сдача въ аренду надѣловъ встрѣчается „довольно рѣдко" и притомъ на сроки не болѣе одного или двухъ лѣтъ; она большею частью представляетъ собою одну изъ формъ ликвидированія крестьянскаго самостоятельнаго хозяйства.

Скопленіе надѣловъ въ однѣхъ рукахъ на югѣ Россіи представляетъ обычное явленіе. Въ Херсонской губерніи „въ рукахъ отдѣльныхъ кулаковъ" собирается нерѣдко 20 и болѣе надѣловъ, владѣльцы которыхъ, находясь въ кабалѣ у своихъ арендаторовъ, лишены возможности пользоваться своею землею.

Въ двухъ губерніяхъ малороссійскаго раіона — Харьковской и Черниговской, сдача надѣловъ въ аренду отдѣльными домохозяевами имѣетъ сравнительно малое распространеніе. Въ Харьковской губерніи явленіе это встрѣчается болѣе часто въ уѣздахъ Богодуховскомъ и, особенно, въ Зміевскомъ и Старобѣльскомъ, гдѣ оно нерѣдко приводитъ къ тому, что домохозяинъ только числится владѣльцемъ своего надѣла, дѣйствительнымъ распорядителемъ котораго становится арендаторъ. Отсюда происходитъ фактическое обезземеленіе крестьянъ и сосредоточеніе надѣловъ въ однѣхъ рукахъ.

Не обнаруживается ли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стремленіе къ переходу отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному; если обнаруживается, то въ чемъ оно выражается и какія встрѣчаетъ препятствія къ своему осуществленію? Оказываетъ ли замѣтное вліяніе на благосостояніе членовъ общества переходъ къ подворно-наслѣдственному пользованію землею?

Въ большинствѣ губерній сѣвернаго раіона, по свѣдѣніямъ губернскихъ совѣщаній, не замѣчается стремленія крестьянъ къ переходу отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному землевладѣнію, а существующее въ видѣ исключенія подворно-участковое землевладѣніе не обнаруживаетъ никакихъ практическихъ преимуществъ сравнительно съ общинной формой. Въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Вологодской и Псковской губерній выдѣлъ изъ состава общинной земли участковъ въ подворно-наслѣдственное пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ производится весьма нерѣдко, но выдѣлъ этотъ почти никогда не имѣетъ ничего общаго съ переходомъ отъ общинной формы землевладѣнія къ подворно-наслѣдственной.

Выдѣлъ производится и къ одному мѣсту и въ разныхъ мѣстахъ,

но выдѣляются земли по преимуществу наименѣе цѣнныя для селенія и, по возможности, отдаленныя отъ него. Права участія въ пользованіи общимъ выгономъ выдѣлившійся домохозяинъ юридически не сохраняетъ, но фактически онъ имъ пользуется.

Въ губерніихъ восточнаго раіона подворно-наслѣдственное землевладѣніе встрѣчается лишь въ видѣ исключенія.

Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ Вятская губернія. Здѣсь имѣется довольно значительное число селеній съ смѣшаннымъ общественно-подворнымъ владѣніемъ, въ которыхъ нѣкоторые домохозяева, сохраняя за собою одинаковое съ другими право на пользованіе общинною („душевою“) землею, владѣютъ въ то же время угодіями на подворномъ правѣ. Участки эти образовались еще въ давнее время путемъ „заимокъ“ и „расчистокъ“, по преимуществу подъ сѣнокосы, лѣсныхъ зарослей изъ состава общинныхъ надѣловъ. Владѣніе сверхъ „подушныхъ надѣловъ“ еще подворными участками, преимущественно сѣнокосами, способствуетъ увеличенію благосостоянія тѣхъ домохозяевъ. Заслуживаетъ вниманія, что подворные покосы, какъ не подверженные случайностямъ передѣла, содержатся болѣе тщательно, чѣмъ „подушные“, и годъ отъ года улучшаются.

Стремленіе къ переходу отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному землевладѣнію зарождается и обнаруживается въ Вятской губерніи преимущественно въ нѣкоторыхъ, особенно мелкихъ, въ двати двора, селеніяхъ; оно не можетъ принять сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ въ виду противодѣйствія самихъ сельскихъ обществъ, потому что отводъ участковъ къ однимъ мѣстамъ влечетъ за собою ломку изстари установившихся полосъ. Оказываетъ ли выдѣлъ участка въ подворное владѣніе какое-либо вліяніе на достатокъ выдѣлившагося домохозяина, судить трудно, такъ какъ выкупа участковъ добиваются домохозяева, уже и безъ того болѣе или менѣе зажиточные и съ хорошимъ достаткомъ.

Что касается другихъ губерній восточнаго раіона, то здѣсь стремленія къ переходу отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному землевладѣнію не наблюдалось; извѣстны даже случаи, когда подворные владѣльцы-четвертники владѣютъ надѣломъ сообща. Въ Самарской губерніи, въ обществахъ съ подворнымъ владѣніемъ, полевая земля заурядъ передѣляется и пользованіе ею отличается отъ пользованія въ селахъ съ общиннымъ владѣніемъ почти исключительно тѣмъ, что у отдѣльныхъ членовъ общества надѣлы не отбираются. Насколько незначительно стремленіе отдѣльныхъ крестьянъ Самарской губерніи къ подворному пользованію видно изъ того, что изъ тысячи случаевъ выкупа надѣловъ по ст. 165 полож. о вык. вымежевано въ подворное владѣніе всего 45 надѣловъ, т. е. 4½% всего ихъ числа.

Въ Уфимской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне, выкупаю-

щіе свои надѣлы по ст. 165 пол. о вык., дѣлаютъ это не съ цѣлью завести отдѣльное хозяйство, а исключительно изъ желанія освободиться отъ выкупныхъ платежей.

Изъ числа восточныхъ губерній—въ Казанской, Оренбургской и Пермской вовсе не было случаевъ выдѣла участковъ изъ состава общинной земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ подворно-наслѣдственное пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ, въ другихъ губерніяхъ такого рода выдѣлы встрѣчаются въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Стремленія къ переходу отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному въ губерніяхъ средне-промышленнаго раіона не обнаруживается; сельскія общества всячески противодѣйствуютъ этимъ выдѣламъ изъ опасенія стѣснить себя въ пользованіи выгонами и другими угодіями. При общемъ вздорожаніи земли среди помѣщичьихъ крестьянъ въ послѣднее время усиливается стремленіе выкупить находящіеся въ ихъ пользованіи надѣлы въ личную собственность по ст. 165; но это стремленіе, по мнѣнію губернскаго совѣщанія, не имѣетъ никакого значенія для разрѣшенія вопроса о подворно-наслѣдственномъ землевладѣніи, такъ какъ оно обусловливается единственно желаніемъ зажиточныхъ домохозяевъ закрѣпить за своими семьями землю по дешевой цѣнѣ, а вовсе не потребностью въ обособленіи хозяйства.

При крайне незначительномъ распространеніи подворнаго землевладѣнія въ средне-промышленныхъ губерніяхъ, нѣтъ достаточныхъ основаній для сужденія о вліяніи этой формы землепользованія на благосостояніе населенія. Впрочемъ, по мнѣнію тверскаго губернскаго совѣщанія, подъема экономическаго благосостоянія среди владѣльцевъ подворно-наслѣдственныхъ участковъ не замѣчается.

Выдѣлъ изъ состава общинной земли участковъ въ подворно-наслѣдственное пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ средне-промышленнаго раіона или вовсе не встрѣчается (Нижегородская губ.), или составляетъ рѣдкое явленіе, главнымъ образомъ, потому, что общество при выдѣлѣ старается отвести землю возможно худшаго качества.

Вліяніе выдѣла на хозяйственное положеніе выдѣлившихся домохозяевъ въ Ярославской губерніи оказывается весьма неблагопріятнымъ. Вслѣдствіе стремленія обществъ выдѣлять худшія земли, хозяйство выдѣлившихся членовъ общества не можетъ идти съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ на земляхъ, находящихся въ чрезполосномъ владѣніи.

Въ Смоленской губерніи выдѣлъ подворныхъ участковъ въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ заключается, обыкновенно, лишь въ отводѣ выдѣляющемуся домохозяину тѣхъ полосъ,

которыя находятся въ его пользованіи; отводъ участка къ одному мѣсту почти не встрѣчается и, такимъ образомъ, за выдѣлившимся домохозяиномъ всегда сохраняется право пользоваться общиннымъ выгономъ.

Къ выдѣлу стремятся лица, обладающія большимъ, въ сравненіи съ другими однообщественниками, достаткомъ и желающія завести на выдѣленномъ участкѣ торговое или промышленное предпріятіе (мельницу, питейную или иную торговлю и т. п.). Случаевъ отчужденія надѣльной земли, подъ видомъ выкупа съ выдѣломъ, въ руки лицъ, постороннихъ обществу, въ Смоленской губерніи не наблюдалось.

Стремленіе къ переходу отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному въ средне-черноземныхъ губерніяхъ встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. Оно отмѣчено въ Курской и Рязанской губерніяхъ. Такого перехода „обыкновенно добиваются тѣ сравнительно зажиточные домохозяева, которые боятся или отвѣтственности по круговой порукѣ за несостоятельныхъ или нерадивыхъ своихъ однообщественниковъ, или убавки земли при общемъ ея передѣлѣ". Напротивъ того,— „всѣ малоземельные, а потому и менѣе состоятельные крестьяне хорошо сознаютъ, что съ переходомъ къ подворному землевладѣнію они лишатся возможности увеличить свой надѣлъ при передѣлахъ земли, а съ отмѣною круговой поруки сами обязаны будутъ платить причитающіеся съ нихъ сборъ и недоимки".

Въ общей массѣ крестьянъ, по отзывамъ совѣщаній средне-черноземнаго раіона, до сихъ поръ сохраняется сознаніе, что только общинное землевладѣніе ограждаетъ ихъ отъ безземелья. Это подтверждается фактомъ, что за время дѣйствія ст. 165 пол. о вык. въ прежнемъ ея видѣ (т. е. до изданія закона 14 декабря 1893 г.) правомъ выкупа надѣльной земли воспользовался ничтожный процентъ сельскаго населенія. Достойно при этомъ вниманія, что выкупали свои надѣлы главнымъ образомъ бездомные крестьяне, обыкновенно на чужія деньги, впередъ запродавъ скупщикамъ невыкупленные надѣлы; зажиточные же крестьяне, даже выкупивъ свои надѣлы, оставляли ихъ въ общественномъ пользованіи, не выдѣляя въ отдѣльные участки.

Переходъ отъ общиннаго къ подворному землепользованію содѣйствовалъ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ только тамъ, гдѣ размѣръ крестьянскихъ надѣловъ былъ достаточенъ для обезпеченія существованія двора; тамъ же, гдѣ надѣлы слишкомъ малы, гдѣ подворные владѣльцы вынуждены дѣлить позагонно поля свои и засѣвать ихъ по общей трехпольной системѣ, совмѣстно съ другими владѣльцами, — хозяйственное положеніе такихъ владѣльцевъ отнюдь не лучше положенія крестьянъ-общинниковъ.

Равнымъ образомъ весьма рѣдки случаи выдѣла изъ состава общинной земли участковъ въ подворно-наслѣдственное пользованіе от-

дѣльныхъ домохозяевъ и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ средне-черноземнаго раіона. Поводомъ къ выдѣлу является обыкновенно желаніе домохозяина выкупить участокъ въ личную собственность, нерѣдко съ исключительною цѣлью перепродажи въ посторонія руки,—но отнюдь не стремленіе къ выходу изъ общины, съ цѣлью обособленія своего владѣнія для болѣе удобнаго веденія хозяйства. Такъ какъ выдѣляемые участки къ одному мѣсту не отводятся, то на хозяйственное положеніе какъ выдѣлившагося домохозяина, такъ равно и всего общества выдѣлъ вліянія не оказываетъ.

Въ губерніяхъ южнаго раіона выдѣлъ изъ состава общинной земли участковъ въ подворно-наслѣдственное пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ встрѣчается въ видѣ рѣдкаго исключенія. Выдѣляются, большею частью, домохозяева семейные и зажиточные, опасающіеся уменьшенія своихъ надѣловъ при передѣлѣ; выдѣляемые участки отводятся и къ одному мѣсту, и въ разныхъ мѣстахъ, смотря по качеству всей площади общинной земли. Особаго вліянія такіе выдѣлы на хозяйственное положеніе общества и самихъ выдѣляющихся не оказываютъ.

Въ Бессарабской губерніи въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и болгарскихъ колонистовъ наблюдается стремленіе перейти къ подворно-наслѣдственному землевладѣнію, но оно не всегда можетъ осуществиться за невозможностью достигнуть требуемаго закономъ согласія большинства $^2/_3$ всѣхъ членовъ общества.

Стремленіе къ переходу отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному землевладѣнію въ малороссійскихъ губерніяхъ замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ раіонахъ, но оно не приняло сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ. Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію означеннаго перехода и здѣсь служитъ невозможность достигнуть большинства двухъ третей голосовъ для составленія законнаго приговора, вслѣдствіе раздора партій и сопротивленія малосемейныхъ домохозяевъ.

Въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, по отзыву мѣстнаго уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ, лучшіе и средніе домохозяева стремятся къ подворно-наслѣдственному землевладѣнію; выражается это стремленіе въ попыткахъ пріурочить разрозненныя полосы своихъ надѣловъ, по возможности, къ одному мѣсту путемъ обмѣна и найма надѣловъ своихъ однообщественниковъ; указанныя стремленія парализуются малосостоятельными домохозяевами. Переходъ къ подворно-наслѣдственному землевладѣнію въ Изюмскомъ уѣздѣ оказалъ самое благопріятное вліяніе на благосостояніе членовъ общества.

Въ Черниговской губерніи, точно также, замѣчается среди крестьянъ стремленіе къ переходу отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному,—„какъ болѣе справедливому, въ томъ вни-

маніи, что земельные участки не легко уступаются хорошимъ и домовитымъ хозяиномъ другому лицу, ибо взамѣнъ ихъ ему иногда приходится получать совершенно истощенную землю и вновь начинать кропотливую работу удобренія таковой".

Наконецъ, въ Витебской губерніи, гдѣ одновременно существуетъ общинное и подворное владѣніе землею, „легко замѣтить значительную разницу въ благосостояніи крестьянъ-общинниковъ и подворныхъ владѣльцевъ, причемъ перевѣсъ безусловно на сторонѣ послѣднихъ". Въ послѣднее время, въ особенности, стало замѣчаться среди крестьянъ, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ, стремленіе перейти къ подворно-наслѣдственному владѣнію. Въ этихъ видахъ сельскими или селенными сходами постановляются приговоры, на основаніи которыхъ земля разверстывается между отдѣльными членами [1]).

Если теперь подвести итоги даннымъ, собраннымъ губернскими совѣщаніями по вопросу о современныхъ условіяхъ общиннаго землевладѣнія и общиннаго быта, то нельзя не придти къ заключенію, что условія эти въ высшей степени неблагопріятны съ точки зрѣнія инте-

---

[1]) Многія изъ губернскихъ совѣщаній въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ общиннымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ особенно отмѣчаютъ тотъ фактъ, что встрѣчающіеся въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ видѣ исключенія, подворные владѣльцы ведутъ свое хозяйство не лучше крестьянъ-общинниковъ и не зажиточнѣе послѣднихъ. Мало того: эти подворные владѣльцы обнаруживаютъ нерѣдко склонность къ передѣлу своихъ земель, что въ глазахъ губернскихъ совѣщаній служитъ явнымъ доказательствомъ тяготѣнія народной массы къ общинному землевладѣнію.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что вопросъ о подворныхъ владѣльцахъ, затерянныхъ въ сплошномъ морѣ крестьянъ-общинниковъ, весьма мало изслѣдованъ земскими статистиками. Сообщенныя губернскими совѣщаніями по этому предмету свѣдѣнія полны глубокаго интереса, но они врядъ ли могутъ служить основаніемъ для сдѣланнаго ими вывода. Въ сущности подворное владѣніе въ губерніяхъ съ сплошнымъ общиннымъ землевладѣніемъ не представляетъ собою отдѣльныхъ владѣній, самостоятельныхъ въ хозяйственномъ отношеніи, участками, выдѣленными каждому двору къ одному мѣсту; оно остается тѣмъ-же общиннымъ пользованіемъ надѣльною землею, съ тою лишь разницею, что доля участія каждаго члена общества въ мірской землѣ разъ навсегда опредѣлена и никакимъ колебаніямъ не подвергается. Такіе подворные владѣльцы ведутъ общее трехпольное хозяйство, имѣютъ общіе выгоны, покосы, луга и лѣса и фактически передѣляютъ въ натурѣ пахотную и луговую землю, хотя доля участія каждаго совладѣльца всегда остается неизмѣнной.

Такое „подворное" владѣніе по существу и по своему хозяйственному значенію вполнѣ совпадаетъ съ общиннымъ владѣніемъ по ревизскимъ душамъ въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, гдѣ передѣлы не производились со времени освобожденія крестьянъ. Низкій уровень благосостоянія такихъ „подворныхъ" владѣльцевъ обусловливается крайнимъ дробленіемъ земельныхъ участковъ въ порядкѣ семейныхъ раздѣловъ и по наслѣдству,— дробленіемъ, при которомъ невозможно веденіе сколько-нибудь раціональнаго хозяйства.

ресовъ народнаго благосостоянія. Общинная жизнь, повидимому, клонится къ упадку. Даже тѣ изъ губернскихъ совѣщаній, которыя выставляютъ себя убѣжденными сторонниками общиннаго начала, не отрицаютъ необходимости „упорядоченія“ внутренней жизни сельской общины и общиннаго землевладѣнія. Но—странное дѣло — лучшимъ средствомъ къ такому упорядоченію они признаютъ расширеніе правъ земскаго начальника по руководительству хозяйственно-правовою жизнію крестьянъ, забывая, что община, какъ и всякій другой общественный организмъ, можетъ жить и развиваться лишь въ томъ случаѣ, если она въ самой себѣ носитъ задатки жизни и развитія.

Упадокъ общинной жизни представляется явленіемъ совершенно неизбѣжнымъ уже потому, что узаконенія, на почвѣ которыхъ выросли и сложились современные общинные порядки, не соотвѣтствуя потребностямъ новаго времени, препятствуютъ поступательному движенію народной массы въ области хозяйственной и правовой и, слѣдовательно, понижаютъ уровень народнаго достатка.

Не слѣдуетъ забывать, что, при осуществленіи крестьянской реформы, самою трудною ея стороною являлась развязка отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными людьми, путемъ выкупной операціи. На эту сторону было, по необходимости, обращено преимущественное вниманіе редакціонныхъ коммисій, ей посвящена большая часть положеній 19 февраля 1861 года; постановленіямъ же о прочихъ сторонахъ жизни крестьянъ, объ общественномъ ихъ устройствѣ и объ имущественномъ ихъ бытѣ, удѣлено въ тѣхъ положеніяхъ сравнительно незначительное мѣсто. Особенное значеніе имѣло отсутствіе въ законодательствѣ какихъ бы то ни было постановленій, регулирующихъ взаимныя отношенія по землевладѣнію цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ его членовъ при общинномъ землевладѣніи. Указанные пробѣлы въ положеніяхъ 19 февраля не были восполнены и въ послѣдующее за реформою время, если не считать такой единичной мѣры, какъ послѣдовавшее въ 1886 году изданіе закона о семейныхъ раздѣлахъ въ сельскихъ обществахъ. Благодаря подобному положенію вещей, многія важнѣйшія стороны крестьянской жизни оставались и остаются неупорядоченными, можно сказать, даже незатронутыми съ точки зрѣнія закона, въ прямой ущербъ сельскому населенію, въ подрывъ народному благосостоянію. При нѣкоторой неопредѣленности, незаконченности и несогласованности законодательныхъ постановленій, относящихся до тѣхъ или другихъ сторонъ крестьянскаго быта, открытъ былъ широкій просторъ административному благоусмотрѣнію и явилась удобная почва для крайней пестроты въ практикѣ крестьянскихъ учрежденій по примѣненію тѣхъ или другихъ узаконеній, понимаемыхъ ими различно.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ послѣдовавшихъ за крестьянскою

реформою законодательныхъ актовъ, направившихъ по иному пути теченіе жизни всего русскаго народа, подъ вліяніемъ также измѣнившихся экономическихъ условій Россіи, въ крестьянской средѣ возникли новыя потребности и усложнились условія хозяйственнаго быта. Благодаря необычайному развитію, за послѣднія тридцать лѣтъ, промышленности, торговли и желѣзнодорожнаго дѣла народился у насъ денежный капиталъ, поколебавшій устои нашего сословнаго строя сильнѣе всякихъ правительственныхъ мѣропріятій. Прежде экономическая сила заключалась въ недвижимомъ имуществѣ—въ землѣ, находившейся въ обладаніи помѣстнаго дворянства; теперь первенствующее значеніе принадлежитъ денежному капиталу, завладѣвшему, при посредствѣ ипотечнаго кредита, даже землею и превратившему помѣстныхъ владѣльцевъ въ арендаторовъ, вынужденныхъ работать на пользу земельныхъ банковъ. У насъ, какъ и въ Западной Европѣ, денежный капиталъ былъ силою, сломившею сословныя перегородки, ибо онъ дается въ руки каждому, кто сумѣетъ имъ завладѣть. Вотъ почему сословная жизнь у насъ замирала и замираетъ безъ всякой видимой причины... Сословныя перегородки оказываются узкими и для крестьянскаго самоуправленія, давно уже утратившаго чисто сословный характеръ. Это въ особенности относится къ волости, за которою не удалось сохранить значеніе административнаго крестьянскаго общества. Силою вещей, волость стала низшею единицею государственно-административнаго управленія, хотя одно лишь крестьянское населеніе, попрежнему, несетъ на себѣ расходы, необходимые для осуществленія волостнымъ правленіемъ задачъ, возложенныхъ на волость въ общегосударственныхъ видахъ и, слѣдовательно, имѣющихъ всесословный характеръ.

Но по мѣрѣ того, какъ развивалась и усложнялась жизнь русскаго народа во всѣхъ ея проявленіяхъ, и чѣмъ замѣтнѣе становились успѣхи гражданственности и культуры, особенно въ средѣ разночиннаго городскаго населенія, тѣмъ существеннѣе различалось юридическое и общественное положеніе крестьянина въ зависимости отъ того, проживалъ ли онъ въ общинѣ или находился внѣ ея.

Внѣ общины крестьянинъ подчиненъ дѣйствію общегражданскихъ законовъ; его личность и собственность охраняются общими для всѣхъ гражданъ судебными и административными учрежденіями; ему открыты, наравнѣ со всѣми другими сословіями, всѣ пути къ пріобрѣтенію образованія и къ законному обогащенію; онъ—равноправный членъ гражданскаго общества, пользующійся всѣми благами культурной жизни на равныхъ съ прочими сословіями основаніяхъ.

Проживая въ общинѣ и принимая дѣятельное участіе въ общинномъ самоуправленіи, до исполненія общественныхъ должностей по выбору, крестьянинъ превращается въ „мужика“, вынужденнаго во

всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ считаться съ міромъ,—этой косной, невѣжественной и недисциплинированной толпой, распоряжающейся на законномъ основаніи и личностью, и собственностью каждаго изъ сообщественниковъ; въ качествѣ члена общины, крестьянинъ долженъ довольствоваться упрощенными формами гражданскаго быта: вмѣсто писаннаго, незыблемаго закона — обычай, выразителемъ котораго является сельскій сходъ, направляемый и руководимый міроѣдами и случайнымъ нерѣдко сбродомъ; вмѣсто самоуправленія—произволъ и злоупотребленія волостныхъ писарей и сельскаго начальства; вмѣсто суда, строго и справедливо примѣняющаго одинаковую для всѣхъ норму закона ко всѣмъ случаямъ правонарушенія, — судъ, хотя и близкій „къ народу“, но руководящійся все тѣмъ же неуловимымъ обычаемъ и склонный прибѣгать въ видахъ исправленія правонарушителей—къ тѣлеснымъ наказаніямъ даже за неплатежъ сборовъ [1]).

Для крестьянина, такимъ образомъ, гражданско-правовая жизнь въ общинѣ цѣлою пропастью отдѣляется отъ жизни его внѣ условій общиннаго быта; пропасть эта становилась тѣмъ шире и глубже, чѣмъ быстрѣе шло поступательное движеніе русскаго народа въ пореформенное время, чѣмъ значительнѣе были наши успѣхи въ дѣлѣ гражданственности и культуры.

Къ какимъ послѣдствіямъ, логически и неизбѣжно, велъ подобный порядокъ вещей? Къ крайнему ухудшенію состава сельскихъ сходовъ и должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, къ повсемѣстно наблюдающемуся пониженію нравственнаго уровня нашего крестьянства.

Для разумной, честной и безкорыстной общественной дѣятельности, обставленной нѣкоторою независимостью и награждаемой почетомъ и всеобщимъ уваженіемъ своихъ односельчанъ, въ общинѣ нѣтъ теперь мѣста, такъ какъ ея выборныя власти на дѣлѣ являются безотвѣтными слугами даже низшихъ чиновъ полиціи. Даровитымъ, способнымъ и предпріимчивымъ личностямъ изъ крестьянъ нѣтъ въ общинѣ простора: одни изъ нихъ, оставаясь въ сельской средѣ, исподволь превращаются въ міроѣдовъ; другіе предпочитаютъ вовсе уйти изъ общины и, пополняя собою ряды городскаго населенія, нерѣдко утрачиваютъ всякую связь съ деревней. Но общественный организмъ, въ которомъ лучшія силы или систематически убываютъ, или получаютъ вредное для общаго блага направленіе, не можетъ не придти въ упадокъ.

Эти своеобразныя условія внутренней жизни сельской общины имѣютъ самое близкое отношеніе къ упадку благосостоянія въ нашей

[1]) Юридическое положеніе личности въ общинномъ быту съ обстоятельностью разсмотрѣно въ прекрасной статьѣ А. П. Никольскаго, напечатанной въ „Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи“ за январь текущаго года.

сельской средѣ, ибо крестьянская община, созданная положеніями 19 февраля 1861 года, не есть органъ самоуправленія, призванный радѣть лишь о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Наша община, распоряжающаяся по своему усмотрѣнію землею и податью и связанная круговою отвѣтственностью за недоимку, имѣетъ такую силу воздѣйствія на имущественное положеніе каждаго изъ своихъ сочленовъ, какою не обладаетъ никакой органъ самоуправленія ни въ одномъ изъ благоустроенныхъ государствъ. Эта сила, какъ и всякая другая, дѣйствуетъ въ сторону наиболѣе слабаго сопротивленія. Община, руководимая міроѣдами, обрушивается главнѣйше на своихъ же маломочныхъ сочленовъ и, вышибая ихъ изъ земли, плодитъ пролетаріатъ. На бумагѣ всѣ полноправные члены общины числятся въ составѣ крестьянства, обезпеченнаго землей и, слѣдовательно, въ средствахъ къ существованію; на самомъ же дѣлѣ повсемѣстно, гдѣ болѣе, а гдѣ менѣе, часть домохозяевъ-общинниковъ уже лишилась своихъ надѣловъ, которые, по частнымъ долгамъ или за недоимку, стали достояніемъ болѣе зажиточнаго меньшинства. Арендныя цѣны на надѣльныя земли, сдаваемыя маломочными домохозяевами, конечно, ниже тѣхъ среднихъ цѣнъ, по которымъ можно было бы снять землю, одинаковую по качеству и выдержанности у другихъ владѣльцевъ, потому что надѣльныя земли сдаются „по нуждѣ“. Сдавъ свои надѣлы, крестьяне отправляются въ разныя мѣста на заработки, предаются нищенству, нерѣдко поступаютъ въ батраки къ съемщикамъ своихъ надѣловъ. Это послѣднее особенно часто встрѣчается въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ при слабомъ развитіи фабрично-заводской промышленности мѣстное сельское населеніе не привыкло отлучаться въ отхожіе промыслы[1]).

Таковы тѣ своеобразныя условія внутренней жизни нашего сельскаго населенія, которыми, главнымъ образомъ, обусловливается его хозяйственное слабосиліе, столь ярко проявляющееся въ неурожайные годы. Есть, конечно, и другія причины бѣдности нашего крестьянина, но онѣ имѣютъ, сравнительно, меньшее значеніе. Особенно часто дѣлаются указанія на малоземелье и недостаточность крестьянскихъ надѣловъ, на нашу финансовую политику, пренебрегающую, будто бы, интересами сельскаго населенія, и, наконецъ, на безграмотность народной массы.

Начать съ того, что малоземелье и недостаточность надѣловъ представляютъ собою понятія относительныя. Даже на югѣ, — какъ

[1]) По Самарской, напр., губерніи (кромѣ Ставропольскаго уѣзда) еще до 1891 г. общій итогъ арендованныхъ душевыхъ земель опредѣлился въ 672 т. десятинъ или около $^1/_{10}$ всего крестьянскаго душеваго землевладѣнія. Сводный сборникъ статист. свѣдѣній по Самарской губ., т. VIII, стр. 95; ср. Сборникъ статист. свѣдѣній по Орловской губ., т. IV, вып. II, стр. 89 и слѣд.

свидѣтельствуетъ о томъ авторъ книги „Неурожай и народное бѣдствіе“, — въ областяхъ Терской и Кубанской приходится слышать жалобы на малоземелье — при душевомъ надѣлѣ въ 15 десятинъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ идетъ выселеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ изъ мѣстностей, гдѣ надѣлы ихъ составляютъ 6—8 десятинъ на душу и гдѣ, несмотря на это, народу оказывается „жить тѣсно“. Факты такого рода заставляютъ придти къ заключенію, что „дѣло здѣсь не въ абсолютномъ недостаткѣ земли, а въ томъ, что ея оказывается постепенно слишкомъ мало для сохраненія прежнихъ первобытныхъ формъ экстенсивнаго хозяйства“, перейти же къ болѣе совершеннымъ и интенсивнымъ пріемамъ поле-воздѣлыванія населеніе неспособно — „вслѣдствіе отсутствія самыхъ элементарныхъ знаній, а иногда и вслѣдствіе дѣйствительной невозможности, при существующихъ формахъ общиннаго землевладѣнія“ [1]).

Въ общемъ, площадь крестьянскаго землевладѣнія непрерывно расширяется. Не говоря уже о земельныхъ пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ на собственныя средства крестьянъ,—ими при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, за время съ 1883 по 1896 г., куплено земли слишкомъ 2,4 милл. десятинъ. Къ сожалѣнію, этотъ приростъ крестьянскаго землевладѣнія имѣетъ значеніе главнѣйше въ количественномъ, а не въ качественномъ отношеніи, такъ какъ общественныя и товарищескія покупки земли при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка въ существѣ дѣла представляются дальнѣйшимъ продолженіемъ безурядицы, свойственной общинному землевладѣнію: способствовать подъему народнаго благосостоянія такія земельныя пріобрѣтенія врядъ ли могутъ [2]).

---

[1]) (А. С. Ермоловъ). Неурожай и народное бѣдствіе, стр. 108 и 109.

[2]) Когда въ 1891 г. министерство финансовъ, имѣя въ виду пересмотръ устава крестьянскаго поземельнаго банка, приняло мѣры къ всестороннему выясненію причинъ накопленія крупныхъ недоимокъ за заемщиками этого банка, то оказалось, что въ ряду такихъ причинъ выдающееся мѣсто занимаютъ споры и неурядица въ средѣ покупщиковъ—сельскихъ обществъ и товариществъ—какъ въ отношеніи пользованія землей, такъ и по раскладкѣ и взысканію банковыхъ платежей.

Въ Курской, напр., губерніи, по отзыву мѣстныхъ органовъ крестьянскаго поземельнаго банка, „крестьяне всегда являлись недоимщиками, была бы земля куплена дорого или за полцѣны — безразлично. Общинное владѣніе землею во всѣхъ покупкахъ неминуемо должно было оказаться вполнѣ несостоятельною формою владѣнія и пользованія землею, а потому всѣ покупки обществами съ круговою порукою должны рушиться“. Въ Тамбовской губерніи „купленная земля дѣлится обыкновенно подушно, доставаясь какъ лицамъ, вполнѣ исправнымъ и надежнымъ, такъ и тѣмъ, которыя совершенно неспособны къ хозяйству или не обращаютъ на него вниманія“... Въ Пензенской губерніи увеличенію недоимки содѣйствовалъ, между прочимъ, „способъ пользованія землею, купленною въ общинное владѣніе, и способъ раскладки между домохозяе-

Далѣе, для надлежащей и справедливой оцѣнки нашихъ финансовыхъ мѣропріятій слѣдуетъ имѣть въ виду, что осуществленіе міровыхъ задачъ, выпавшихъ на долю Россіи, предполагаетъ необходимость возможнаго использованія всѣхъ финансовыхъ рессурсовъ, находящихся въ распоряженіи правительства. Въ странѣ, какъ Россія, бѣдной капиталами, но богатой численностью населенія, косвенные налоги, по необходимости, должны составлять существеннѣйшую часть государственнаго доходнаго бюджета, — слѣдовательно, главнымъ образомъ, крестьяне доставляютъ государству нужныя ему средства. Объ этомъ можно сожалѣть, съ этимъ необходимо примириться. Интересы справедливости будутъ въ должной мѣрѣ ограждены, если высшіе общественные классы, въ настоящее время пользующіеся въ этомъ отношеніи ничѣмъ не оправдываемою привилегіею, будутъ привлечены къ несенію податной тяготы, соотвѣтственно получаемымъ ими доходамъ.

Но если наша финансовая система оказывается не вполнѣ благопріятствующей интересамъ низшихъ слоевъ народа,—финансовая политика, несомнѣнно, считалась и продолжаетъ считаться съ этими интересами. Достаточно указать на первую половину 80-хъ годовъ, ознаменовавшуюся отмѣною солянаго налога и подушной подати, пониженіемъ выкупныхъ платежей и сложеніемъ многомилліонныхъ недоимокъ. Изъ числа 892 милл. руб. выкупныхъ ссудъ, разрѣшенныхъ къ 1896 году, сложено съ крестьянъ, вслѣдствіе пониженія выкупныхъ платежей, 185 милл. руб. капитальнаго выкупнаго долга.

Послѣ нѣкотораго затишья, съ 1892 года вновь оживляется дѣятельность финансоваго управленія въ области мѣропріятій, относящихся до хозяйственнаго быта сельскаго населенія. Прежде всего осуществлена паспортная реформа, поставленная на очередь болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ и все почему-то остававшаяся невыполненною; открывая возможность свободнаго передвиженія рабочему насе-

---

вами слѣдуемыхъ банку платежей. Земля дѣлилась между домохозяевами пропорціонально числу наличныхъ душъ мужскаго пола, не соображаясь со средствами каждаго; при такомъ раздѣлѣ, крестьянину, обремененному большою семьею и не имѣющему даже рабочаго скота, доставался такой значительный участокъ, который онъ былъ не въ силахъ обработать личными средствами и вынужденъ былъ отдавать его другимъ или въ наймы, или изъ части урожая. Пользуясь безвыходнымъ положеніемъ такого малосильнаго крестьянина, другіе его же однообщественники или посторонніе крестьяне снимали у него землю на невыгодныхъ для него условіяхъ".

Что касается раскладки платежей, то „сельскіе старосты безусловно подчинялись постановленіемъ сходовъ, которые, опасаясь въ силу круговой поруки заплатить деньги за несостоятельныхъ членовъ общины, всякій разъ опредѣляли къ сбору такую сумму съ единицы обложенія, т. е. съ каждой души мужскаго пола, какую могъ внести бѣднѣйшій домохозяинъ". Это же явленіе наблюдалось въ другихъ губерніяхъ, напр., въ Рязанской.

ленію, реформа эта завершена отмѣною паспортнаго сбора, благодаря чему паспортъ совершенно утратилъ фискальный характеръ. Законами 7 февраля 1894 г. и 13 мая 1896 г. населенію предоставлены широкія льготы по платежу выкупныхъ недоимокъ и допущено пониженіе текущаго оклада этихъ платежей, въ случаѣ его обременительности удостовѣренной мѣстнымъ разслѣдованіемъ. Въ видахъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія, изданъ новый уставъ крестьянскаго поземельнаго банка, въ пользу котораго установлено отчисленіе, нѣкоторой части выкупныхъ платежей, достигающее ежегодно нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 14 мая 1896 года сложена недоимка отмѣненныхъ сборовъ и понижены на слѣдующее десятилѣтіе оклады государственнаго поземельнаго налога. Разработанъ законопроектъ о порядкѣ взиманія съ крестьянъ казенныхъ и земскихъ окладныхъ сборовъ, слагающій съ полиціи несвойственныя ей обязанности по наблюденію и руководству крестьянскимъ податнымъ дѣломъ. Наконецъ, расширяется постепенно раіонъ казенной продажи питей, преслѣдующей уничтоженіе кабака, служащаго орудіемъ темной эксплоатаціи низшихъ слоевъ народа.

Бремя прямыхъ налоговъ, тяготѣющихъ въ настоящее время надъ крестьянствомъ, слагается, главнымъ образомъ, изъ земскихъ сборовъ и, въ особенности, мірскихъ, быстрый ростъ которыхъ и неупорядоченность заслуживаютъ несомнѣнно преимущественнаго вниманія. Но мірское обложеніе, во всякомъ случаѣ, составляетъ область иной политики, — не финансовой. Въ пользу казны поступаютъ съ крестьянъ лишь выкупные платежи [1]), представляющіе собою плату за отведенную крестьянамъ въ надѣлъ землю. Во всякомъ случаѣ финансовыя мѣропріятія, хотя бы они шли до полнаго сложенія податной тяготы съ низшихъ слоевъ населенія, по самому существу своему имѣютъ отрицательный характеръ, такъ какъ они не создаютъ новыхъ условій, благопріятствующихъ развитію народнаго труда и усиленію его производительности. Эта послѣдняя цѣль есть ближайшая цѣль всей культурной дѣятельности государства; для подъема народнаго благосостоянія нужны мѣры положительныя; желательны не только начинанія правительственныя, но и широкая самодѣятельность всего русскаго общества, воплощающаяся въ земскомъ починѣ.

Безспорно, наконецъ, что, гордясь достигнутыми нами экономическими и политическими успѣхами, мы вступаемъ въ новое столѣтіе съ крайне недостаточнымъ запасомъ какъ знаній вообще, такъ особенно начальной грамотности. Между тѣмъ грамотность есть существеннѣйшее условіе большей производительности народнаго труда; грамотный работникъ лучше приспособленъ къ борьбѣ съ житейскими

[1]) Государственный поземельный налогъ, по его незначительности, можетъ не приниматься въ соображеніе.

невзгодами; ему открытъ болѣе широкій просторъ въ пріисканіи средствъ къ жизни и выгодныхъ заработковъ. Безграмотный народъ удовлетворяется ограниченнымъ кругомъ потребностей и, обреченный на хозяйственную отсталость, не можетъ достигнуть болѣе высокой степени достатка. Вотъ почему на эту сторону народнаго быта, на необходимость самаго широкаго распространенія народнаго образованія должно быть обращено особенное вниманіе общества и правительства. Нужно, чтобы и въ этомъ отношеніи мы стояли не въ хвостѣ [1]), а въ одной хотя бы линіи съ другими европейскими народами.

Но въ ряду причинъ, которыми обусловливается хозяйственное слабосиліе сельскаго населенія губерній общиннаго раіона, народному безграмотству принадлежитъ отнюдь не первенствующее мѣсто. Вѣдь, процентъ грамотности въ средѣ сельскаго населенія губерній литовскихъ, бѣлорусскихъ и юго-западныхъ еще ничтожнѣе, по сравненію съ великорусскими земскими губерніями, а между тѣмъ западный крестьянинъ зажиточнѣе и бережливѣе великорусса, хотя послѣдній богаче одаренъ природными способностями и пользуется землею несравненно лучшаго качества. Бо́льшая хозяйственная устойчивость сельскаго населенія западныхъ губерній обусловливается, конечно, благопріятно сложившимися тамъ условіями народнаго труда въ области сельскохозяйственнаго дѣла. Пользуясь землею на правѣ частной собственности, прилагая всѣ свои силы къ лучшей обработкѣ своего участка, оберегая его отъ истощенія и не боясь никакого вмѣшательства съ чьей бы то ни было стороны въ свой хозяйственный распорядокъ, крестьянинъ западныхъ губерній и на своей тощей нивѣ достигаетъ извѣстнаго достатка, дѣлаетъ сбереженія и исправно выполняетъ лежащія на немъ повинности. Почему все это дается сельскому населенію западныхъ губерній и такъ недоступно крестьянину, великоруссу? Потому, что надъ всею хозяйственною дѣятельностью послѣдняго тяготѣютъ условія общиннаго быта и общиннаго землевладѣнія; потому что въ западныхъ губерніяхъ община есть только органъ мѣстнаго самоуправленія, а въ губерніяхъ великороссійскихъ на общину возложены задачи высшаго порядка, осуществляя которыя, она ставитъ непреодолимыя стѣсненія всему народному труду и, особенно, главнѣйшей отрасли этого труда—сельскохозяйственному промыслу.

[1]) Въ Европейской Россіи начальное образованіе получаетъ всего 3% населенія. Если принять во вниманіе, что дѣти школьнаго возраста (отъ 7 до 11 лѣтъ) составляютъ 11% общаго количества населенія, то оказывается, что остальные 8% населенія, т. е. почти 9½ милліоновъ дѣтей школьнаго возраста остаются внѣ школы. Изъ европейскихъ культурныхъ странъ (не исключая Болгаріи) всего ближе къ Россіи по развитію начальной грамотности стоитъ Португалія, но и здѣсь процентъ грамотности достигаетъ 3,27%, т. е. выше, чѣмъ въ Россіи.

Вѣдь, понятно, что благосостояніе земледѣльца зависитъ не отъ абсолютнаго факта владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, а отъ возможности такого примѣненія къ сему участку труда и капитала, при которомъ земля оказывалась бы наиболѣе производительною. Между тѣмъ въ настоящее время земельное хозяйство большей части нашего крестьянскаго населенія, пользующагося надѣломъ на общинномъ правѣ, поставлено въ такія невыгодныя условія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ веденіе сколько-нибудь усовершенствованаго полеводства, обезпечивающаго полученіе удовлетворительнаго урожая. Вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, количество земли, причитающееся на каждаго домохозяина, уменьшается съ теченіемъ времени настолько, что обрабатываемая имъ полоса нерѣдко дѣлается недостаточною для прокормленія его семейства и уплаты лежащихъ на надѣлѣ повинностей, источникомъ для которыхъ является уже не доходъ отъ земли, а личный заработокъ плательщика. По случаю все большаго и большаго дробленія участковъ, усиливается въ общинѣ черезполосица и запутанность крестьянскаго владѣнія. Это обстоятельство, въ связи съ постепеннымъ истощеніемъ почвы, недостаточно или даже вовсе неудобряемой крестьянами, приводитъ къ тому, что пахотныя угодія крестьянъ-общинниковъ даютъ ничтожные урожаи, значительно уступающіе тѣмъ, которые получаются сосѣдними землевладѣльцами, ведущими хозяйство на своихъ земляхъ.

Безотрадное положеніе общиннаго крестьянскаго сельскаго хозяйства, удостовѣренное рядомъ земскихъ изслѣдованій и данными губернскихъ совѣщаній, при сравнительно вполнѣ благопріятномъ уровнѣ хозяйственнаго преуспѣянія крестьянъ въ губерніяхъ съ сплошнымъ подворно-участковымъ землевладѣніемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что строй общиннаго землевладѣнія и общиннаго быта не соотвѣтствуетъ интересамъ сельскохозяйственнаго промысла.

Въ общинѣ всѣ домохозяева являются лишь временными владѣльцами своихъ надѣловъ и всякія затраты на улучшеніе культуры участка, въ виду возможности передѣла, сопряжены съ извѣстнымъ рискомъ; земля поэтому все болѣе истощается, а трудъ земледѣльца становится все менѣе производительнымъ. Вредное вліяніе передѣловъ въ этомъ отношеніи не возбуждаетъ ни въ комъ сомнѣній, но передѣлы, тѣмъ не менѣе, допускаются законодателемъ въ качествѣ средства, посредствомъ котораго община достигаетъ уравнительнаго землепользованія и надѣляетъ землею прибылыя души.

Въ общинѣ не можетъ быть сохранено требуемое условіями сельскаго хозяйства соотношеніе между разными видами угодій, такъ какъ, подъ вліяніемъ усиливающагося спроса на пахотную землю, сокращается постепенно площадь надѣла, на которой происходитъ общій выгонъ и пастьба скота; сокращаются, слѣдовательно, и размѣры

крестьянскаго скотоводства и производительность крестьянскихъ полей, остающихся безъ удобренія.

Веденіе сколько-нибудь правильнаго хозяйства предполагаетъ наличность земельнаго участка не менѣе извѣстнаго размѣра, — смотря по мѣстнымъ условіямъ и по характеру полеводства; но въ общинѣ земля дробится до безконечности, такъ какъ всѣ ея члены имѣютъ одинаковое право на надѣлъ, хотя бы послѣдній не обезпечивалъ никого изъ нихъ.

Наконецъ, установленная дѣйствующимъ закономъ неотчуждаемость крестьянскихъ земель оберегаетъ сословные, а не хозяйственные интересы крестьянъ; отнюдь не устраняя возможности скопленія надѣловъ въ однѣхъ рукахъ, хотя бы въ рукахъ тѣхъ же міроѣдовъ, она наноситъ ущербъ интересамъ радивыхъ домохозяевъ, ищущихъ выхода изъ круговой поруки, и обезцѣниваетъ надѣльную землю.

Старая истина, что основа народнаго богатства есть трудъ и что тѣмъ выше уровень народнаго благосостоянія, чѣмъ обезпеченнѣе и производительнѣе трудъ народный, получаетъ въ данномъ случаѣ новое подтвержденіе. При своеобразно сложившихся, на почвѣ дѣйствующихъ узаконеній, условіяхъ общиннаго быта и общиннаго землевладѣнія, земледѣльческій трудъ крестьянина не можетъ быть признанъ ни обезпеченнымъ, ни производительнымъ. Все чаще и чаще повторяющіеся недороды хлѣбовъ обнаруживаютъ поэтому и крайнюю хозяйственную необезпеченность сельскаго населенія общиннаго раіона и полное отсутствіе сбереженій въ народной массѣ. Если же обратить вниманіе на то, что площадь общиннаго землевладѣнія крестьянъ достигаетъ у насъ приблизительно 147 милл. десятинъ [1]), то легко понять, въ какой мѣрѣ современныя условія внутренней жизни крестьянской земельной общины представляются несоотвѣтствующими общегосударственнымъ интересамъ.

---

[1]) Распредѣленіе земли между главнѣйшими разрядами собственниковъ къ 1896 году представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Милл. десятинъ.	Процентъ общаго итога.
Землевладѣніе крестьянъ	165,4	38,5
Казенныя земли.	140,8	32,8
Земли частныхъ владѣльцевъ, за исключеніемъ крестьянъ. . .	84,8	19,7
Удѣльныя земли.	7,6	1,8
Земли городовъ и разныхъ учрежденій	6,3	1,5
Неудобныя земли крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ . . .	24,5	5,7
Всего земель .	429,4	100,0

Вычитая изъ общаго итога крестьянскаго землевладѣнія въ 165,4 милл. дес. площадь подворно-участковаго землевладѣнія крестьянъ, составляющую

Условія эти созданы узаконеніями 19 февраля 1861 года, присвоившими общинѣ не подобающее ей государственно-и народно-хозяйственное значеніе. Узаконенія эти отжили уже свое время и нуждаются въ коренномъ пересмотрѣ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, обезпечить землею всѣхъ членовъ общины, когда количество надѣльной земли остается неизмѣннымъ, а приростъ населенія совершается непрерывно? Справедливо ли обязывать общину круговою порукою за недоимку, если образованіе послѣдней сплошь и рядомъ обусловливается причинами, стоящими внѣ всякаго воздѣйствія общины,—тяжестью платежей и, особенно, несовершенствомъ податнаго строя. Мыслимо ли, наконецъ, надлежащее веденіе мірскаго хозяйства и подъемъ гражданственности въ сельской средѣ, если правовое положеніе личности въ общинѣ таково, что изъ нея стремятся уйти всѣ даровитые, способные хозяйственные крестьяне, а остающимся въ деревнѣ предпріимчивымъ міроѣдамъ открытъ широкій просторъ использовать безпомощность невѣжественной толпы для достиженія своекорыстныхъ цѣлей?

Устраненіе указанныхъ несообразностей общиннаго землевладѣнія и общиннаго быта должно составить ближайшую и существеннѣйшую задачу предстоящаго пересмотра крестьянскихъ узаконеній. Пересмотръ такой, по самому существу, не можетъ быть ограниченъ сводкою и систематизаціею наличнаго законодательнаго матеріала. Нужно нѣчто большее. Правовую и хозяйственную личность крестьянина надлежитъ освободить отъ гнета общинныхъ порядковъ, а кругъ порученныхъ общинѣ задачъ—ограничить предметами, свойственными всякому вообще органу мѣстнаго самоуправленія. Только такая постановка крестьянскаго дѣла, ставящая крестьянство въ равноправное съ другими сословіями въ государствѣ положеніе и открывающая сельскому населенію, въ его цѣломъ, путь къ достиженію правовыхъ и культурныхъ успѣховъ, можетъ способствовать подъему народнаго благосостоянія; только она подготовитъ почву для постепеннаго возникновенія у насъ хозяйственно-устойчиваго и жизнеспособнаго мелкаго землевладѣнія,—этой главной производительной силы въ земледѣльческой странѣ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

по губерніямъ прибалтійскимъ, бѣлорусскимъ (кромѣ Витебской губ.), литовскимъ и юго-западнымъ 18,4 милл. дес., получаемъ площадь общиннаго крестьянскаго землевладѣнія приблизительно въ 147 милл. дес. (А. А. Рихтеръ. Цифровыя данныя о поземельной собственности въ Европейской Россіи. С.-Петербургъ, 1897).